

УИЛБУР СМИТ

ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ

Роман

АЗБУКА

Кортни

Уилбур Смит

Голубой горизонт

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Голубой горизонт / У. Смит — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Кортни)

ISBN 978-5-389-19787-9

Новое поколение клана Кортни готово завоевать себе место под палящим солнцем Черного континента. Далеко не каждого чужака принимает эта земля, словно испытывая его на прочность. Но Джим Кортни не из тех, кого легко запугать; он прирожденный завоеватель и сам выбирает свою судьбу, спасая девушку с корабля, который перевозит заключенных. Они скрываются от погони в африканских лесах, где на каждом шагу беглецов подстерегает неминуемая гибель. Впереди долгая дорога – никто не знает, куда она ведет, потому что никто никогда не возвращался назад... Продолжение эпопеи о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу».

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-19787-9

© Смит У., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

112

Уилбур Смит

Голубой горизонт

Wilbur Smith

BLUE HORIZON

Copyright © Orion Mintaka 2003, 2018

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency

All rights reserved

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Т. В. Голубева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга посвящается моей жене Мохинисо – с ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни

Они стояли втроем у самой воды и наблюдали, как луна прокладывает мерцающую живую дорожку на темном море.

– Полнолуние через два дня, – уверенно произнес Джим Кортни. – Большие красные рыбы проголодаются, как львы.

На берег набежала волна, окатив пеной ноги парней.

– Давай-ка лучше лодку на воду спустим, вместо того чтобы торчать здесь и болтать попусту, – предложил его кузен Мансур Кортни.

Его волосы сияли в лунном свете, словно только что отлитая медная монетка, и улыбка выглядела такой же яркой. Он легонько подтолкнул локтем стоявшего рядом чернокожего юношу, на котором была лишь белая набедренная повязка:

– Давай, Зама.

Они одновременно наклонились к лодке. Маленькое суденышко неохотно сдвинулось вперед, и они нажали снова, но на этот раз лодка завязла в мокром песке.

– Подождем следующей большой волны, – велел Джим, и они приготовились. – Вот она, подходит!

Вдали набухла волна, потом помчалась к ним, набирая высоту. Она вспенилась на гребне и обрушилась на берег, высоко подбросив нос ялика и заставив молодых людей пошатнуться под ее ударом, – им пришлось покрепче ухватиться за планшир, когда вода захлестнула их до пояса.

– Все разом! – крикнул Джим.

Они общим весом налегли на лодку.

– Вперед!

Лодка вырвалась из песка, и юноши следом за отступавшей волной вывели ее на глубину.

– На весла! – рявкнул Джим, когда на них обрушилась следующая волна.

Все трое, подтянувшись, перевалились через борта в лодку, с их мускулистых тел стекали потоки воды. Смеясь от возбуждения, парни схватились за длинные весла, лежавшие наготове, и вставили в уключины.

– Налегай!

Весла разом пришли в движение; серебристые капли разлетались вокруг, оставляя на морской поверхности крошечные светящиеся водовороты. Ялик быстро выскочил за бурную зону прибоя; юноши работали теперь веслами в легком привычном ритме, рожденном долгой практикой.

– В какую сторону? – спросил Мансур.

Они с Замой привычно посмотрели на Джима, ожидая его решения: Джим всегда был вожаком.

– К Котлу, – решительно произнес Джим.

– Я так и думал, – засмеялся Мансур. – Ты все еще нацеливаешься на Большую Джули.

Зама сплюнул через борт, не пропустив намека:

– Поосторожнее, Сомоя. Большая Джули нацеливается на тебя.

Зама говорил на лози, своем родном языке. «Сомоя» значило «ураган». Этим прозвищем Джима наградили еще в детстве из-за его характера.

Джим нахмурился при этом воспоминании. Никто из них пока даже не видел ту рыбу, которую они прозвали Большой Джули, но они знали, что это именно самка, а не самец, потому что лишь самки вырастали до таких размеров и достигали такой силы. А ее силу они уже имели возможность ощутить через натянувшийся в глубину тонкий рыболовный линь. Под натянувшейся лесой задымился фальшборт, в твердом дереве образовалась глубокая бороздка, а их ободранные ладони кровоточили...

– В тысяча семьсот пятнадцатом году, когда мой отец плавал на старой «Деве Омана», они сели на мель у Опасного мыса, – сказал по-арабски Мансур (это был родной язык его матери). – Один матрос попытался доплыть до берега, чтобы через прибой дотащить до суши канат, и тут прямо под ним, на полпути, появился большой красный зубан. Вода была такой прозрачной, что все видели, как зубан всплывает с глубины в три сажени. Он откусил матросу ногу выше колена и разом проглотил ее, как пес глотает куриное крылышко. Парень орал и бился на воде, вокруг него пенилась его собственная кровь, он пытался отогнать рыбину, но та кружила рядом и наконец схватила его за вторую ногу. И утащила парня на глубину. Больше они его не видели.

– Ты эту историю рассказываешь каждый раз, когда я хочу отправиться к Котлу, – мрачно проворчал Джим.

– И каждый раз она тебя пугает до семицветного поноса, – по-английски сказал Зама.

Эти трое так много времени провели вместе, что легко говорили на родном языке каждого из них – английском, арабском и лози. И без усилий переходили с одного языка на другой.

Джим засмеялся, но скорее чтобы скрыть свои чувства, чем от веселья.

– Скажи на милость, где ты научился столь изысканным выражениям, лесной дикарь?

Зама ухмыльнулся.

– Да от твоего благородного отца, – ответил он.

На этот раз Джим не нашел что сказать. Поэтому просто уставился на светлевший понемногу горизонт:

– Солнце взойдет через пару часов. Мне хочется побыстрее подойти к Котлу. Это лучшее время для охоты на Большую Джули.

Они направились в глубину залива, одолевая волны, катившие свободным строем из Южной Атлантики. Ветер дул им навстречу, так что они не могли поднять парус. За их спинами вздымалась освещенная луной величественная глыба Столовой горы с плоской вершиной. В заливе у ее подножия темнело скопление судов, стоявших на якоре; среди них преобладали

большие корабли. Эта стоянка была караван-сараем всех южных морей. Торговые и военные корабли Голландской Ост-Индской компании и суда полудюжины других стран пользовались мысом Доброй Надежды, чтобы запастись провизией и отремонтировать корпуса и такелаж после долгих океанских путешествий.

В этот ранний час на берегу почти не было заметно огней – лишь тусклые фонари светились на стенах крепости и в окнах прибрежных таверн, где все еще веселились команды стоявших в заливе кораблей. Взгляд Джима привычно скользнул к одинокому огоньку, отделенному примерно морской милей тьмы от остальных. Там находились склад и контора торговой компании «Кортни бразерс». Джим знал, что свет горит в окне кабинета его отца на втором этаже длинного складского строения.

«Папа снова считает свои шекели», – мысленно усмехнулся Джим.

Том Кортни, отец Джима, был одним из самых удачливых торговцев на мысе Доброй Надежды.

– Подходим к острову, – сказал Мансур.

Джим снова сосредоточился на предстоявшем им деле. Он подергал веревку румпеля, обмотанную вокруг большого пальца его босой правой ноги. Они слегка изменили курс влево, направляясь к северной точке острова Роббен. Так по-голландски назывались тюлени, селившиеся на его камнях. Юноши уже могли чують запах этих животных в ночном воздухе: вонь их помета казалась просто удушающей. Когда ялик подошел ближе, Джим встал на банку, чтобы определить их положение относительно берега; он принялся высматривать метки на ландшафте, чтобы подвести лодку точно к глубокому провалу в морском дне, который они называли Котлом.

Вдруг, тревожно вскрикнув, он быстро вернулся к борту:

– Эй, гляньте на того болвана! Он же прямо на нас идет! Налегай, черт побери, налегай на весла!

Высокий корабль неся под огромной массой парусов, бесшумно огибая северную оконечность острова. Под напором северо-западного ветра он с пугающей быстротой приближался к ялику.

– Это чертов сыроед, голландец! – выругался Джим, тоже хватая длинное весло. – Проклятый сын тухлой береговой шлюхи! Он даже огни не зажег!

– А где, скажи на милость, *ты* нахватался таких выражений? – выдохнул Мансур между двумя ударами весел.

– Ты такой же шут, как этот глупый голландец, – мрачно ответил Джим.

Корабль неотвратимо надвигался на них, его нос в лунном свете серебрился.

– Остановитесь!

В голосе Мансура послышался страх, что сделало опасность еще более очевидной.

– Не трать зря дыхание, – возразил Зама. – Они там все спят. Они тебя не услышат. Нажимай!

Все трое еще энергичнее налегли на весла, и маленькое суденышко словно полетело по воде, однако большой корабль двигался быстрее.

– Нам что, придется прыгать?

Этот вопрос напряженно задал Мансур.

– Отлично! – проворчал Джим. – Мы сейчас прямо над Котлом. Вот и проверим историю твоего отца. Какую из твоих ног Большая Джули откусит первой?

Все трое бешено гребли, в прохладе ночи пот заливал их искаженные лица. Они стремились к скалам, к надежному укрытию, где большой корабль не смог бы их задеть; но им оставался до камней еще полный кабельтов, а паруса корабля уже закрывали звезды. Юноши слышали гул ветра в снастях, потрескивание рей, музыкальное бульканье волны под носом корабля. Все они молчали, лишь бешено работали веслами, в ужасе поглядывая на корабль.

- Милостивый Иисус, помоги нам! – прошептал Джим.
- Во имя Аллаха! – чуть слышно добавил Мансур.
- Предки моего племени, помогите...

Каждый взывал к своему собственному Богу или богам. Зама работал наравне с остальными, но его глаза сверкали на темном лице, когда он смотрел на настигавшую их смерть. Волна, которую гнал перед собой корабль, подняла лодку, отбросила назад, и ялик вдруг покатился по ней кормой вперед. Суденышко зачерпнуло ледяную воду. Трое юношей вылетели через борт, когда тяжелый корпус корабля ударил по лодке. Но Джим успел понять, что это был скользкий удар. Ялик отшвырнуло в сторону, но его обшивка явно выдержала.

Джим ушел глубоко под воду, но попытался нырнуть еще глубже. Он знал, что столкновение с днищем корабля стало бы смертельным. Корабль наверняка густо оброс морскими желудями за время перехода через океан, и их острые как бритвы раковины мгновенно сдерут всю плоть с его костей.

Он напряг все мышцы тела, ожидая страшного столкновения, но его не случилось. Легкие Джима горели как в огне, он задышался. Но держался до тех пор, пока не почувствовал уверенность, что корабль прошел мимо, и лишь тогда повернул к поверхности, работая руками и ногами. Сквозь прозрачную воду он уже видел очертания луны – расплывчатые, нематериальные – и из всех сил, собрав всю свою волю, устремился к ним.

Резко выскочив на поверхность, Джим наполнил грудь воздухом. Перевернувшись на спину, кашляя и задыхаясь, он вдыхал дарующую жизнь свежесть.

Наконец он хрипло крикнул, преодолевая боль в легких:

- Мансур! Зама! Вы где? Откликнитесь, черт вас побери!
- Здесь!

Это слышался голос Мансура, и Джим посмотрел в ту сторону.

Его кузен цеплялся за наполненный водой ялик; его длинные рыжие локоны облепили лицо, как тюлений мех. И тут же над водой выскочила еще одна голова, как раз между ними.

– Зама!

Джим в два взмаха доплыл до него и приподнял его лицо над водой. Зама кашлял, выплевывая целые фонтаны морской воды и рвоты. Он попытался обеими руками обхватить Джима за шею, но Джим окунул его в воду, вынуждая разжать руки, а потом потащил к полузатопленному ялику.

– Вот, хватайся за это!

Он подвел руку Замы к фальшборту. И все трое повисли на ялике, стараясь восстановить дыхание.

Джим первым оправился настолько, чтобы снова разозлиться.

– Сучий сын, ублюдок! – выдохнул он, глядя вслед удалявшемуся кораблю. Тот безмятежно двигался прежним курсом, удаляясь от юношей. – Они что, даже не поняли, что чуть не убили нас?

– От него воняет хуже, чем от тюленьей колонии. – Мансур все еще хрипел, а от усилий, которые ему потребовались, чтобы заговорить, опять закашлялся.

Джим принюхался и сразу уловил дурной запах.

– Работорговец. Проклятый работорговец, – резко бросил он. – Такая вонь, что не ошибешься.

– Или корабль каторжников, – все так же хрипло добавил Мансур. – Может, он перевозит заключенных из Амстердама в Батавию.

Они увидели, что корабль меняет курс; его паруса в лунном свете изменили очертания, когда он повернул в залив и присоединился к стоявшим там судам.

– Мне бы хотелось найти его капитана в одном из кабаков в порту, – мрачно заявил Джим.

– Забудь об этом! – посоветовал Мансур. – Он тебе сунет нож в ребра или еще в какое-нибудь болезненное местечко. Давай-ка лучше воду из лодки вычерпывать.

Борта ялика лишь на несколько пальцев поднимались над водой. Джиму пришлось забраться в него через корму, чтобы он не перевернулся. Он пошарил под банкой и нашел деревянное ведро, привязанное под ней. Перед тем как отчалить, они надежно закрепили в ялике все, что могло им понадобиться, потому что проход сквозь прибой представлял собой опасное дело. Джим начал вычерпывать воду. К тому времени, когда он вычерпал уже почти половину, Зама пришел в себя настолько, что смог забраться на борт и сменить его. Джим выудил весла, плившие рядом с лодкой, потом проверил остальное снаряжение.

– Все рыболовные снасти на месте. – Он открыл мешок, заглянул в него. – Даже наживка.

– Так мы продолжим? – спросил Мансур.

– Конечно! А почему же нет, черт побери?

– Ну... – Мансур явно сомневался. – Мы же чуть не утонули.

– Но ведь не утонули, – живо возразил Джим. – Зама уже почти покончил с водой, а Котел меньше чем в кабельтове от нас. И Большая Джули ждет свой завтрак. Так что вперед, накормим ее!

Они снова заняли свои места и взялись за весла.

– Этот сырноголовый урод отнял у нас час хорошего времени! – с горечью пожаловался Джим.

– Ты мог потерять и намного больше, Сомоя! – засмеялся Зама. – Если бы меня не оказалось рядом, чтобы вытащить тебя!

Джим выхватил из мешка с наживкой дохлую рыбину и швырнул ее в Заму. Они легко и быстро возвращались в прежнее бодрое настроение.

– Полегче веслами, мы уже подходим к меткам, – предостерег Джим.

Они начали осторожно маневрировать, проводя ялик между камнями к зеленому провалу под ними. Им пришлось бросить якорь на каменный выступ с южной стороны Котла, а потом позволить течению отнести их назад, к глубокому донному провалу. Течение здесь кружило, что и послужило поводом к названию; это усложняло им работу, так что они дважды проскакивали мимо меток. Обливаясь потом и ругаясь, они были вынуждены перенести на другое место камень в пятьдесят фунтов весом, который служил им якорем, и начать сначала. На востоке уже разгорался рассвет, подкрадываясь, как вор, когда Джим наконец, проверив глубину линем без наживки, убедился, что они заняли нужную позицию. Он измерил линь, пропуская его между раскинутыми руками, когда тот уходил в глубину.

– Тридцать три сажени! – воскликнул он, почувствовав, как свинцовое грузило ударилось о дно. – Почти двести футов! Мы прямо над столовой Большой Джули. – Он быстро вытащил линь. – Наживляем, ребята!

Последовала стычка у мешка с наживкой. Джим прямо из-под руки Мансура выхватил самую аппетитную наживку, серую кефаль почти в два фута длиной. Джим поймал ее в сеть накануне, в лагуне перед складами их компании.

– Для тебя она слишком хороша, – рассудительно объяснил он. – Чтобы справиться с Джули, нужен настоящий рыбак!

Он просунул острый конец акульского крюка через глазницы кефали. Изгиб этого крюка составлял в ширину почти две ладони. Джим встряхнул цепь, к которой крепился крюк, – она была длиной в десять футов, стальная, легкая, но крепкая. Кузнец его отца, Альф, выковал ее специально для Джима. Джим был уверен, что она выдержит даже в том случае, если огромный зубан начнет колотить ее о рифы. К другому концу цепи был привязан линь. Раскрутив наживку над головой, Джим забросил ее подальше в зеленую воду. Наживка пошла в глубину, и Джим отпускал линь следом за ней.

– Прямо в глотку Большой Джули! – злорадно произнес он. – На этот раз ей не удрать! На этот раз она моя!

Почувствовав, что крюк опустился на дно, он положил оставшиеся кольца линя на палубу лодки и крепко прижал их босой правой ногой. Обе руки Джим занял работой с веслом, чтобы, сопротивляясь течению, удерживать ялик на месте, над Котлом.

Зама и Мансур рыбачили с более легкими крюками и тонкими лесками, используя в качестве наживки небольшие куски макрели. И почти сразу начался клев – на дно лодки полетели красно-розовые тупорылы, морские лещи, пятнистые тигровые окуни, хрюкавшие, как поросята, когда их снимали с крюка.

– Детские рыбки для малышей! – насмехался Джим.

Он старательно следил за своим тяжелым линем, осторожно действуя веслами, чтобы удержать ялик на нужном месте. Солнце поднялось над горизонтом, воздух потеплел. Юноши сняли лишнюю одежду, оставшись в одних штанах.

Совсем рядом на скалах острова сустились тюлени; они ныряли и плавали вокруг ялика. Внезапно один большой тюлень поднырнул под лодку и схватил рыбину, которую поймал Мансур: животное сорвало ее с крюка и тут же уплыло в сторону, держа ее в зубах.

– Ах ты мерзость! – возмущенно закричал Мансур, видя, как грабитель прижал рыбу к груди ластами и стал отрывать от нее куски блестящими клыками.

Джим бросил весло и потянулся к своей сумке для рыболовных снастей. Достав из нее пращу, он вложил в нее отшлифованный водой камешек. Джим набрал свои снаряды на дне реки в северной части их имения: каждый камешек был круглым, гладким и безупречно подогран по весу. Джим тренировался с пращей до тех пор, пока не научился сбивать четырех из пяти гусей, пролетающих высоко над ним. Он раскрутил пращу для броска так, что она загудела над его головой. Потом отпустил конец, и камень вырвался на свободу. Снаряд ударил тюленя точно в середину черного лба, и юноши услышали, как треснула хрупкая кость. Зверь умер мгновенно, и его тело поплыло прочь по течению, конвульсивно дергаясь.

– Больше он рыбу воровать не станет. – Джим затолкал пращу обратно в сумку. – А остальные получают урок хороших манер.

Другие тюлени метнулись прочь от ялика. Джим снова взялся за весло, и юноши вернулись к прерванному разговору.

Мансур лишь неделей раньше вернулся на одном из кораблей Кортни из торгового похода на восточное побережье Африки, к острову Ормуз. И он как раз описывал те чудеса, которые там видел, и удивительные приключения, в которых участвовал вместе с отцом, капитаном «Дара Аллаха».

Отец Мансура, Дориан Кортни, был совладельцем компании. В ранней юности он попал в плен к арабским пиратам, и его продали некоему принцу Омана, который усыновил Дориана и обратил в ислам. Единокровный брат Дориана Том Кортни был христианином, а Дориан – мусульманином. Когда Том нашел и спас своего младшего брата, они стали работать вместе. Благодаря разной вере братьев они имели доступ в оба религиозных мира, и их предприятие процветало. В последние двадцать лет они торговали в Индии, Аравии и Африке, а также продавали свои экзотические товары в Европе.

Пока Мансур рассказывал, Джим всматривался в лицо кузена и снова завидовал его красоте и обаянию. Мансур унаследовал их от отца вместе с огненно-рыжими волосами. Он был гибок и подвижен, как Дориан, в то время как Джим пошел в своего собственного отца и обладал широкой костью и силой. Отец Замы, Эболи, сравнивал их с быком и газелью.

– Эй, посмотри-ка! – Мансур прервал историю, чтобы поддразнить Джима. – Мы с Замой наполним лодку до краев, а ты так и будешь сидеть. Поймай нам рыбку!

– Я всегда предпочитал качество простому количеству, – возразил Джим тоном сожаления.

– Ладно, раз уж тебе больше нечем заняться, расскажи нам о своем путешествии в страну готтентотов.

Мансур выдернул из воды очередную блестящую рыбину и бросил ее на дно ялика.

Простое, честное лицо Джима вспыхнуло от удовольствия при воспоминании о собственном приключении. Он невольно обратил взгляд к северу, через залив, на островерхие горы, которые утреннее солнце окрасило ярчайшим золотом.

– Мы ехали тридцать восемь дней, – похвастал он. – На север, через горы и огромную пустыню, далеко за границами этой колонии, хотя губернатор и совет директоров компании в Амстердаме строго запрещают выходить за ее пределы. Мы очутились в таких землях, где до нас не бывал ни один белый человек...

Джим не умел говорить так плавно или поэтично, как его кузен, но его энтузиазм захватывал. Мансур и Зама смеялись вместе с ним, когда Джим описывал туземные племена, с которыми они встречались, и бесчисленные стада диких животных, бродивших на равнинах. Время от времени он взывал к Заме:

– Ведь это и вправду так, да, Зама? Ты тоже там был. Скажи Мансуре, что это правда.

Зама серьезно кивал:

– Да, все так и есть. Клянусь могилой моего отца. Каждое слово – правда.

– Однажды я туда вернусь. – Джим пообещал это скорее самому себе, чем другим. – Я вернусь туда и дойду до голубого горизонта, до самых пределов той земли.

– А я пойду с тобой, Сомоя! – Зама посмотрел на Джима с абсолютным доверием и любовью.

Зама помнил, что говорил его отец о Джиме, когда наконец собрался умирать, измученный годами, – ослабевший гигант, чья сила некогда могла, казалось, удержать сами небеса от падения. «Джим Кортни – настоящий сын своего отца, – прошептал тогда Эболи. – Будь верен ему, как я был верен Тому. Ты никогда об этом не пожалеешь, сынок».

– Я пойду с тобой, – повторил Зама, и Джим подмигнул ему:

– Конечно пойдешь, плут. Никому другому ты не нужен.

Он хлопнул Заму по спине с такой силой, что чуть не опрокинул.

Джим собирался сказать что-то еще, но в это мгновение кольцо линя дернулось под его ногой, и он победоносно закричал:

– Джули стучится в дверь! Ну же, вперед, Большая Джули!

Он бросил весло и схватился за линь. Напряженно держа его обеими руками, Джим понемногу отпускал его, готовый натянуть в подходящий момент. Его спутники, не дожидаясь приказа, вытащили из воды свои снасти и взялись за весла. Оба они знали, что сейчас чрезвычайно важно дать Джиму простор открытой воды, где он мог бы сразиться с по-настоящему огромной рыбой.

– Ну же, ну, моя красotka! – шептал Джим, осторожно придерживая линь. Он пока ничего не чувствовал, кроме мягкого нажима течения. – Иди сюда, дорогуша! Папа тебя любит! – приговаривал он.

Потом он ощутил, как линь дернулся – мягко, почти незаметно. Каждый нерв в его теле откликнулся на это, натянувшись до предела.

– Она там. Она там!

Линь снова обвис.

– Эй, не бросай меня, красавица! Пожалуйста, не уходи!

Джим наклонился через борт ялика, подняв линь повыше, чтобы тот прямо из его руки опускался в зеленую круговорот воды. Двое других наблюдали за ним, боясь даже дышать. Потом вдруг они увидели, как поднятая правая рука Джима резко дернулась вниз, явно увлекаемая некоей огромной тяжестью. Они видели, как напряглись мышцы этой руки, словно

мускулы тела гадюки, готовой к броску; ни один не произнес ни звука и не пошевелился, глядя, как держащая линь рука уже почти коснулась поверхности моря.

– Да! – тихо выдохнул Джим. – Сейчас!

Он отклонился назад, всем своим весом натягивая линь.

– Да! Да, да!

С каждым возгласом он натягивал линь, перебирая его руками, правой, левой, правой, левой... Но тот не поддавался даже силе Джима.

– Это, скорее всего, не рыба, – сказал наконец Мансур. – Никакая рыба не может обладать такой силой. Ты, наверное, зацепился за дно.

Джим не ответил. Он тянул линь изо всех сил, упираясь коленями в планшир, чтобы не потерять равновесие. Он стиснул зубы, лицо налилось кровью, глаза, казалось, готовились выскочить из орбит.

– Беритесь тоже! – выдохнул он.

Двое юношей бросились ему на помощь, но не успели добраться до кормы, когда Джим упал и растянулся у борта. Линь скользил между его пальцами; они почуяли запах обожженной кожи, срываемой с его ладоней.

Джим заорал от боли, но хватку не ослабил. С огромным усилием он сумел забросить линь за край фальшборта и попытался закрепить его там. Но лишь потерял еще больше кожи с ладоней, а костяшки его пальцев с силой ударились о дерево. Одной рукой Джим сдернул с головы шапку, чтобы воспользоваться ею как перчаткой, когда удерживал линь.

Теперь уже все трое парней кричали как сумасшедшие:

– Дай руку! Хватай конец!

– Отпусти его! Ты крюк разогнешь!

– Возьми ведро! Поливай водой! Линь вот-вот загорится!

Зама наконец сумел подсунуть под линь обе руки, но даже их общей силой они не смогли остановить движение огромной рыбы. Линь шипел, натягиваясь, и они ощущали через него, как колотится громадный хвост.

– Воды, ради всего святого, намочи его! – завывал Джим.

Мансур, зачерпнув ведром воду, выплеснул ее на их руки и на шипящий линь. Над ним поднялся клуб пара.

– Боже мой! Да он уже почти весь размотался! – крикнул Джим, увидев конец линя в нижней части деревянной катушки, удерживавшей его. – Скорее, Мансур! Привяжи новый моток!

Мансур действовал быстро, с давно уже приобретенной ловкостью, но все равно он едва успел; как только он затянул узел, веревка вырвалась из его рук. Узел проскочил между пальцами двоих юношей, еще сильнее содрал с них кожу, и тут же ушел под воду, в зеленую глубину.

– Остановись! – просил Джим рыбу. – Ты что, пытаешься нас убить, Джули? Почему бы тебе не остановиться наконец, красавица?

– Уже почти половина второй катушки размоталась, – предостерег Мансур. – Дай я возьму линь вместо тебя, Джим! Ты уже всю палубу залил кровью!

– Нет-нет. – Джим яростно затряс головой. – Она двигается медленнее. Сердце почти разбито.

– Твое или ее? – спросил Мансур.

– Тебе стоит выступить на сцене, кузен! – мрачно посоветовал ему Джим. – Твое остроумие пропадает даром.

Линь теперь действительно разматывался медленнее, они ощущали это своими израненными пальцами. А потом и вовсе замер.

– Оставь ведро, – велел Джим. – Хватайся за линь.

Мансур встал за спиной Замы, ухватившись за линь, и Джим смог высвободить одну руку и облизать пальцы.

– Мы ведь это делаем ради развлечения? – задумчиво спросил он. И тут же его тон стал деловым. – Эй, Джули, теперь наша очередь!

Продолжая натягивать линь, юноши выстроились вдоль палубы, согнувшись и пропустив линь между ногами.

– Раз-два-три!

Все трое одновременно налегли на канат. Узел, связывавший два линя, появился из воды и перевалил через борт. Мансур тут же снова свернул линь. Еще четыре раза гигантская рыба собиралась с силами и бросалась прочь, и им приходилось выпускать линь, но каждый раз ее побег становился короче. Они опять разворачивали ее обратно, и, как она ни сопротивлялась, ее силы постепенно иссякали.

Вдруг Джим, стоявший впереди, радостно вскрикнул:

– Вон она! Я ее вижу!

Рыбина описала широкий круг под яликом. Ее красно-бронзовые бока вспыхнули, отразив солнечный свет, как зеркало.

– Боже праведный, она прекрасна!

Джим уже видел большие золотистые глаза рыбы, смотревшие на него сквозь изумрудную воду. Пасть зубана открывалась и закрывалась, пластинки, прикрывавшие жабры, светились, качая воду: рыбе не хватало кислорода. Челюсти зубана были достаточно велики, чтобы захватить голову и плечи взрослого мужчины, и по их краям бежали ряды зубов, длинных и толстых, как указательный палец.

– Вот теперь я верю в историю дяди Дорри, – напряженно выдохнул Джим. – Такие зубки без труда откусят любую ногу.

Наконец, почти через два часа после того, как крюк впился в челюсть рыбы, они подвели зубана к ялику. Затем вместе подняли из воды его огромную голову. Но едва они это сделали, рыба в последний раз впала в ярость. Ее туловище было длиной с высокого мужчину и толстое, как живот шетландского пони. Рыба билась и изгибалась так, что касалась носом хвостовых плавников. Поднятые ею фонтаны воды потоком обрушивались на парней, они как будто очутились под настоящим водопадом. Но они продолжали крепко удерживать свою добычу, и наконец бешеные пароксизмы затихли.

Тогда Джим крикнул:

– Поднимай ее в воздух! Она готова для жреца!

Он выхватил из крепления под поперечным брусом дубинку. Конец этой дубинки был утяжелен свинцом; хорошо сбалансированная, она отлично ложилась в его правую руку. Джим замахнулся для удара – и опустил дубинку на костяной гребень над злыми желтыми глазами. Огромное тело застыло, по красно-золотым бокам пробежала последняя дрожь. Жизнь покинула рыбу, и она, перевернувшись белым животом вверх, поплыла рядом с яликом; ее жаберные пластины развернулись, как дамский зонтик.

Юноши, насквозь пропотевшие, тяжело дыша, прижимая к груди израненные ладони, наклонились через борт и с благоговением уставились на изумительное существо, убитое ими. Они не смогли бы найти слова, которые адекватно отразили бы охватившие их чувства: триумф и сожаление, ликование и грусть... страсть и пыл охоты пришли к своему завершению.

– Великий пророк, да это же настоящий Левиафан! – негромко проговорил Мансур. – Я чувствую себя рядом с ним таким маленьким!

– Акулы могут появиться в любую минуту, – сказал Джим, разрушая чары мгновения. – Помогите мне затащить ее в лодку.

Они пропустили канат через жабры зубана и потянули втроем; ялик опасно накренился, готовый перевернуться вверх дном, когда они переваливали рыбину через борт. В суденышке

едва хватало место, чтобы вместить такое чудище, а сесть на скамьи теперь и вовсе не оставалось возможности, так что юноши пристроились на бортах. Когда рыбу втаскивали в ялик, с нее ободралась часть чешуи: эти чешуйки были размером с золотой дублон и такие же яркие.

Мансур поднял одну, повернул так, чтобы в ней отразилось солнце, и зачарованно уставился на нее.

– Мы должны отвезти эту рыбу в Хай-Уилд, – сказал он.

– Зачем? – коротко спросил Джим.

– Показать родным, моему отцу и твоему.

– К закату она потеряет цвет, чешуя станет сухой и тусклой, а мясо начнет портиться и вонять. – Джим покачал головой. – Я хочу запомнить ее вот такой, во всем ее великолепии.

– Что же нам тогда с ней делать?

– Продадим ее эконому какого-нибудь голландского корабля.

– Такое прекрасное существо... И продать ее, как мешок картошки? Это похоже на святотатство! – запротестовал Мансур.

– Но разве в Книге Бытия не говорится, что Бог отдал человеку всех тварей на земле и в море? Чтобы убивать и есть их. Он сам так велел. При чем тут святотатство?

– Это твой Бог, а не мой, – возразил Мансур.

– Он один и тот же, что твой, что мой. Мы просто называем Его разными именами.

– Он и мой тоже. – Зама не остался в стороне. – Кулу-Кулу, величайший из всех Великих. Джим обмотал обрывком ткани пораненную руку.

– Значит, во имя Кулу-Кулу. Этот зубан предназначен для того, чтобы попасть на борт голландского корабля. И я намерен воспользоваться им как рекомендательным письмом к эконому. Я собираюсь продать ему не только эту рыбину, но заодно и продукцию из Хай-Уилда.

При северно-западном ветре, дувшем со скоростью десять узлов им в спину, они смогли поднять свой единственный парус и быстро добрались до залива. Под пушками крепости стояли на якоре восемь кораблей. Большинство находились здесь уже много недель и успели запастись провизией.

Джим показал на тот, что пришел последним:

– Они не ступали на сушу долгие месяцы. И истосковались по свежей пище. Наверное, от цинги страдают.

Джим повернул румпель и повел ялик между кораблями.

– После того как они чуть не налетели на нас, они нам должны хорошие денюжки.

Все Кортни являлись торговцами до мозга костей, и даже для самых юных из них слово «прибыль» имело почти религиозное значение. Джим подвел ялик к голландскому кораблю. Это оказался вооруженный торговец, трехпалубный, с двадцатью пушками по борту, квадратными парусами и тремя мачтами. Он поднял вымпелы и флаг Голландской Республики. Когда ялик подошел к нему, Джим увидел, что корпус и такелаж сильно потрепаны штормами. Кораблю явно пришлось нелегко. Потом Джим рассмотрел и название, написанное поблекшими золотыми буквами: «Het Gelukkige Meeuw», «Счастливая чайка». Джим усмехнулся – уж очень это название не подходило старой потрепанной посудине. А потом он прищурил в удивлении и любопытстве зеленые глаза:

– Женщины, видит бог! – Он показал вперед. – Сотни женщин!

Мансур и Зама вскочили и уставились на корабль, прикрывая глаза от солнца ладонями.

– И правда! – воскликнул Мансур.

Кроме жен бюргеров и их флегматичных, тщательно охраняемых дочерей да шлюх в прибрежных тавернах, женщин на мысе Доброй Надежды почти не было.

– Вы только посмотрите на них! – благоговейно выдохнул Джим. – Вы только посмотрите на этих красавиц!

Главную палубу голландца заполняли женские фигуры.

– Откуда тебе знать, что они красавицы? – возразил Мансур. – Мы еще слишком далеко, не рассмотреть. Может, это уродливые старые вороны?

– Нет, Господь не может обойтись с нами так жестоко, – взволнованно засмеялся Джим. – Каждая из них – как ангел с небес! Я просто знаю это!

На шканцах стояла небольшая группа офицеров, а матросы уже занимались починкой такелажа и красили корпус корабля. Но три юнца в ялике видели только женские фигуры на баке. И тут до них опять донеслась волна вони, что висела над кораблем, и Джим в ужасе вскрикнул:

– Да они все в кандалах!

Обладавший самым острым зрением из всей троицы, он понял, что женщины двигаются по палубе рядами, неуклюжей походкой закованных в цепи пленниц.

– Осужденные, – согласился Мансур. – Твои небесные ангелы – просто преступницы. Они страшнее самого греха.

Теперь они подошли уже достаточно близко для того, чтобы рассмотреть лица некоторых потрепанных существ, их серые жирные волосы, беззубые рты, бледность древней кожи, провалившиеся глаза и на большинстве несчастных лиц – уродливые пятна и синяки, порожденные цингой. Женщины смотрели на приближавшуюся лодку тусклыми, пустыми глазами, не проявляя никакого интереса, никаких эмоций.

Даже похотливые инстинкты Джима остыли. Перед ним находились уже не человеческие существа, а забитые, униженные животные. Их одежда из грубого холста была изорвана и испачкана. Они явно не меняли ее с тех самых пор, как покинули Амстердам, и не имели воды даже для того, чтобы помыться, не говоря уж о стирке. За женщинами приглядывали вооруженные мушкетами стражи. Когда ялик подошел на расстояние оклика, какой-то младший офицер в синем бушлате поспешил к поручням и поднес ко рту переговорную трубу.

– Остановитесь! – крикнул он по-голландски. – Это тюремный корабль! Держитесь подальше, или мы откроем огонь!

– Он не шутит, Джим, – сказал Мансур. – Давай-ка уберемся подальше.

Джим проигнорировал его предложение и поднял повыше одну из рыбин.

– Vars vis! Свежая рыба! – прокричал он в ответ. – Только что из моря! Поймали час назад!

Мужчина у поручней заколебался, и Джим не упустил шанс:

– А посмотри на эту! – Он показал на огромное туловище, занявшее почти весь ялик. – Каменный зубан! Самая вкусная рыба во всех морях! И тут достаточно, чтобы всех на борту кормить целую неделю!

– Подождите! – крикнул офицер и поспешил через палубу к шканцам.

Там он быстро переговорил со старшими по званию и вернулся к поручням:

– Ладно, порядок. Подходите! Но держитесь подальше от нашего носа. Цепляйтесь за цепи на корме.

Мансур опустил их маленький парус, и юноши на веслах подошли к кораблю. У поручней уже стояли три матроса, направив на ялик мушкеты.

– Не пытайтесь выкинуть что-нибудь эдакое, – предостерег юношей младший офицер. – Если не хотите получить пулю в живот.

Джим льстиво улыбнулся ему и показал пустые ладони:

– Мы не хотим ничего плохого, минхеер. Мы просто честные рыбаки.

Джима все еще зачаровывали ряды закованных женщин, но теперь он смотрел на них с отвращением и жалостью. Потом сосредоточился на том, чтобы подвести ялик вплотную к борту корабля. Он проделал это с истинным изяществом, а Зама бросил носовой фалинь матросу, ожидавшему наверху.

Корабельный эконо́м, пухлый лысый мужчина, наклонился через поручни и всмотрелся в ялик, чтобы оценить предлагаемый товар. На него явно произвели впечатление размеры гигантского зубана.

– Я не намерен кричать до хрипоты. Поднимайтесь сюда, поговорим, – пригласил эконо́м Джима и приказал матросу спустить веревочный трап.

Это было то самое приглашение, на которое рассчитывал Джим. Он взлетел по трапу, как акробат, и спрыгнул на палубу рядом с эконо́мом, шлепнув по доскам босыми ступнями.

– Сколько ты хочешь за большую?

Вопрос прозвучал неоднозначно, и эконо́м при этом окинул тело Джима оценивающим взглядом гомосексуалиста. «Неплохой экземпляр», – подумал он, изучая мускулистые грудь и руки, длинные стройные ноги, гладкие, покрытые загаром.

– Пятнадцать серебряных гульденов за весь наш груз.

Джим подчеркнул последние слова. Интерес эконо́ма к нему был очевиден.

– Ты что, сбежал из сумасшедшего дома? – возразил эконо́м. – Ты сам, вся твоя рыба и твоя грязная лодчонка вместе не стоите и половины таких денег!

– Лодка и я не для продажи, – с удовольствием заверил его Джим.

Торгуясь, он окунался в родную стихию. Отец отлично научил его этому делу. И Джим не испытывал ни малейших угрызений совести, используя сексуальные склонности эконо́ма для того, чтобы выбить из него наилучшую цену. Они сошлись на восьми гульденах за весь груз.

– Я хочу оставить себе маленькую рыбешку, на ужин семье, – сказал Джим, и эконо́м хихикнул:

– Ты умеешь торговаться, приятель.

Он плюнул себе на правую ладонь и протянул руку Джиму. Джим плюнул на свою ладонь, и они обменялись рукопожатием, скрепляя сделку.

Эконо́м задержал руку Джима немного дольше, чем это было необходимо:

– А что еще ты продаешь, молодой жеребец?

Он подмигнул Джиму и облизнул жирные, потрескавшиеся от солнца губы.

Джим ответил не сразу, он отошел к поручням, наблюдая за тем, как команда «Счастливой чайки» спускает грузовую сеть в ялик. Мансур и Зама с трудом втянули в нее огромного зубана. Потом его подняли и положили на палубу корабля. Джим снова повернулся к эконо́му.

– Я могу тебе продать груды свежих овощей: картошку, лук, тыкву, фрукты – все, что угодно, причем за половину той цены, которую с тебя потребуют в садах компании, – сказал он.

– Ты прекрасно знаешь, что у компании здесь монопольное право, – проворчал эконо́м. – Мне запрещено покупать что-либо у частных торговцев.

– Это можно устроить, сунув несколько гульденов в нужный карман.

Джим легонько потер свой нос. Все прекрасно знали, как легко подкупить чиновников компании на мысе Доброй Надежды. Продажность являлась образом жизни в колониях.

– Что ж, отлично. Привези мне лучшее из того, что у тебя есть, – согласился эконо́м и по-свойски коснулся руки Джима. – Но только не попадись. Нам же не хочется, чтобы такого симпатичного парня попортили плетью.

Джим ловко уклонился от прикосновения – так, чтобы это не выглядело грубо. Нельзя огорчать покупателя.

На палубе раздался какой-то шум, и Джим, радуясь тому, что может передохнуть от внимания потного толстяка, оглянулся через плечо.

Первую группу осужденных женщин загоняли под палубу, а другую выводили на прогулку. Джим уставился на девушку, что шла впереди этой новой группы. У него перехватило дыхание, а сердце заколотилось прямо в ушах. Она была высокой, но исхудавшей и бледной. Всю ее одежду составляло платье из вытертой холщовой ткани, и подол изорвался так, что сквозь дыры виднелись колени. Ноги девушки были тонкими и костлявыми, тело истаяло от

голода. От худобы она стала похожей на мальчишку, утратив женские округлости. Но Джим смотрел не на ее тело: он уставился на ее лицо.

Небольшая голова девушки грациозно сидела на длинной шее, словно бутон тюльпана на стебле. Бледная, бесцветная кожа натянулась на скулах. Но даже в таком жалком состоянии девушка явно не позволяла себе погрузиться в отчаяние. Она заплела волосы в толстую косу, падавшую вперед через плечо, и каким-то образом умудрилась сохранить ее в чистоте и порядке. Коса почти достигала талии и походила на пряжу китайского шелка, а цветом равнялась золотой гинее. И все же в первую очередь Джима ошеломили глаза, из-за которых он не мог дышать целую минуту. Они были синими, как высокое африканское небо в середине лета. Когда девушка посмотрела на Джима, они широко раскрылись. А потом ее губы приоткрылись, и Джим увидел ее зубы, белые и ровные. Девушка внезапно остановилась, и шедшая сзади женщина наткнулась на нее. Обе потеряли равновесие и чуть не упали. Их кандалы звякнули, другая женщина грубо толкнула девушку вперед, обругав ее с акцентом антверпенских доков:

– Шагай, принцесса, двигай своей задницей!

Девушка как будто и не заметила этого.

К ним подошел один из надзирателей:

– Эй, пошевеливайся, глупая корова!

Он ударил девушку по тонкой обнаженной руке веревкой с узлами, оставив на коже яркий красный след. Джим с трудом удержался от того, чтобы броситься на защиту девушки, и ближайший к нему страж ощутил это движение. Он тут же повернул в сторону Джима свой мушкет, и Джим отступил назад. Он понимал, что на таком расстоянии выстрел разнесет его на куски. Но девушка словно тоже почувствовала его порыв, что-то увидела в Джиме. Она качнулась вперед, ее глаза наполнились слезами от боли, и она потерла след веревки другой рукой. И, проходя мимо Джима, будто приросшего к палубе, она продолжала смотреть на него. Джим знал, что опасно и бессмысленно пытаться заговорить с ней, но слова вырвались прежде, чем он успел прикусить язык, и в его голосе прозвучала жалость.

– Они вас морят голодом...

Едва заметный намек на улыбку возник на ее губах, но больше девушка ничем не показала, что слышала его. А старая карга позади снова подтолкнула ее:

– Теперь никаких молодых петушков для тебя, твое высочество! Придется пальчиком поработать. Давай шагай!

Девушка ушла по палубе дальше.

– Позволь дать тебе один совет, юноша, – произнес у плеча Джима эконо. – Не пытайся как-то связаться с этими шлюхами. Это самая прямая дорога в ад.

Джим изобразил усмешку:

– Я храбрый человек, но не дурак.

Он протянул руку, и эконо отсчитал в его ладонь восемь серебряных монет. Джим перекинул ногу через поручень:

– Завтра я привезу тебе лодку овощей. А потом, может быть, мы сможем вместе сойти на берег и выпить грога в какой-нибудь таверне.

Спрыгивая в ялик, Джим пробормотал:

– Или я сверну тебе шею и выдерну жирные ноги.

Он занял свое место у руля.

– Отходим, поднимая парус! – крикнул он Заме, разворачивая ялик к ветру.

Они проскользнули вдоль борта «Чайки». Крышки бойниц были сдвинуты, чтобы впускать свет и воздух на оружейную палубу. Джим заглянул в ближайшую бойницу, когда они поравнялись с ней. Битком набитая людьми, зловонная оружейная палуба являла собой настоящую картину ада, а вонь оттуда шла такая, как из свинарника или выгребной ямы. Сотни

человеческих существ, загнанных в это низкое, узкое пространство, находились там долгие месяцы без какой-либо помощи.

Джим с трудом отвел взгляд от бойницы и посмотрел вверх, на поручни корабля над своей головой. Он все еще высматривал ту девушку, но понимал, что будет разочарован. И вдруг его сердце подпрыгнуло: сверху на него смотрели те самые невероятно синие глаза. Девушка в ряду осужденных женщин медленно шла вдоль поручней невдалеке от носа корабля.

– Твое имя? Как тебя зовут? – мгновенно крикнул Джим.

В это мгновение для него стало самым важным в мире только это – услышать ее имя.

Ответ девушки прозвучал на ветру едва слышно, однако Джим прочитал по ее губам:

– Луиза...

– Я вернусь, Луиза! Держись! – отчаянно прокричал Джим.

Она смотрела на него, и на ее лице ничего не отражалось. А потом Джим совершил еще кое-что, еще более отчаянное. Он понимал, что это безумие, но она ведь умирала от голода... Он схватил красного тупорыла, которого придержал и не продал вместе с остальным уловом. Рыба весила не меньше десяти фунтов, однако Джим легко швырнул ее вверх. Луиза протянула руки и поймала рыбину с голодным, отчаянным видом. Старая уродина, шедшая следом за девушкой, дернулась вперед и попыталась вырвать рыбу. И тут же еще три женщины присоединились к схватке, дерясь за рыбу, как стая волчиц. Потом к свалке ринулся надзиратель и начал хлестать веревочным узловатым кнутом визжащих женщин. Джим отвернулся, чувствуя тошноту, его сердце разрывалось от жалости и еще какого-то чувства, которого он не понимал, потому что никогда прежде не испытывал.

Ялик пошел дальше. Трое юношей угрюмо молчали, но каждые несколько минут Джим оборачивался и смотрел на тюремный корабль.

– Ты ничем не можешь ей помочь, – сказал наконец Мансур. – Забудь об этом, кузен. До нее тебе не дотянуться.

Лицо Джима потемнело от гнева и разочарования.

– Так ли? Тебе кажется, что ты все знаешь, Мансур Кортни. Но посмотрим. Посмотрим!

На берегу впереди один из конюхов держал взнузданных мулов, готовый помочь вытащить ялик на берег.

– Что вы сидите, как пара жирных бакланов на скале? Спускайте парус! – рявкнул Джим на своих спутников, пылая бесформенным, бесцельным гневом, что продолжал его жечь.

Они остановились на дальней линии прибоя, подняв весла и выжидая подходящую волну. Когда Джим увидел, что она приближается, он закричал:

– Вот, годится! Все вместе! Разом!

Волна подкатилась под корму, а потом они внезапно и опьяняюще взлетели на ее зеленый гребень и в брызгах пены понеслись к берегу. Волна подняла их высоко, а потом откатилась назад, оставив их на мелководье. Юноши выскочили из ялика, и, когда конюх примчался с упряжкой мулов, они потащили ялик на берег, подталкивая его, помогая животным, чтобы лодка оказалась намного выше предельной отметки прилива.

– Эта упряжка снова мне понадобится завтра утром, – сказал Джим конюху. – Держи ее наготове.

– Значит, мы опять отправимся к тому адскому кораблю? – спокойно спросил Мансур.

– Чтобы отвезти им овощи, – изобразил полную невинность Джим.

– А что ты намерен выторговать в обмен? – с такой же внешней безмятежностью поинтересовался Мансур.

Джим хлопнул его по руке, и они вскочили на неоседланных мулов. Джим еще раз задумчиво посмотрел через залив туда, где стоял тюремный корабль, а потом они поехали по берегу лагуны к холмам, туда, где стояли белые строения поместья – усадьба и склад, названные

Томом Кортни Хай-Уилдом в честь величественного особняка в Девоне, где родились они с Дорианом и который они не видели уже много-много лет.

Это название оставалось единственным общим между двумя домами. Здешний особняк построили в стиле мыса Доброй Надежды. Крыша была крыта тростником. Изящный фронтон и арку, ведущую в центральный двор, соорудили по проекту известного голландского архитектора Анрейта. Название поместья и фамильный герб были заключены в витиеватую фреску над аркой, которая изображала херувимов и святых. На гербе красовалась длинноствольная пушка на лафете, и под ней вилась лента с буквами «ТККБ»: «торговая компания „Кортни бразерс“». На отдельной панели было написано: «Хай-Уилд, 1711 год». Дом построили как раз в том году, когда родились Джим и Мансур.

Когда они с грохотом проезжали через арку в мощеный внутренний двор, из главных дверей склада вышел Том Кортни. Это был крупный мужчина, ростом выше шести футов, широкий в плечах. В его густой черной бороде светились серебристые нити, его макушка предпочла остаться без единого волоска, зато вокруг сияющей лысины росли густые локоны, падавшие на шею Тома. Живот Тома Кортни, некогда плоский и твердый, приобрел авторитетный объем. Его грубоватое лицо покрылось веселыми морщинами, глаза светились юмором и довольством уверенного в себе, процветающего человека.

– Джеймс Кортни! Тебя так давно не было, что я и забыл, как ты выглядишь! Хорошо, что ты заглянул. Неприятно тебя беспокоить, но не намерен ли ты сегодня немножко поработать?

Джим виновато ссутулился:

– Мы чуть не столкнулись с одним голландским кораблем, эта чертова посуда едва не потопила нас. А потом мы поймали красного зубана размером с ломовую лошадь. Нам понадобилось два часа, чтобы вытащить его. А затем мы продали его на один из кораблей в заливе.

– Батюшки, парень, да у тебя выдалось хлопотливое утро! Только не надо мне рассказывать об остальных твоих горестях. Дай-ка я сам угадаю. На вас напали французские пираты, а потом еще раненый бегемот. – Том захохотал, придя в восторг от собственной шутки. – Ну, как бы то ни было, сколько ты получил за зубана размером с лошадь? – поинтересовался он.

– Восемь серебряных гульденов.

Том присвистнул:

– Похоже, рыбка и в самом деле была настоящим чудищем. – Тут его лицо стало серьезным. – Но это тебя не оправдывает, парень. Я не давал тебе свободную неделю. Ты должен был вернуться уже давно.

– Я сторговался с экономом голландского корабля, – объяснил Джим. – Мы отвезем ему столько провизии, сколько сможем... и за хорошую цену, папа.

Смех в глазах Тома сменился острым интересом.

– Похоже, ты не напрасно потратил время. Неплохо, парень.

В это время из кухни на противоположной стороне двора вышла миловидная женщина, ростом почти с Тома. Волосы она увязала в тяжелый узел на затылке, рукава блузки были закатаны на пухлых, бронзовых от загара руках.

– Том Кортни, ты что, не понимаешь, что бедный ребенок остался сегодня утром без завтрака? Дай ему сначала поесть, а уж потом ругайся сколько захочешь!

– Сара Кортни, – рыкнул в ответ Том, – это твое бедное дитя уже большое, ему не пять лет!

– Тебе тоже пора пообедать, – сменила тактику Сара. – Мы с Ясмими и девочками все утро трудились у плиты, как рабыни! Так что все за стол!

Том поднял руки, сдаваясь.

– Сара, ты настоящий тиран, но я готов слопать быка вместе с рогами! – сообщил он.

Подойдя к юношам, он одной рукой обнял за плечи Джима, другой – Мансура и повел их к кухонной двери, где ждала Сара с перепачканными мукой руками.

Зама повел упряжку мулов через двор к конюшням.

– Зама, скажи моему брату, что леди ждут его к обеду! – крикнул ему вслед Том.

– Скажу, оубаас!

Зама использовал самое уважительное обращение к хозяину Хай-Уилда.

– А как только вы там поедите, вернись сюда со всеми людьми, – напомнил Джим. – Нам нужно подготовить овощи, чтобы утром отвезти их на «Счастливую чайку».

В кухне суетились женщины, по большей части освобожденные домашние рабыни – изящные яванки с золотистой кожей, из Батавии. Джим подошел к матери, чтобы обнять ее.

Сара прикинулась недовольной:

– Не будь ты таким балбесом, Джеймс!

Но вспыхнула от удовольствия, когда Джим приподнял ее над полом и расцеловал в обе щеки.

– Поставь меня на место сейчас же!

– Ну, если ты меня не любишь, так хотя бы тетя Ясси любит!

Джим подошел к изящной женщине, которая обнималась с собственным сыном:

– Эй, Мансур! Теперь моя очередь!

Он выхватил Ясмینی из объятий Мансура. Она носила длинную арабскую юбку и блузку из яркого шелка. Ясмینی была стройной и легкой, как девочка, ее кожа отливала янтарем, раскосые глаза были темными, как оникс. Яркая белая прядь в густых волосах, надо лбом, не являлась признаком возраста: Ясмینی родилась с этой отметкой, как и ее мать и бабушка до нее.

Позволяя женщинам хлопотать возле них, мужчины уселись за длинный стол желтого дерева, уже уставленный чашами и тарелками. Здесь были блюда с малайским карри, благоухающие бараниной и специями, рис с яйцами и кислым молоком, огромный пирог с олениной, запеченной вместе с картофелем и мясом антилопы, которую Джим с Мансуром подстрелили в вельде, а еще караваи горячего хлеба, глиняные горшки с желтым маслом, кувшины густого кислого молока и легкого пива.

– А где Дориан? – спросил Том, сидевший во главе стола. – Опять опаздывает!

– Кто-то произнес мое имя?

Дориан лениво вошел в кухню – худощавый и подтянутый, красивый и жизнерадостный; на его голове красовалась такая же, как у сына, копна медно-красных локонов. На Дориане были высокие сапоги для верховой езды, запылившиеся до колен, и белая широкополая соломенная шляпа. Он швырнул шляпу через комнату, а женщины приветствовали его восторженными возгласами.

– Тихо! Умолкните все! Вы как стая куриц, когда в курятник забрался шакал! – взревел Том.

Шум слегка утих.

– Дорри, садись поскорее, пока не довел этих женщин до безумия. Мы тут собрались послушать историю о гигантском зубане, которого поймали мальчишки, и о том, как они торговались с голландским кораблем в заливе.

Дориан сел рядом с братом и тут же воткнул свой кинжал в хрустящую корочку пирога с олениной. Вся компания разом одобрительно вздохнула, когда к балкам потолка поднялись клубы горячего ароматного пара. Когда Сара начала раскладывать еду по тарелкам с синей росписью, изображавшей ивовые ветви, комната наполнилась шутками мужчин, смехом и болтовней женщин.

– Так что же случилось с Джимом? – Сара посмотрела через стол, повысив голос так, чтобы ее можно было слышать в общем шуме.

– Ничего, – ответил Том, не донеся до рта очередную полную ложку. И пристально глянул на сына. – Так ведь?

Постепенно за столом воцарилась тишина, все уставились на Джима.

– Почему ты не ешь? – встревоженно спросила Сара.

Великолепный аппетит Джима давно стал семейным сказанием.

– Я в порядке, просто не голоден. – Джим посмотрел на кусок пирога, к которому почти не прикоснулся, потом обвел взглядом лица сидевших за столом. – И нечего так на меня таращиться! Я вовсе не собираюсь помереть!

Но Сара продолжала наблюдать за ним:

– Так что же сегодня случилось?

Джим прекрасно знал, что мать видит его насквозь, словно он сделан из стекла. И резко встал.

– Прошу меня извинить, – сказал он и, отодвинув табурет, быстро вышел из кухни во двор.

Том хотел было встать, чтобы выйти следом за ним, но Сара покачала головой.

– Оставь его, супруг, – сказала она.

Лишь один человек в мире мог приказывать Тому Кортни, и он послушно опустился на табурет. В противоположность веселому настроению, что царило здесь всего несколько мгновений назад, комната погрузилась в тяжелое молчание.

Сара бросила взгляд через стол:

– Так что же сегодня произошло, Мансур?

– Джим поднимался на борт тюремного корабля там, в заливе. И увидел то, что его расстроило.

– Что именно?

– Этот корабль битком набит осужденными женщинами. Они закованы в цепи, умирают от голода, их избивают. А сам корабль воняет, как свинарник, – ответил Мансур с отвращением и жалостью в голосе.

Все молча представили себе описанную Мансуром картину.

Потом Сара негромко произнесла:

– И одна из женщин на борту оказалась молодой и хорошенькой.

– Откуда ты знаешь? – Мансур в изумлении уставился на нее.

Джим быстро вышел через арку и отправился вниз по холму, к загону у лагуны. Когда из-за деревьев показалась беговая дорожка, он сунул в рот два пальца и свистнул. Его жеребец пасся на зеленой траве у самой воды, немного в стороне от остального стада. Он вскинул голову, услышав свист, и отметины на его лбу вспыхнули на солнце, как бриллианты. Конь выгнул шею, раздул широкие арабские ноздри и уставился на Джима блестящими глазами. Джим свистнул еще раз.

– Иди сюда, Друмфайр, – позвал он. – Иди ко мне.

Друмфайр с места рванулся в галоп, помчавшись через выгул. Для такого крупного животного он двигался невероятно грациозно, как антилопа. Джим почувствовал, как при одном взгляде на коня его мрачное настроение стало меняться. Шкура животного блестела, как намащенное махагоновое дерево, грива развевалась, словно боевое знамя. Его подкованные копыта вырывали клочки зеленого дерна, их стук походил на артиллерийский огонь, за что конь и получил свою кличку, означавшую Ураганный Огонь.

Джим участвовал в гонках вместе с бюргерами колонии и офицерами кавалерийского полка, и они с Друмфайром завоевали золотой кубок губернатора на прошлое Рождество. Друмфайр доказал тогда, что он самый быстрый конь в Африке, и Джиму тут же предложили за него две тысячи гульденов – командир гарнизона полковник Стефанус Кейзер пожелал купить

животное, однако Джим с презрением отклонил его предложение. В тот день лошадь и всадник завоевали почет, но не приобрели друзей.

Друмфайр летел по беговой дорожке прямо на Джима. Коню нравилось пугать хозяина. Но Джим спокойно стоял на месте, и в самое последнее мгновение Друмфайр отклонился в сторону и пронесся так близко к Джиму, что у того от поднятого скакуном ветра взлетели волосы. Потом жеребец резко остановился, затормозив передними ногами, кивая и испуская тихое ржание.

– Ты просто великий артист, – сказал ему Джим. – Умеешь себя подать.

Друмфайр, вдруг став тихим и послушным, как котенок, вернулся и ткнулся носом в грудь Джима, принюхиваясь к карману его куртки, – там лежал кусок сливового пирога.

– Корыстная любовь! – строго сообщил ему Джим.

Друмфайр боднул его лбом, сначала легонько, а потом так требовательно, что Джим чуть не упал.

– Ты этого не заслужил, но...

Сдавшись, Джим протянул коню пирог.

Друмфайр тут же напустил слюней ему в ладонь, пока брал пирог и собирал крошки бархатными губами. Джим вытер руку о блестящую шею жеребца, потом, опираясь на холку, взлетел на спину животного. Ощувив прикосновение пяток хозяина, Друмфайр снова помчался удивительным скольльзящим галопом, и встречный ветер вышиб слезы из глаз Джима.

Они скакали вдоль края небольшой бухты, но, когда Джим нажал на круп коня, за плечом, большим пальцем ноги, Друмфайр мгновенно его понял. Он повернул и бросился на мелководье, перепугав стайку мальков кефали: рыбки разлетелись во все стороны, как серебряные монеты. Друмфайр вдруг оказался на глубине и поплыл, и Джим соскользнул с его спины в воду. Держась за гриву коня, он позволял тому увлекать себя вперед. Купание являлось одной из великих радостей Друмфайра, и конь громко всхрапывал от удовольствия.

Когда под копытами скакуна почувствовался противоположный берег, Джим снова сел на спину Друмфайра, и они выскочили на сушу.

Джим повернул жеребца к морю. Они пересекли высокие дюны, оставляя глубокие следы на белом песке, и добрались туда, где на берег обрушивался прибой. Друмфайр без понуждения промчался вдоль края воды по твердому влажному песку, а потом зашел по брюхо в соленую воду, навстречу набегавшим волнам.

Наконец Джим перевел его на шаг. Коню удалось разогнать его мрачную тоску, гнев и чувство вины. Он встал на спину Друмфайра, выпрямившись в полный рост, и конь тут же пошел ровным плавным шагом, помогая ему сохранить равновесие. Это был один из их общих трюков.

Стоя на спине коня, Джим окинул взглядом залив. «Чайка» развернулась на месте и теперь стояла бортом к берегу. С такого расстояния корабль выглядел таким же честным и респектабельным, как какая-нибудь добрая бургерша, и ничем не выдавал тех ужасов, что скрывались в его потрепанном корпусе.

– Ветер меняется, – сообщил Джим коню, и тот насторожил уши, услышав его голос. – Через несколько дней начнется настоящая буря.

Он представил себе условия в трюмах и на нижних палубах корабля, где сидели несчастные женщины. Что же будет с ними во время шторма, если корабль будет все так же стоять на якоре, открытый западному ветру?

Джим снова помрачнел. Он снова сел верхом и неторопливо направил коня к крепости. К тому времени, когда он добрался до массивных каменных стен, одежда на нем уже высохла, хотя сапоги из кожи антилопы куду все еще оставались влажными.

Капитан Хьюго ван Хуген, интендант гарнизона, сидел в своем кабинете рядом с главным пороховым погребом. Он дружески приветствовал Джима, потом предложил ему трубку

с турецким табаком и чашку арабского кофе. Джим отказался от трубки, но с удовольствием выпил черный горьковатый кофе – к этому ароматному напитку его приучила тетушка Ясмینی. Джим и интендант были давними сообщниками. Между собой они считали, что Джим является неофициальным представителем семьи Кортни. И если Хьюго подписывал лицензию, говорившую, что компания не может снабдить провизией или какими-то припасами один из кораблей в заливе, то в документ вписывалось имя частного торговца, которому позволялось восполнить недостачу. А еще Хьюго был страстным рыболовом, и, когда Джим повторил ему эпический рассказ о зубане, Хьюго то и дело восклицал: «Ох, ну надо же! Быть того не может!»

Когда Джим распрощался с интендантом, обменявшись с радушным хозяином рукопожатием, в кармане он уносил документ, разрешающий компании «Кортни бразерс» продать кое-что на голландский корабль.

– В субботу зайду, снова выпьем кофе! – подмигнул интенданту Джим.

Хьюго добродушно кивнул:

– Тебе тут будут более чем рады, мой добрый друг!

По долгому опыту интендант знал, что может не сомневаться: Джим принесет ему комиссионные в небольшом кошельке, наполненном золотыми и серебряными монетами.

Вернувшись в конюшни Хай-Уилда, Джим обтер Друмфайра, не доверив эту работу никому из конюхов, а потом оставил его у яслей с дробленным зерном, которое полил черной патокой. Друмфайр был сладкоежкой.

По полям и фруктовым садам за конюшнями бродило множество освобожденных рабов, собиравших свежие овощи для «Чайки». Большинство корзин объемом в бушель уже наполняли картофель и яблоки, тыквы и турнепс. Отец Джима и Мансур приглядывали за работой. Джим оставил их заниматься делом, а сам ушел к скотобойне. В темном прохладном помещении с толстыми стенами без окон уже висели на спускавшихся с потолка крюках десятки только что освежеванных бараньих туш. Джим вынул из ножен на поясе нож и несколькими привычными движениями провел им по точильному камню, прежде чем присоединился к своему дяде Дориану. Чтобы подготовить все необходимое для продажи на корабль, всем в имении пришлось включиться в работу. Освобожденные рабы тащили из загонів персидских овец с жирными хвостами, укладывали их на пол и задирали животным головы, подставляя их глотки под взмах ножа. Другие опытные руки подвешивали убитых овец на крюки и снимали с них шкуры.

Еще несколько недель назад Карл Отто, мясник имения, наполнил свою коптильню окороками и колбасами, просто на всякий случай. На кухне все женщины, от самых старых до самых юных, помогали Саре и Ясмینی набивать бутылки фруктами, солить и мариновать овощи.

Несмотря на все их усилия, день уже подходил к концу, когда вереница полных телег, запряженных мулами, двинулась к берегу. Переправка провизии с телег на ожидавшие грузовые лодки заняла почти всю ночь, и уже близился рассвет, когда все закончилось.

Вопреки предчувствиям Джима, ветер пока что не набрал силу, море и прибой оставались обычными, когда упряжки мулов тянули тяжело нагруженные лодки к воде. Первые проблески рассвета появились на восточном небосклоне, когда небольшой караван уже отправлялся обратно. Джим стоял у руля первой лодки, Мансур на веслах.

– Что у тебя в той сумке, Джим? – спросил Мансур между взмахами весел.

– Не задавай вопросов – не услышишь лжи.

Джим посмотрел на просмоленную холщовую сумку, что лежала у него под ногами. Он говорил тихо, чтобы не услышал отец. К счастью, Том Кортни, стоявший на носу, так много стрелял из мушкета за свою долгую охотничью жизнь, что его слух сильно пострадал.

– Это что, подарок милой? – Мансур хитро усмехнулся в темноте, но Джим не обратил на него внимания.

Однако стрела почти попала в цель. Джим тщательно уложил в эту сумку ломти вяленой оленины, *билтонга*, а также десять фунтов твердых морских сухарей, завернутых в кусок

ткани, а еще складной нож, и трехгранный напильник, который он стащил в мастерских поместья, и черепаховый гребень, принадлежавший его матери, и короткое письмо на голландском языке.

Лодка подошла к «Чайке», и Том Кортни громовым голосом закричал:

– Лодки с провизией! Можно причалить?

С палубы ответили, и лодки подошли вплотную к кораблю.

Подогнув под себя длинные ноги, Луиза Ливен сидела на твердой палубе в шумной полутьме, освещенной лишь едва заметным светом дежурных фонарей. На ее плечах лежало тонкое хлопковое одеяло самого дурного качества. Орудийные бойницы были закрыты и заперты на засовы с болтами. Стражи не желали рисковать: поскольку берег находился совсем рядом, иные из женщин могли рискнуть и броситься в холодную зеленую воду, не остановившись перед возможностью утонуть или оказаться сожранными чудовищными акулами, которых весьма привлекали сюда тюлени на острове Роббен. В этот день, когда женщин вывели на палубу, кок выбросил за борт целое ведро потрохов красного зубана. И главный надсмотрщик показал пленницам треугольные плавники акул, тут же поспешивших к окровавленному лакомству.

– Даже не думайте о побеге, грязные девки! – предостерег он женщин.

В самом начале долгого пути Луиза заявила свои права на это место под одной из огромных бронзовых пушек. Луиза была сильнее большинства измученных осужденных и при необходимости умела защитить себя. Жизнь на борту уподоблялась жизни в стае диких зверей: женщины вокруг нее были точно так же опасны и безжалостны, как волки, но умнее и хитрее этих зверей. Луиза сразу поняла, что ей необходимо раздобыть оружие, и она сумела отломить кусок бронзовой полоски, украшавшей лафет пушки. Она провела множество ночных часов, затачивая эту полоску о ствол пушки, пока та не превратилась в обоюдоострый кинжал. Оторвав лоскут от подола юбки, Луиза обмотала его вокруг полоски, превратив в рукоять. И день и ночь она носила с собой этот кинжал – в мешочке, привязанном к талии под юбкой. Но пока что ей пришлось воспользоваться им только однажды.

Недда, будучи родом из Фрисландии, обладала тяжелыми бедрами и задом, толстыми руками и пухлым лицом, сплошь усыпанным веснушками. Когда-то она была известной хозяйкой борделя для знати. Она специализировалась на поставке маленьких детей для богатых клиентов, пока ее не одолела чрезмерная жадность и она не попыталась шантажировать одного клиента. Как-то жаркой тропической ночью, когда корабль стоял без движения в нескольких градусах к югу от экватора, Большая Недда подкралась к Луизе и навалилась на нее всем своим весом. Никто из заключенных или надсмотрщиков не пришел на помощь Луизе, хотя она кричала и отчаянно боролась. Вместо того они хихикали и поощряли Недду:

– Давай-давай, Недда! Нечего ей тут выпендриваться!

– Только послушайте, как она пищит! Ей это нравится!

– Валяй, Большая Недда! Покажи, что ты умеешь!

Когда Луиза почувствовала, что женщина пытается раздвинуть ее ноги толстым коленом, она потянулась вниз, достала из сумки лезвие и полоснула по жирной красной щеке Недды. Недда взвыла и скатилась с нее, держась за глубокую кровоточащую рану. А потом уползла прочь, в темноту, всхлипывая и постанывая. В течение нескольких последующих недель ее рана воспалилась, и Недда забивалась в самые темные углы оружейной палубы, как медведь, а ее лицо распухло, увеличившись вдвое, и сквозь грязную повязку сочился гной, капая на подбородок. С тех пор Недда держалась как можно дальше от Луизы, а другие женщины следовали ее примеру. Они оставили Луизу в покое.

Луизе казалось, что это чудовищное путешествие тянулось всю ее жизнь. Даже теперь, когда наступил отдых от открытого моря и «Чайка» стояла на якоре в Столовой бухте, воспоминания о пережитом продолжали ее преследовать. Она забиралась поглубже в свое убежище

под пушкой и содрогалась, когда в ее памяти вспыхивала очередная картина, вонзаясь в нее, как острый шип. Толпа людей, сбившаяся вокруг нее. Их было так много, что они занимали каждый квадратный дюйм палубы, и не существовало возможности избежать соприкосновения с другими грязными телами, по которым ползали вши. В бурную погоду из ведер с фекалиями выплескивалось содержимое, растекаясь по переполненной палубе. Эта вонючая грязь пропитывала одежду женщин и их тонкие хлопковые одеяла, когда они лежали. В редкие спокойные дни команда накачивала насосами морскую воду через люки, и женщины должны были, стоя на коленях, скрести доски грубыми кусками пемзы. Конечно, это ни к чему не приводило, потому что при следующем шторме палубу вновь заливало грязью. На рассвете, когда открывали люки, женщины по очереди выносили зловонные деревянные ведра вверх по трапам на палубу и опорожняли их в море, а команда и надзиратели насмехались над ними.

Каждую субботу, в любую погоду, заключенных выгоняли на палубу, и стражи стояли вокруг них с заряженными мушкетами. Женщины, в кандалах и рваных полотняных рубашках, дрожали и обхватывали себя руками, пытаясь согреться, их кожа синела и покрывалась пупырышками от холода, а голландский пастор-реформист обличал их в грехах. Когда это издевательство заканчивалось, матросы ставили на палубе полотняные ширмы и женщин группами загоняли за них и обливали водой из корабельных насосов. Луиза и еще несколько самых брезгливых женщин снимали платья и старались как могли смыть с себя грязь. Ширмы дрожали на ветру и почти не создавали уединения, и матросы, стоявшие у насосов или у поручней наверху, свистели и отпускали грязные шуточки:

– Гляньте-ка на вымя вон той коровы!

– Да в ее волосатую бухту корабль зайти может!

Луиза наловчилась прикрываться мокрой одеждой, сгибаться пониже, прячась за других женщин. Редкие часы мытья стоили унижений, но, как только ее тонкое платье просыхало и оживали поселившиеся в нем вши, она снова начинала чесаться. С помощью своего бронзового клинка она вырезала из обломка древесины расческу с пятью зубьями и каждый день по нескольку часов вычесывала насекомых из своих длинных золотых волос и с волос на теле. Ее жалкие попытки поддерживать чистоту тела казались другим женщинам проявлением особого высокомерия, и это приводило их в ярость.

– Поглядите-ка на эту принцессу крови, опять она за свое! Чешет свои волосья!

– Ну да, она же лучше всех нас! Собирается выйти замуж за губернатора Батавии, когда мы туда доберемся, вы разве не знаете?

– Ты нас пригласишь на свадьбу, принцесса?

– Недда будет подружкой невесты, да, Недда?

Яркий шрам на толстой щеке Недды изгибался в гротескной усмешке, но глаза женщины переполняла ненависть.

Луиза научилась не обращать на них внимания. Она раскаляла конец своего кинжала в дымном огне фонаря, висевшего в креплении на стене, а потом проводила лезвием по ногам и рукам, и вши с шипением лопались. Она снова совала лезвие в огонь и, ожидая, пока оно нагреется, выглядывала наружу через узкую щель между досками крыши оружейного люка.

С помощью своего лезвия она понемногу расширяла эту щель, пока не смогла видеть все как следует. Крышка бойницы запиралась на висячий замок, но Луиза неделю за неделей трудилась, ослабляя его крепления. А потом сажой из фонаря замазывала свежее дерево, втирая ее пальцами, чтобы скрыть результат перед еженедельной проверкой корабельных офицеров, – те осматривали все, пока заключенные на палубе слушали пастора и мылись. Луиза всегда возвращалась на прежнее место в страхе, что ее работу обнаружили. Когда она видела, что никто ничего не заметил, она испытывала такое огромное облегчение, что нередко падала на пол и рыдала.

Отчаяние всегда бродило рядом, выслеживая ее, как дикий зверь, и готовясь в любой момент наброситься и проглотить ее. Не раз и не два за прошедшие месяцы она затачивала свой маленький клинок так, что им можно было сбривать тонкие волоски на руках. А потом пряталась под лафетом пушки и нащупывала пульс на запястье, где голубые вены подходили так близко к коже... Однажды она даже прижала острое лезвие к одной из вен, готовясь принять последнее решение... но потом посмотрела на тонкий луч света, проникавший через щель в крышке бойницы. Он показался ей неким обещанием.

– Нет, – шепнула она себе. – Я сбегу. Я все выдержу.

Поддерживая себя, Луиза уносилась в мыслях в ясные, счастливые дни своего детства, которые теперь казались затянутыми дымкой иного мира. Она заставляла себя прятаться в воображаемом прошлом и закрывать дверь в реальность, в которой оказалась заперта.

Луиза постоянно вспоминала о своем отце, Хендрике Ливене, высоком худом человеке в застегнутом на все пуговицы черном костюме. Она снова и снова видела его накрахмаленный кружевной белый платок, тщательно заштопанные матерью чулки, обтягивавшие его худые ноги, пряжки на башмаках с квадратными носами, начищенные до блеска, как настоящее серебро. Под широкими полями его высокой черной шляпы лицо казалось бы мрачным, если бы не озорные синие глаза. Луиза унаследовала глаза от отца. Она помнила все его смешные, чарующие и трогательные истории. Когда она была малышкой, он каждый вечер нес ее на руках наверх, в ее кроватку. Уложив Луизу, он садился рядом с ней и рассказывал что-нибудь, а она отчаянно пыталась не заснуть. Став старше, она гуляла с отцом в саду, держась за его руку, и они шли через поля тюльпанов, и Луизе преподавался дневной урок. Теперь она тихонько улыбалась, вспоминая бесконечное терпение отца, отвечавшего на ее вопросы, и его грустную и гордую улыбку, когда она правильно решала арифметическую задачку с небольшой подсказкой.

Хендрик ван Ливен был воспитателем у ван Риттерсов, известной в Амстердаме семьи торговцев. Минхеер Коен ван Риттерс являлся одним из Семнадцати, то есть входил в совет директоров Голландской Ост-Индской компании. Его склады тянулись на милю вдоль обоих берегов внутреннего канала, он торговал во всем мире, имея флот из пятидесяти трех отличных кораблей. Его городской особняк был одним из самых величественных во всей Голландии.

Зимой его огромное семейство жило в Хьюс-Брабанте, особняке у канала. Семья Луизы располагала тремя комнатами на верхнем этаже, и из окна своей крошечной спальни она видела тяжело нагруженные баржи и рыбацкие лодки, возвращавшиеся с моря.

Однако больше всего она любила весну. В это время семья перебиралась за город, в Муи-Уитсиг, деревенское имение. В эти волшебные дни Хендрик и его семья жили в маленьком коттедже за озером, напротив большого хозяйского дома. Луиза помнила длинные вереницы гусей, летевших с юга, когда становилось теплее. Они с громким плеском садились на воду озера, и их гоготанье будило ее на рассвете. Она сжималась в комочек под пуховым одеялом и прислушивалась к храпению отца в соседней комнате. Никогда больше Луиза не ощущала такого тепла и спокойствия, как в те дни.

Мать Луизы, Анна, была англичанкой. Ее отец привез Анну в Голландию, когда та была совсем ребенком. Он служил капралом в личной гвардии Вильгельма Оранского, когда тот стал королем Англии. Когда Анне исполнилось шестнадцать, ее взяли младшей поварихой в имение ван Риттерсов, а через год после этого она вышла замуж за Хендрика.

Мать Луизы обладала пухлым телосложением и веселым нравом, ее всегда окружали соблазнительные ароматы кухни: специи и ваниль, шафран и теплый хлеб... Она настояла на том, чтобы Луиза учила английский язык, и они всегда говорили на нем между собой, когда оставались наедине. Луизе легко давались языки. А заодно Анна учила ее готовить и печь, вышивать, шить и заставляла освоить прочие женские искусства.

Минхеер ван Риттерс снисходительно позволил Луизе учиться вместе с его собственными детьми, хотя ей полагалось сидеть в конце классной комнаты и помалкивать. И, только оставаясь вдвоем с отцом, она могла задать те вопросы, которые весь день вертелись у нее на языке. Она очень рано научилась почтительности.

Лишь дважды за все эти годы Луизе довелось видеть госпожу ван Риттерс. В обоих случаях она тайком смотрела на нее из окна классной комнаты – госпожа садилась в огромную карету с занавешенными окнами, и ее сопровождало с полдюжины слуг. Это была таинственная фигура, закутанная в массу черных расшитых шелков и парчи, ее лицо скрывала темная вуаль. Луиза как-то раз подслушала разговор своей матери с другими слугами. Якобы госпожа страдала от какой-то кожной болезни, из-за чего ее лицо стало страшным, как смертный грех. Даже ее собственному мужу и детям не позволялось видеть ее без вуали.

Но зато минхеер ван Риттерс иногда заглядывал в класс, чтобы проверить, как идут дела у его отпрысков. И частенько он улыбался хорошенькой и скромной девочке, сидевшей в глубине комнаты. Как-то раз он даже остановился возле стола Луизы и понаблюдал за тем, как она пишет на грифельной доске аккуратными красивыми буквами. И с улыбкой коснулся ее головы.

– Какие у тебя чудесные волосы, малышка, – тихо сказал он.

Его собственные дочери, склонные к полноте, выглядели простовато.

Луиза покраснела. И подумала, что он очень добрый, хотя и далекий и могущественный, как Бог. Он даже и выглядел похожим на Бога, изображенного на огромной картине в банкетном зале. Картину написал известный художник Рембрандт Хармензон ван Рейн, протеже семьи Риттерс. Говорили, что этому художнику позировал дед минхеера. На живописном полотне взору предстал день воскресения из мертвых, когда милостивый Господь выводил в рай спасенные души, а на заднем плане толпу проклятых демоны гнали в пылающую пропасть ада. Картина зачаровывала Луизу, она часами стояла перед ней.

Теперь же, на зловонной оружейной палубе «Чайки», вычесывая из волос вшей, Луиза чувствовала себя одной из тех несчастных, которым суждено было провалиться в Гадес. К ее глазам подступали слезы, она старалась выгнать из головы тяжелые мысли, но они прокрадывались обратно.

Луизе было всего десять лет, когда на Амстердам обрушилась черная чума, начавшись, как и всегда, в населенных крысами доках, а потом она пронеслась по городу...

Минхеер ван Риттерс тут же бежал с семьей из города и укрылся в Муи-Уитсиге. Он приказал запереть все ворота поместья и везде расставил вооруженную стражу, чтобы не пропустить чужаков. Однако, когда слуги распаковывали один из кожаных сундуков, привезенных из Амстердама, оттуда выскочила огромная крыса и умчалась вниз по лестнице. Но все равно несколько недель они верили, что им ничто не грозит, пока одна из горничных не потеряла вдруг сознание, подавая семье ужин.

Двое лакеев отнесли девушку в кухню и положили на длинный стол. Когда мать Луизы растегнула на ней блузку, она задохнулась, увидев ожерелье красных пятен вокруг шеи девушки, знак чумы, «венки роз». От расстройства и испуга она не обратила внимания на черную блоху, что прыгнула с одежды девушки на ее собственную юбку.

К закату следующего дня горничная умерла.

На другое утро двое из детей отсутствовали, когда отец Луизы призвал класс к порядку. Одна из нянек вошла в комнату и что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул, потом сказал:

– Кобус и Тинус сегодня к нам не присоединятся. А теперь, дети, откройте, пожалуйста, ваши сборники упражнений по правописанию на пятой странице. Нет, Петронелла, это десятая страница...

Петронелла была ровесницей Луизы и единственной из детей ван Риттерса, которая хорошо относилась к Луизе. Они вместе сидели за задним столом. Девочка нередко приносила

Луизе маленькие подарки и иногда приглашала поиграть с ней в куклы в детской. На последний день рождения Луизы она даже подарила ей одну из своих любимых кукол. Конечно, няня заставила Луизу вернуть ее.

Теперь же Петронелла коснулась руки Луизы и шепнула:

– Тинус заболел вчера вечером, – шепнула она. – Его тошнило! И пахло просто ужасно!

В середине утра Петронелла вдруг встала и, не спрашивая разрешения, направилась к двери.

– Куда ты, Петронелла? – резко спросил Хендрик Ливен.

Девочка обернулась и, смертельно бледная, молча посмотрела на него. И тут же, не сказав ни слова, рухнула на пол.

Тем вечером отец Луизы сказал ей:

– Минхеер ван Риттерс велел запретить классную комнату. И никому из нас нельзя входить в большой дом, пока болезнь не пройдет. Мы должны оставаться в своем коттедже.

– А что мы будем есть, папа?

Луиза, как и ее мать, всегда проявляла практичность.

– Твоя матушка уже несет нам еду из кладовых – сыр, окорок, колбасы, яблоки и картофель. А у меня есть маленький огород, и кролики, и куры. Ты будешь помогать мне в огороде. И мы продолжим уроки. Ты пойдешь вперед быстрее без менее умных детей, что задерживали тебя. Это будет нечто вроде каникул. Мы будем радоваться друг другу. Но тебе нельзя выходить из нашего сада и огорода, тебе понятно? – очень серьезно спросил отец, почесывая красный след укуса блохи на своем худом запястье.

И они три дня наслаждались обществом друг друга. Потом, на следующее утро, когда Луиза помогала матери готовить завтрак, Анна потеряла сознание у кухонной плиты и пролила себе на ногу кипящую воду. Луиза помогла отцу отнести ее наверх и уложить на большую кровать. Они забинтовали обожженную ногу полоской холста с медом. Потом Хендрик расстегнул платье на груди жены – и застыл в ужасе, увидев вокруг ее шеи «венки роз».

У Анны началась лихорадка, бурная, как летняя гроза. Через час ее кожа уже сплошь покрылась красными пятнами и казалась такой горячей, что к ней было страшно прикоснуться. Луиза и Хендрик обтирали ее губками, намоченными в холодной воде из озера.

– Держись, моя любимая, будь сильной, – шептал жене Хендрик, когда та металась и стонала.

Постель насквозь промокла от ее пота.

– Господь защитит тебя...

Они по очереди сидели рядом с ней всю ночь, но на рассвете Луиза громко позвала отца. Когда он поднялся в комнату, Луиза показала на нижнюю часть тела матери, поднимая покрывало. По обе стороны на бедрах, начиная от живота, появились чудовищные карбункулы размером с кулак Луизы. Они были твердыми, как камни, и ярко-багровыми, даже фиолетовыми, как спелые сливы.

– Бубоны... – выдохнул Хендрик.

Он коснулся одного. Анна отчаянно закричала при его легком прикосновении, из ее живота вырвались газы и желтый жидкий стул, намочивший простыни.

Хендрик и Луиза подняли ее с вонючей постели и положили на чистый тюфяк на полу. К вечеру боль стала такой сильной и непрерывной, что Хендрик уже просто не в силах был выносить крики жены. Его синие глаза налились кровью.

– Принеси мою бритву! – приказал он Луизе.

Она побежала к раковине умывальника в углу спальни и принесла бритву с прекрасной рукояткой из перламутра. Луизе всегда нравилось смотреть, как ее отец по утрам бреет щеки, потом вытирает мыльную пену с прямого блестящего лезвия.

– Что ты хочешь сделать, папа? – спросила она, видя, как он правит бритву на кожаном ремне.

– Мы должны выпустить яд. Он убивает твою мать. Держи ее покрепче!

Луиза осторожно взяла мать за руки:

– Все будет хорошо, мама. Папа тебе поможет.

Хендрик снял черный сюртук и, оставшись в одной белой рубашке, вернулся к кровати. Он сел на ноги жены, чтобы удержать их. Пот заливал его щеки, рука отчаянно дрожала, когда он прижал бритву к багровой припухлости в ее паху.

– Прости меня, милостивый Господь! – прошептал он и взрезал карбункул.

В первое мгновение ничего не происходило, а потом из глубокой раны хлынули черная кровь и желтый гной. Они забрызгали впереди рубашку Хендрика и даже попали на низкий потолок спальни над его головой.

Спина Анны выгнулась дугой, и Луиза отлетела к стене. Хендрик отскочил в угол, ошеломленный силой судорог жены. Анна извивалась, вертелась и кричала, ее лицо превратилось в ужасную маску. Луиза в страхе зажала рот ладонями, чтобы не закричать самой; она видела, как из раны мощными ритмичными фонтанами вырывалась кровь, теперь уже красная. Но постепенно кровотечение ослабело, агония Анны затихла. Она уже не кричала, а просто замерла, смертельно побледнев, в расплывшейся луже крови.

Луиза осторожно подошла к ней и коснулась ее руки:

– Мама, теперь все в порядке. Папа выпустил яд. Ты скоро поправишься.

Потом она посмотрела через комнату на отца. Она никогда не видела его таким: он плакал, его губы обвисли, на подбородок стекала слюна.

– Не плачь, папа, – прошептала Луиза. – Она скоро очнется.

Но Анна так и не очнулась.

Отец Луизы взял в сарае лопату и ушел в конец фруктового сада. Он начал копать яму в мягкой земле под большой яблоней. Только к середине дня могила стала достаточно глубокой. Он вернулся в дом, и его глаза были пустыми, как небо над головой. Он был измучен, руки у него дрожали. Луиза помогла ему завернуть Анну в пропитанную кровью простыню и пошла рядом с отцом, когда он понес свою жену через сад. Положив завернутое тело возле могилы, он спрыгнул вниз. Потом потянулся к Анне и опустил ее в яму. Уложив жену на влажную землю, пахнущую грибами, он выбрался обратно и взялся за лопату.

Луиза всхлипывала, наблюдая за тем, как он засыпает могилу и утаптывает землю. Потом она пошла в поле за изгородь и набрала там целый сноп диких цветов. Вернувшись, она уже не увидела отца в саду. Луиза положила тюльпаны там, где должна была находиться голова ее матери. У девочки словно закончились слезы. Ее тяжелые рыдания стали сухими.

Вернувшись в их коттедж, она нашла отца сидящим за столом; его рубашка была перепачкана кровью жены и землей. Он обхватил голову ладонями, его плечи вздрагивали. Когда он посмотрел на Луизу, девочка увидела, что его бледное лицо покрылось красными пятнами, зубы стучали.

– Папа, ты тоже заболел?

Луиза бросилась к нему, но тут же шарахнулась назад, потому что отец вдруг открыл рот и из него вырвался коричневый фонтан рвоты, расплескавшийся по выскобленной деревянной столешнице. А отец после этого упал на выложенный каменной плиткой пол. Он был слишком тяжел, Луиза не могла его ни поднять, ни волоком затащить наверх, в спальню, так что она принялась ухаживать за ним прямо тут, на полу в кухне. Она смыла рвоту и жидкие экскременты и стала обтирать отца губкой, намоченной в ледяной воде озера, чтобы сбить лихорадку. Но она не могла заставить себя принести ему бритву, хотя он просил. Два дня спустя он так и умер на кухонном полу.

– Я теперь должна быть храброй, – сказала себе Луиза. – Я не ребенок. Мне десять лет. Мне никто не поможет. Я должна сама позаботиться о папе.

Она направилась в дальний конец сада. Лопата все так же лежала у материнской могилы, там, где ее бросил отец. Луиза начала копать. Это была тяжелая, медленная работа. Когда могила стала глубже и тонкие детские руки Луизы уже не могли выбрасывать наверх влажную землю, она принесла из кухни корзину для яблок и стала поднимать землю из ямы в этой корзине, привязав к ней веревку. Пришел вечер, стемнело, и Луиза продолжила работу при свете фонаря. Когда яма наконец стала в ее рост, она вернулась в кухню, где лежал ее отец, и попыталась вытащить его наружу. Но Луиза слишком устала, ее ладони покрылись пузырями от работы, и она не сумела даже сдвинуть его с места.

Она накрыла отца одеялом, а сама легла рядом и проспала до утра.

Когда Луиза проснулась, в окно прямо ей в глаза били солнечные лучи. Поднявшись, она пошла в кладовку и отрезала кусок от висевшего там окорока, прихватив кусок сыра. И съела все это с ломтем сухого хлеба. Потом отправилась в конюшни позади большого дома. Она прекрасно помнила, что ей запрещено туда ходить, поэтому осторожно кралась вдоль зеленой изгороди. Конюшни оказались пусты; Луиза сообразила, что конюхи, скорее всего, сбежали вместе с другими слугами. Она пролезла в тайную дыру в изгороди, которую в свое время обнаружили они с Петронеллой. Лошади все еще стояли в стойлах, голодные и непоенные. Луиза открыла двери конюшни и выгнала лошадей в пaddock. Они тут же помчались к берегу озера и выстроились вдоль воды, чтобы напиться.

Луиза взяла в подсобном помещении недоуздок и направилась к озеру, где продолжал пить пони Петронеллы. Петронелла разрешала Луизе кататься на нем, когда захочется, так что животное знало девочку и доверяло ей. Как только пони оторвался от воды, Луиза надела на него недоуздок и повела к коттеджу. Задняя дверь дома была достаточно широка для того, чтобы пони мог в нее пройти.

Довольно долго Луиза колебалась, пытаясь придумать какой-то достаточно уважительный способ, чтобы доставить тело отца к могиле, но в конце концов нашла веревку, привязала ее к отцовским ногам, и пони потащил тело в сад; голова отца билась о неровную землю.

Когда тело соскользнуло в могилу, Луиза в последний раз оплакала его. Она сняла с пони недоуздок и отпустила животное. Потом спустилась в яму, к отцу, и постаралась как можно лучше уложить его руки и ноги, но они окоченели. Луиза оставила все как есть, вышла в поле, снова набрала охапку цветов и засыпала ими тело. Опустившись у могилы на колени, она на английском запела высоким нежным голосом первый стих псалма «Господь – мой пастырь» – именно так, как учила ее мать. И после этого стала закапывать могилу. Когда она бросила последнюю лопату земли, уже наступила ночь. Луиза с трудом дошла до коттеджа, измученная физически и эмоционально, отупев от изнеможения.

У нее не имелось ни сил, ни желания что-то съесть или даже подняться наверх, в спальню. Она упала перед очагом и почти мгновенно погрузилась в тяжелый сон.

Утром Луиза проснулась от сильной жажды и с такой головной болью, что ей казалось: голова вот-вот лопнет. Когда она попыталась встать, то пошатнулась и ударилась о стену. Ее тошнило и качало, мочевого пузырь болезненно вздулся. Луиза попыталась выйти в сад, чтобы освободить его, но на нее накатила сильнейшая тошнота. Девочка согнулась, ее вырвало на кухонный пол, и тут же она в ужасе уставилась на горячую лужу между собственными ногами.

Луиза, пошатываясь, с трудом добралась до висевших на дальней стене блестящих медных кастрюль ее матери и посмотрела на свое отражение в доньшке одной из них. Медленно, неохотно Луиза коснулась шеи и уставилась на ожерелье из красных пятен на своей молочно-белой коже.

Ноги ее подкосились, и она опустилась на каменные плитки пола. Темные тучи отчаяния закружились в ее голове, перед глазами все расплылось. Потом вдруг Луиза заметила некую

искру, еще не угасшую во тьме, – крошечную искру силы и решительности. И Луиза ухватила за этот маленький источник света, прикрывая его, как прикрывают от ветра огонек лампы. Эта искра помогла ей вернуться из тьмы.

– Мне нужно подумать, – шепнула себе Луиза. – Я должна встать. Я знаю, что произойдет, это будет так же, как с мамой и папой. Я должна подготовиться.

Опираясь на стену, Луиза поднялась на ноги и какое-то время стояла на месте, пошатываясь.

– Мне надо спешить. Я ведь могу почувствовать это в любую минуту. Я должна быть готова.

Она помнила страшную жажду, что мучила ее умирающих родителей.

– Вода! – прошептала Луиза.

Она с трудом добралась с пустым ведром к насосу во дворе. Каждый нажим на длинный рычаг был тяжким испытанием ее сил и храбрости.

– Не все умирают, – упрямо шептала себе Луиза, работая. – Я слышала, как взрослые разговаривали об этом. Они говорили, что некоторые молодые и сильные выживают. Не умирают.

Вода медленно набиралась в ведро.

– Я не умру. Я не умру! Не умру!

Когда ведро наполнилось, Луиза поплелась к кроличьему садку, потом к курятнику и выпустила всех животных и птиц, чтобы те могли сами позаботиться о себе.

– Я не смогу вами заниматься, – объяснила она им.

С трудом таща ведро, Луиза вернулась в кухню, вода выплескивалась ей на ноги. Поставив ведро у очага, она повесила на его край медный ковш.

– Еда... – пробормотала она, ощущая сильное головокружение.

Она принесла из кладовой остаток сыра и окорока, корзину яблок и поставила так, чтобы можно было до них дотянуться.

– Холодно... Ночью будет холодно...

Теперь Луиза кое-как добралась до сундука, в котором ее мать хранила то, что осталось от ее приданого, достала шерстяные одеяла и коврик из овечьей шкуры и положила рядом с очагом. Потом взяла охапку хвороста из того, что лежал в углу, и зажгла в очаге огонь.

– Дверь... Надо дверь запереть.

Луизе приходилось слышать, что в городе оголодавшие свиньи и собаки врывались в дома, где лежали люди, слишком больные для того, чтобы защищаться. И животные съедали их заживо. Луиза закрыла дверь и задвинула засов. Найдя топор и отцовский мясной нож, она положила их рядом с постелью.

В тростниковой крыше и в стенах дома обитали крысы. Луиза ночами слышала, как они суеются там, а ее мать жаловалась на их ночные налеты на кладовую. Петронелла как-то рассказывала Луизе, что однажды в ее детскую большого дома забежала огромная крыса, когда ее новая няня перепила джина. Отец обнаружил мерзкую тварь в кровати младшей сестры Петронеллы и тут же приказал конюхам высечь пьяную няню. Вопли женщины доносились даже в классную комнату, и дети в ужасе переглядывались. И теперь по коже Луизы побежали мурашки при мысли, что она может оказаться беспомощной под острыми как бритвы зубами крыс.

Из последних сил девочка сняла с крюка на стене самую большую из медных кастрюль и поставила ее в углу, накрыв крышкой. Будучи брезгливым ребенком, она при мысли о том, что может замараться, как ее родители, испытывала отвращение.

– Это все, что я могу сделать, – прошептала она наконец и рухнула на овечью шкуру.

Темное облако кружило в ее голове, кровь словно кипела в венах от лихорадочного жара.

– Отче наш, сущий на небесах...

Она твердила молитву на английском, как учила ее мать, но душная клубящаяся тьма быстро захлестнула ее.

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем Луиза медленно выплыла из тьмы, возвращаясь в сознание, как пловец выбирается из глубины. Тьма отступила, сменившись ослепительным белым светом. Он бил по глазам, как лучи солнца или белизна снежного поля, он ошеломлял. А из света выполз холод, заставляя застыть кровь и пробирая до костей, и Луиза содрогнулась всем телом.

Двигаясь медленно, болезненно, она натянула на себя овечью шкуру и свернулась в клубок, прижав колени к груди. Потом в испуге протянула руку назад. Она пощупала ягодицы, боясь почувствовать мокрую слизь, но кожа оказалась сухой. Луиза осторожно понюхала палец. Он был чистым.

Луиза помнила тот разговор отца с матерью, который она случайно подслушала:

– Самый страшный симптом – понос. Те, кто выжил, им не страдали.

– Это Божий знак... – прошептала себе Луиза сквозь стучащие зубы. – Я не обмаралась. Я не умру.

Потом обжигающая лихорадка вернулась, прогнав и холод, и белый свет. Луиза металась на постели, зовя отца, мать, Иисуса...

Ее разбудила жажда: в горле горело, язык распух и был шершавым, как точильный камень. Луиза приподнялась на локте, чтобы дотянуться до ковша. При первой попытке напиться она пролила почти всю воду себе на грудь, потом жадно, задыхаясь и давясь, выпила то, что осталось на дне медного ковша.

Но те несколько глотков, которые она сумела сделать, чудесным образом вернули ей силы. При второй попытке она сумела выпить целый ковш.

Луиза отдохнула немного, потом выпила еще ковш. Наконец она утолила жажду, и огонь в ее крови как будто на мгновение затих. Девочка свернулась под овечьей шкурой, ее живот раздулся от выпитой воды. На этот раз сон, поглотивший ее, был глубоким, но естественным.

Потом Луизу разбудила боль. Луиза не сразу поняла, где она или что случилось. Потом услышала рядом какой-то скрип. Открыв глаза, она посмотрела вниз. Одна ее нога высунулась из-под шкуры. И прямо над этой голой ногой сидело нечто размером с кота, серое и волосатое. В первое мгновение Луиза не поняла, что это такое, но потом снова послышался тот же звук, и она почувствовала боль. Луиза хотела пнуть это существо или закричать, но застыла от ужаса. Это был ее самый страшный ночной кошмар, только наяву.

Тварь подняла голову и посмотрела на Луизу яркими глазами-бусинками. Она пошевелила усами на длинной острой морде; острые изогнутые клыки, торчащие над ее нижней губой, были розовыми от крови Луизы. Крыса пыталась отгрызть ее лодыжку. Маленькая девочка и крыса смотрели друг на друга, но Луиза все еще была парализована ужасом. Крыса опустила голову и укусила снова. Луиза медленно потянулась к мясному ножу, лежавшему рядом с ее головой. И стремительно полоснула им по крысе. Крыса оказалась почти столь же проворна: она подпрыгнула высоко в воздух, но острие ножа распорол ей брюхо. Крыса завизжала и рухнула на пол.

Луиза уронила нож и, широко раскрыв глаза, смотрела, как крыса ползет по каменному полу, оставляя за собой полоски внутренностей. Луиза задыхалась, и понадобилось немало времени, чтобы ее сердце вернулось к обычному ритму, а дыхание выровнялось. А потом Луиза обнаружила, что потрясение придало ей сил. Она села, чтобы осмотреть пострадавшую ногу. Укусы оказались глубокими. Девочка оторвала полоску от своей нижней юбки и перевязала лодыжку. После этого она поняла, что ужасно проголодалась. Она подползла к столу и взобралась на скамью. Крыса успела полакомиться окороком, но Луиза очистила те места, где видела следы зубов, и отрезала себе толстый ломоть, положив его на кусок хлеба. На сыре уже появилась зеленая плесень, говорившая о том, как долго Луиза лежала возле очага без сознания. Но

плесень или нет – сыр был великолепным. Луиза запила всё последним ковшом воды. Ей хотелось принести еще ведро, но она понимала, что еще недостаточно окрепла, и боялась открыть дверь.

Она дотащилась до большой медной кастрюли в углу и присела над ней. Мочась, она высоко подняла подол юбки и осмотрела нижнюю часть живота. Он был гладкий, чистый. Но Луиза уставилась на бубоны в паху. По твердости они не уступали желудям, и, когда Луиза потрогала их, она почувствовала боль, но они не обладали такими же ужасными цветом и размером, как те, что убили ее мать. Луиза подумала о бритве, но знала, что ей не хватит храбрости проделать с собой такое.

– Я не умру!

Впервые она по-настоящему поверила в это.

Расправив юбку, Луиза вернулась к постели. И опять заснула, сжимая в руке нож.

После этого дни и ночи слились в странную цепь сна и коротких моментов пробуждения. Но постепенно периоды бодрствования становились длиннее. Каждый раз, просыпаясь, Луиза чувствовала себя сильнее, более способной позаботиться о себе. Когда она снова воспользовалась кастрюлей в углу, она увидела, что бубоны уменьшились и из красных стали розовыми. И она уже почти не чувствовала боли, нажимая на них, но знала, что ей нужно много пить.

Собрав все остатки храбрости и сил, Луиза выбралась во двор и снова наполнила ведро водой. И опять заперлась в кухне. Когда от окорока осталась одна голая кость, а корзина с яблоками опустела, Луиза поняла, что теперь ей хватит сил на то, чтобы выйти в сад. Там она набрала полную корзину турнепса и картофеля. С помощью отцовского огнива она разожгла огонь в очаге и сварила из овощей рагу, положив в него кость от окорока. Еда показалась ей невероятно вкусной, и силы буквально наполнили Луизу.

После этого она каждое утро занималась необходимыми делами.

Первым делом девочка опорожнила медный сосуд, которым пользовалась как горшком, вылив его содержимое в компостную кучу, потом вымыла его горячей водой со щелоком и снова повесила на место, на крюк. Луиза не сомневалась, что мать хотела бы от нее именно этого. Правда, усилия отчаянно утомили ее, и она снова легла спать.

На следующее утро девочка сумела накачать воды в ведро, сняла с себя грязную одежду и вымылась с головы до ног с куском драгоценного мыла, которое ее мать варила из овечьего жира и древесной золы. Она с восторгом увидела, что бубоны в ее паху почти исчезли. Она сильно нажала на них пальцами, но ощутила только слабую боль.

Когда ее кожа порозовела и сияла чистотой, Луиза почистила зубы, обмакивая палец в соль, и перевязала крысиные укусы полоской холста из медицинской коробки матери. А после этого достала из сундука чистую одежду.

На следующий день Луиза снова ощутила голод. Она поймала одного из кроликов, которые беспечно прыгали по саду, и, держа его за уши, заставила себя сломать ему шею палкой, которую отец держал специально для этого. Выпотрошив кролика и сняв с него шкурку, как учила ее мать, Луиза разрубила его на четыре части и положила в кастрюлю вместе с луком и картофелем. И когда она ела рагу, она обглаживала косточки дочиста.

На другое утро она отправилась в конец фруктового сада и привела в порядок могилы родителей. До этого она не выходила за пределы своей ограды, но теперь расхрабрилась, пролезла в дыру в живой изгороди и подкралась к оранжерее. Там она осмотрелась, убеждаясь, что ее никто не видит. Но поместье казалось совершенно безлюдным. Луиза выбрала самые нарядные цветы в горшках – их множество стояло здесь на полках – и погрузила на ручную тележку. Вернувшись в свой сад, она тщательно посадила эти цветы на аккуратно выровненные могилы. Работая, Луиза разговаривала с родителями, рассказывая им все до последней мелочи о крысе, и о кролике, и о том, как она варила рагу в черном котле на треноге.

– Мне так жаль, что я пользовалась твоей лучшей медной кастрюлей, мама! – Луиза от стыда опустила голову. – Но я ее отмыла и повесила на место.

Когда украшение могил приблизилось к завершению и Луиза осталась довольна, ее вновь одолело любопытство. Снова проскользнув через дыру в изгороди, она окольным путем, через пихтовую рощу, направилась к большому дому, с южной стороны.

Дом выглядел холодным и тихим: все окна закрывали ставни. Когда Луиза осторожно подергала парадную дверь, то обнаружила, что та заперта на замок и засов. Луиза уставилась на крест, который кто-то неаккуратно начертил на двери красной краской. Краска растеклась по дверной панели, как слезы. Это было предупреждение о чуме.

Луиза вдруг почувствовала себя одинокой и брошенной. Она села на ступени перед дверью:

– Похоже, я осталась одна в целом мире! Все остальные умерли!

Но наконец она встала и в отчаянии бросилась вокруг дома к черному входу, к двери в кухню и комнаты слуг. И подергала ее.

К изумлению Луизы, дверь открылась.

– Эй! – позвала она. – Есть тут кто-нибудь? Сталс! Ганс! Вы где?

Кухня оказалась пуста. Луиза пересекла ее и заглянула в буфетную:

– Эй!

Никто ей не ответил.

Луиза прошла через весь дом, заглядывая в каждую комнату, но никого не нашла. Однако она везде видела следы поспешного бегства семьи. Луиза ни к чему не прикоснулась и ушла, аккуратно прикрыв за собой кухонную дверь.

Когда она возвращалась в свой коттедж, ей кое-что пришло на ум. Она повернула в сторону, к часовне в конце розария. Там находилось семейное кладбище. Некоторые из надгробий стояли здесь уже две сотни лет и поросли зеленым мхом. Но рядом с часовней Луиза увидела ряд свежих могил, на которые еще даже не установили камни. Букеты и венки на них поблекли и увяли. Имена и прощальные слова были написаны на картонных табличках с черной окантовкой, стоявших над каждым холмиком. Чернила размыло дождем, но Луиза смогла прочитать надписи. И одна из них сообщала, что здесь лежит Петронелла Катрина Сюзанна ван Риттерс.

Ее подруга лежала между двумя младшими братьями.

Луиза быстро вернулась в коттедж. В ту ночь она долго рыдала. А когда проснулась утром, снова почувствовала себя больной и слабой, ее горе и одиночество стали почти невыносимыми. Луиза заставила себя выйти во двор и умыться у насоса.

Вдруг она вскинула голову; вода потекла ей в глаза и закапала с подбородка. Девочка прислушалась – и ее лицо вспыхнуло радостью. Синие глаза сверкнули.

– Люди, – вслух сказала она. – Голоса...

Голоса, едва слышные, доносились со стороны большого дома.

– Они вернулись. Я больше не одна.

С мокрым лицом она бросилась к дыре в живой изгороди и, проскочив сквозь нее, побежала к большому дому. Голоса становились все громче. У помещения для пересадки растений рядом с оранжереей она остановилась, чтобы перевести дыхание. Девочка уже собиралась выскочить на лужайку, но некий инстинкт предупредил ее об осторожности. Луиза замерла на месте, потом украдкой выглянула из-за угла красной кирпичной стены.

И ее пробрало ледяным холодом от ужаса.

Она ожидала увидеть на гравийной подъездной дороге кареты с гербами Риттерсов, семью и конюхов и лакеев, хлопочущих вокруг хозяев. Но вместо этого в парадные двери вбежали и выходили оттуда чужие люди, вынося охапки серебряных приборов, одежды и прочего. Дверь была открыта нараспашку, ее разбитые филенки пьяно болтались на петлях.

Грабители грузили добычу на целый ряд тачек, крича и смеясь от восторга. Луиза видела, что это городское отребье из доков и трущоб, целая армия сбежавших из тюрем и барачников, открывшихся после того, как городское правительство смело чумой. Они были одеты кто в лохмотья, кто в старые военные мундиры, а кто и в богатые костюмы, украденные где-то.

Один бандит, в высокой шляпе с перьями, вышел наружу, пошатываясь; он держал в одной руке большую квадратную бутылку джина, а в другой – большой золотой поднос. Его красное пьяное лицо повернулось в сторону Луизы. А она, ошеломленная увиденным, не успела спрятаться за стеной, и бандит ее заметил:

– Женщина! Клянусь Сатаной и всеми чертями ада, настоящая женщина! Молодая и сочная, как спелое красное яблочко!

Он уронил бутылку и выхватил из-за пояса меч:

– Эй, иди-ка сюда, маленькая прелесть! Дай-ка посмотреть, что ты там прячешь под своими юбочками?

Он ринулся вниз по ступеням.

Его приятели пронзительно заорали:

– Женщина! За ней, ребята! Тот, кто ее поймает, получит вишенку!

Толпа мерзавцев помчалась через лужайку к Луизе.

Она развернулась, чтобы бежать. Сначала девочка инстинктивно направилась к коттеджу, но тут же сообразила, что бандиты слишком близко и она окажется там в ловушке, словно кролик в норе, преследуемый стайей хорьков. И повернула через конский выгул к лесу. Земля была мягкой, сырой, а ноги Луизы еще не окрепли в полной мере после болезни. Грабители догоняли, их крики становились все громче и восторженнее. Луиза добралась до деревьев, лишь ненамного опередив вожаков, но она прекрасно знала этот лес, потому что всегда играла здесь. Она неслась по извилистым тропинкам, едва различимым в траве, ныряя в самые густые заросли ежевики и дрока.

Каждые несколько минут она останавливалась, чтобы прислушаться, и каждый раз голоса преследователей звучали тише. Наконец они окончательно умолкли.

Ужас Луизы слегка ослабел, но она понимала, что покидать лесное укрытие слишком опасно. Найдя сплошные заросли терна, она заползла под ветки на животе, полностью скрывшись. А потом зарылась в сухую листву, оставив открытыми только рот и глаза, чтобы наблюдать за поляной, которую она только что покинула. И лежала там, тяжело дыша и дрожа.

Постепенно Луиза успокоилась, но лежала не двигаясь до тех пор, пока длинные тени деревьев не вытянулись на земле. И поскольку она уже не слышала звуков погони, то медленно поползла обратно к поляне.

Луиза уже хотела встать, когда ее обоняние уловило запах табачного дыма.

Луиза прижалась к земле. Ужас вернулся. После многих напряженных минут она медленно приподняла голову. В дальнем конце поляны сидел мужчина, прислонившись спиной к стволу высокой березы. Он курил глиняную трубку с длинным чубуком, но его взгляд настороженно метался из стороны в сторону.

Луиза сразу его узнала. Это был тот самый мужчина в шляпе с перьями, который первым заметил ее и потом возглавлял погоню. Он находился так близко, что Луиза слышала, как попыхивает его трубка. Она зарылась лицом в листву и постаралась совладать с дрожью. Девочка не знала, что он может с ней сделать, если найдет, но чувствовала, что это окажется хуже самых страшных ночных кошмаров.

Она лежала, прислушиваясь к тому, как он затягивается дымом, и ее ужас все нарастал. Мужчина вдруг громко высморкался. Нервы Луизы чуть не лопнули. Ей понадобилась вся ее храбрость, все самообладание, чтобы не вскочить и не броситься бежать.

Время как будто остановилось; наконец Луиза почувствовала, как начинают мерзнуть ее голые руки. Но все равно не поднимала головы. Потом она услышала шорох листьев и тяжелые шаги через поляну. Они замерли почти у ее головы, и грубый низкий голос проревел:

– Так вот ты где! Я тебя вижу! Я иду к тебе! Беги! Тебе лучше убежать!

Застывшее на мгновение сердце Луизы оживило и заколотилось о ребра, но она вынудила себя лежать неподвижно.

Снова наступило долгое молчание, потом шаги стали удаляться от того места, где она лежала. Мужчина на ходу бормотал:

– Вот ведь мелкая грязная шлюха! Да она, наверное, все равно вся в оспинах!

Луиза лежала все так же неподвижно, пока не стемнело окончательно и она не услышала уханье совы на верхушке большой березы. Тогда она встала и осторожно пошла через лес, вздрагивая и дрожа при каждом шорохе и писке мелких ночных существ.

Несколько дней Луиза вовсе не выходила из коттеджа. Днем она погружалась в отцовские книги. Одна в особенности зачаровала ее, и Луиза прочла ее от корки до корки, потом начала сначала. Книга называлась «В темнейших глубинах Африки». В ней содержались истории о странных животных и диких племенах огромных волосатых людей, живших на верхушках деревьев, о племенах, которые поедали других людей, и о крошечных пигмеях с единственным глазом посреди лба... Это чтение стало чем-то вроде успокоительной микстуры для страхов Луизы. Однажды вечером она заснула прямо за кухонным столом, уронив золотую голову на книгу, а рядом трепетал огонек лампы.

Этот свет проникал наружу через окно без занавесок, падая на проход в живой изгороди. Две темные фигуры, проходившие по дороге, остановились и обменялись несколькими тихими словами. Один из мужчин подошел к передней двери коттеджа, а другой обогнул дом, приблизившись к задней двери.

– Эй, ты кто?

Резкий оклик разбудил Луизу, она мгновенно вскочила на ноги.

– Мы знаем, что ты там! Выходи!

Она бросилась к задней двери, быстро отодвинула засов и тут же, распахнув дверь, метнулась наружу, в темноту. Но в то же мгновение тяжелая мужская рука упала ей на шею, и Луизу подняли в воздух, как котенка.

Тот мужчина, который держал ее, открыл вовсю заслонку лампы и направил свет на ее лицо:

– Кто ты?

При свете Луиза узнала его красное лицо и пышные усы.

– Ян! – пискнула она. – Это я! Луиза! Луиза Ливен!

Ян был лакеем ван Риттерса. Воинственность стекла с его лица, медленно сменившись удивлением.

– Малышка Луиза! Это и вправду ты? Мы думали, ты умерла вместе со всеми.

Несколько дней спустя Ян вместе с Луизой отправился в Амстердам в телеге, на которую погрузили остатки имущества семьи ван Риттерс. Когда Ян привел девочку в кухню Хьюс-Брабанта, выжившие слуги столпились вокруг нее с приветствиями. Луизу всегда любили в людской за ее миловидность, приятные манеры и солнечный характер, и теперь они вместе с ней горевали, услышав о смерти Анны и Хендрика. Они с трудом могли поверить, что крошка Луиза, которой было всего десять лет, сумела выжить без родителей и друзей, что она сама, собственными силами и решительностью, одолела болезнь. Повариха Элиза, бывшая близкой подругой ее матери, сразу же взяла девочку под свое крылышко.

Луизе пришлось снова и снова рассказывать свою историю по мере того, как весть о ее победе над чумой распространялась среди слуг, рабочих и матросов с кораблей ван Риттерса и на его складах.

Каждую неделю Сталс, дворецкий и мажордом городского имения, писал отчеты и посылал их минхееру ван Риттерсу в Лондон, где тот нашел убежище от чумы с остатками своей семьи. В конце одного из докладов он упомянул о том, как спаслась Луиза, дочь учителя. Минхеер удостоил его ответом: «Позаботься о том, чтобы девочке дали работу в доме. Можешь ей платить как судомойке. Когда я вернусь в Амстердам, решу, что с ней делать».

В начале декабря, когда холод избавил город от последних признаков чумы, минхеер ван Риттерс привез свою семью домой. Его жену унесла болезнь, но в их жизнь ее отсутствие не внесло никаких перемен. Из двенадцати детей в живых остались лишь пятеро. Однажды утром, когда ван Риттерс пробыл в Амстердаме уже более месяца и разобрался с самыми насущными делами, требовавшими его внимания, он приказал Сталсу привести к нему Луизу.

Она вошла в библиотеку и остановилась у двери. Ван Риттерс оторвался от толстой бухгалтерской книги в кожаном переплете, в которую что-то записывал.

– Входи, дитя, – приказал он. – Подойди ближе, чтобы я тебя видел.

Луиза подошла к большому письменному столу. Она присела в реверансе, и ван Риттерс одобрительно кивнул:

– Твой отец был хорошим человеком, он научил тебя правильным манерам.

Он встал и отошел к высоким окнам эркера. С минуту он смотрел сквозь фасонные стекла на один из своих кораблей, с которого перегружали на склады тюки хлопка, привезенного из Индии. Потом повернулся обратно, чтобы рассмотреть Луизу. Она выросла с тех пор, как он видел ее в последний раз, лицо и тело оформились. Он знал, что девочка перенесла чуму, но благополучно выздоровела. На ее лице не осталось никаких следов болезни. Она была хорошенькой, по-настоящему хорошенькой, решил ван Риттерс. И это не была пресная красота правильных черт: лицо у девочки было внимательным и умным. Живые глаза сверкали драгоценной сапфировой синевой. Безупречная кожа Луизы обладала нежным сливочным цветом. Но самыми, наверное, привлекательными в ней выглядели волосы: она заплела их в две толстые косы и перекинула через плечи вперед. Ван Риттерс задал ей несколько вопросов.

Луиза старалась скрыть страх и благоговение перед ним и отвечать как можно более рассудительно.

– Ты продолжаешь учиться, дитя?

– У меня остались все отцовские книги, минхеер. Я читаю их каждый вечер перед сном.

– А чем ты занимаешься в доме?

– Я мою и чищу овощи, замешиваю тесто для хлеба и помогаю Петре мыть и вытирать кастрюли и сковородки, минхеер.

– Ты всем довольна?

– О да, минхеер! Элиза, повариха, очень добра ко мне, как родная мама.

– Думаю, мы можем найти для тебя более полезное занятие. – Ван Риттерс задумчиво погладил бороду.

Элиза и Сталс подробно объясняли Луизе, как она должна себя вести в присутствии хозяина.

– Всегда помни, что он – один из самых великих людей на всей земле! Всегда называй его «ваше превосходительство» или «минхеер». Делай реверанс, когда здороваешься и когда уходишь. И точно выполняй то, что он велит. Если он задает вопрос, отвечай прямо, но никогда не задавай вопросов сама. Стой прямо, не сутулься. Руки сложи перед собой и не вздумай вертеться или чесать нос!

Наставлений оказалось так много, что они просто запутали Луизу. Но теперь, когда она стояла перед ван Риттерсом, к ней вернулась храбрость. Он был одет в костюм из прекрас-

ной ткани, его воротник сиял снежной белизной. Пряжки на его башмаках были из чистого серебра, а рукоятка кинжала у пояса сияла золотом и рубинами. Ван Риттерс обладал высоким ростом, а его ноги в черных шелковых чулках были стройными, как у человека вдвое моложе. И хотя его волосы уже тронула седина, они оставались густыми и были прекрасно завиты и уложены. Борода ван Риттерса почти вся поседела, но он подстригал ее в стиле Ван Дейка. Вокруг его глаз залегли веселые морщинки, но рука, которой он погладил бороду, выглядела гладкой, лишенной старческих пятен. На указательном пальце красовался огромный рубин. Однако, несмотря на все величие и достоинство, глаза смотрели добродушно. И Луиза почувствовала, что может верить ему, как всегда верила, что милостивый Иисус позаботится о ней.

– Гертруде нужно, чтобы кто-то за ней присматривал, – решил наконец ван Риттерс.

Гертруда, простенькая, но обидчивая семилетняя девочка, была младшей из выживших дочерей.

– Ты станешь ее компаньонкой, будешь ей помогать с уроками. Я знаю, ты девочка умная.

Луиза упала духом. Она уже так привыкла к Элизе, по-матерински доброй женщине, заменившей Анну на кухне в качестве главной поварахи. Ей не хотелось покидать атмосферу тепла и безопасности, царившую в комнатах слуг, и подниматься наверх, чтобы ухаживать за вечно хныкавшей Гертрудой. Она собралась возразить, но Элиза строго-настрого предупредила ее, что противоречить нельзя. Она опустила голову и присела в реверансе.

– Сталс, позаботься, чтобы ее одели как следует. Ей теперь полагается плата как младшей няне, и у нее будет комната рядом с детской.

И ван Риттерс отпустил их, вернувшись к своим бумагам.

Луиза понимала, что должна стараться изо всех сил. Выбора ей не оставалось. Минхеер был повелителем всей ее вселенной. И Луиза прекрасно знала, что если попытается не подчиниться его диктату, то ее страданиям не будет конца. И постаралась завоевать Гертруду. Это оказалось нелегко, потому что девочка была требовательной и неразумной. Не довольствуясь тем, что Луиза рабски служила ей целыми днями, она могла позвать ее и ночью, если просыпалась от страшного сна или даже когда ей нужно было на горшок.

Но Луиза, всегда веселая и никогда не жаловавшаяся, постепенно заставила Гертруду полюбить себя. Она научила девочку простым играм, защищала от старших братьев и сестер, пела ей перед сном или читала сказки. Когда Гертруду мучили дурные сны, Луиза приходила к ней, обнимала и укачивала. Постепенно Гертруда перестала терзать Луизу по пустякам. Ее родная мать всегда представляла собой некую далекую фигуру под вуалью, и ее лица Гертруда просто не помнила. Но теперь девочка нашла ей замену и прониклась к Луизе щенячьим доверием. Вскоре Луиза уже могла справляться со вспышками ярости девочки, когда та с воем каталась по полу, швыряла в стену тарелки с едой или пыталась выпрыгнуть из окна в канал. До сих пор это никому не удавалось, а вот Луиза несколькими тихими словами могла успокоить Гертруду, после чего брала ее за руку и уводила в детскую. Через несколько минут девочка уже смеялась и хлопала в ладоши, повторяя за Луизой какой-нибудь детский стишок.

Сначала Луиза делала все лишь из чувства долга и по обязанности, но постепенно полюбила малышку.

Господин ван Риттерс был отлично осведомлен о переменах, происходящих с его дочерью. И когда изредка заглядывал в детскую или классную комнату, частенько одаривал Луизу добрым словом. На рождественском детском празднике он наблюдал, как Луиза танцует со своей подопечной. Луиза была подвижной и грациозной в танце, а Гертруда – коренастой и неловкой. Ван Риттерс улыбнулся, когда Гертруда подарила Луизе пару сережек с маленькими жемчужинками, а Луиза поцеловала ее и обняла.

Несколько месяцев спустя ван Риттерс вызвал Луизу в библиотеку. Какое-то время он говорил об успехах Луизы в воспитании Гертруды, говорил, как он ею доволен. А когда Луиза уже уходила, он коснулся ее волос:

– Ты превращаешься в прелестную молодую женщину. Мне следует проявить осторожность, чтобы какой-нибудь олух не попытался увести тебя. Ты нужна нам с Гертрудой.

Луизу просто ошеломила его снисходительность.

На тринадцатый день рождения Луизы Гертруда попросила отца устроить для ее юной няни какое-нибудь особенное развлечение. Ван Риттерс как раз собирался отвезти одного из старших сыновей в Англию, где тому предстояло поступить в великий Кембриджский университет, и Гертруда спросила, нельзя ли и им с Луизой поехать вместе с ними.

Ван Риттерс милостиво согласился.

Они отплыли на одном из кораблей ван Риттерса и провели большую часть той летней поездки в больших городах Англии. Луизу очаровала родина ее матери, и она пользовалась любой возможностью, чтобы попрактиковаться в английском языке.

Компания ван Риттерсов задержалась на неделю в Кембридже, потому что ван Риттерс желал проверить, как устроится его любимый сын. Он снял для него комнаты рядом с «Красным кабаном», лучшей таверной в университетском городке. Луиза, как обычно, спала на кровати в углу комнаты Гертруды. Как-то утром она одевалась, а Гертруда сидела еще в постели, болтая с ней. Вдруг девочка протянула руку и ущипнула Луизу за грудь:

– Смотри-ка, Луиза, у тебя тити растут!

Луиза осторожно отвела ее руку. В последние несколько месяцев она чувствовала, как под сосками набухают плотные полушария, говорившие о начале созревания. И ее юные груди были нежными и чувствительными. А прикосновение Гертруды оказалось грубым.

– Ты не должна так делать, Гerti, малышка. Мне от этого больно, к тому же такое слово не надо произносить.

– Прости, Луиза... – Слезы мгновенно наполнили детские глаза. – Я не хотела ничего плохого.

– Все в порядке. – Луиза поцеловала ее. – А теперь чего ты хочешь на завтрак?

– Пирожные! – Слезы моментально высохли. – Кучу пирожных с кремом и клубничным джемом!

– Ладно, а потом мы можем пойти посмотреть представление Панча и Джуди, – предложила Луиза.

– Ой, правда, Луиза? Мы пойдем?

Когда Луиза пошла спросить у ван Риттерса разрешения отвести девочку на прогулку, он вдруг решил составить им компанию. В карете Гертруда, с ее вечной непредсказуемостью, вернулась к утренней теме. Она заявила таинственным тоном:

– У Луизы уже есть розовые тити! Они торчат!

Луиза опустила глаза и прошептала:

– Я ведь говорила тебе, Гerti, что это невежливое слово! И ты обещала больше его не произносить.

– Прости, Луиза... я забыла! – Гертруда смутилась.

Луиза сжала ее руку:

– Я не сержусь, малышка. Я просто хочу, чтобы ты вела себя как настоящая леди.

Ван Риттерс как будто и не слышал этого разговора. Он не отвел взгляда от открытой книги, которая лежала на его коленях. Однако во время кукольного представления, когда Панч с крючковатым носом колотил свою визжащую жену дубинкой по голове, Луиза покосилась на хозяина и увидела, что тот рассматривает нежные припухлости под ее блузкой. Кровь хлынула к щекам Луизы, и она поплотнее закуталась в шаль.

Уже настала осень, когда они отправились в обратный путь в Амстердам. В первую ночь в море Гертруда слегла с морской болезнью. Луиза ухаживала за ней, держала перед ней тазик, когда девочку тошнило. Наконец Гертруда погрузилась в тяжелый сон, и Луиза вышла из провонявшей каюты. Желая подышать свежим морским воздухом, она поднялась на палубу. Но остановилась у люка, заметив высокую, элегантную фигуру ван Риттерса, стоявшего в одиночестве на шканцах. Офицеры и команда поставили для него штормовые поручни – как владелец корабля, он имел на это право. Луиза хотела сразу спуститься обратно, однако ван Риттерс заметил ее и позвал к себе:

– Как там Герти?

– Заснула, минхеер. Уверена, утром она будет чувствовать себя намного лучше.

В это мгновение крупная волна приподняла корпус корабля, и судно резко качнулось. Потеряв равновесие, Луиза упала на ван Риттерса. Он обхватил ее за плечи.

– Ох, простите, минхеер... – хрипло извинилась Луиза. – Я поскользнулась...

Она попыталась отодвинуться, но рука хозяина крепко ее держала. Луиза смутилась, не зная, что ей теперь делать. Она не посмела повторить попытку. Он все не отпускал ее, а потом – Луиза с трудом поверила собственным ощущениям – его другая рука приблизилась к ее правой груди. Луиза задохнулась и вздрогнула, когда ван Риттерс легонько сжал между пальцами ее набухший сосок. Он проявлял осторожность, в отличие от своей дочери. Он не причинил Луизе ни малейшей боли. Сгорая от стыда, Луиза вдруг поняла, что ей приятно его прикосновение.

– Я замерзла, – прошептала она.

– Да, – сказал он. – Иди вниз, пока не простудилась.

Он отпустил ее и снова отвернулся, прислонившись к поручням. Из его трубки вылетели несколько искр и унеслись прочь.

Когда они вернулись в Хьюс-Брабант, Луиза несколько недель не видела хозяина. Она слышала, как Сталс говорил Элизе, что минхеер уехал по делам в Париж. Однако краткое событие на корабле не выходило у нее из головы. Иногда Луиза просыпалась среди ночи и подолгу лежала без сна, стыдясь самой себя и раскаиваясь. Ей казалось, что в случившемся виновата только она сама. Великого человека, вроде ван Риттерса, наверняка невозможно было стыдить. Когда она вспоминала о той минуте, ее грудь горела, ее странно покалывало. Луиза чувствовала в себе великое зло, и как-то раз она вылезла из постели, упала на колени и принялась молиться, дрожа на голом деревянном полу от холода. Гертруда позвала ее:

– Луиза, мне нужно на горшок!

Луиза с облегчением поспешила к девочке, пока та не намочила постель. В течение следующих недель чувство вины понемногу ослабело, но не ушло окончательно.

И вот однажды днем Сталс пришел за ней в детскую:

– Минхеер ван Риттерс тебя зовет. Иди сейчас же. Надеюсь, ты ничего такого не натворила, девочка?

Луиза торопливо причесала волосы, объясняя одновременно Гертруде, куда она идет.

– А я могу пойти с тобой?

– Ты должна закончить картинку, нарисовать для меня лодку. Постарайся быть аккуратной, малышка. Я скоро вернусь.

Она постучала в дверь библиотеки, и ее сердце при этом бешено колотилось. Она понимала, что хозяин должен ее наказать за то, что случилось на корабле. Может быть, велит конюхам выпороть ее, как ту пьяную няньку. Или еще хуже, он может ее выгнать, просто выбросить на улицу.

– Входи! – Голос ван Риттерса прозвучал строго.

Она у самой двери присела в реверансе:

– Вы за мной посылали, минхеер...

– Да, Луиза, проходи.

Она остановилась перед его столом, но он жестом велел ей обойти стол и встать рядом с ним.

– Я хочу поговорить о моей дочери.

Вместо обычного черного кафтана с кружевным воротником он оказался облачен в халат из толстого китайского шелка, с пуговицами спереди. По его домашней одежде и спокойному добродушному лицу Луиза поняла, что он на нее не сердится. Ее охватило чувство огромного облегчения. Он не собирался ее наказывать! И следующие слова ван Риттерса подтвердили это.

– Я подумал, что Гертруде, возможно, пора уже брать уроки верховой езды. А ты хорошая наездница. Я видел, как ты помогаешь конюхам тренировать лошадей. Что скажешь?

– О да, минхеер! Я уверена, Гертруде это понравится! Старый Бамбл – спокойный мерин...

Луиза радостно начала вместе с хозяином составлять план обучения. Она стояла у самого его плеча. Перед ван Риттерсом лежала на столе толстая книга в зеленом кожаном переплете. И вдруг он небрежно открыл ее. Луиза невольно увидела страницу – и у нее сорвался голос.

Она вскинула ладони ко рту, зажимая его, когда посмотрела на иллюстрацию, занимавшую всю большую страницу. Над изображением, безусловно, поработал искусный художник. Мужчина на рисунке, молодой и красивый, полулежал в кожаном кресле с подлокотниками. Перед ним стояла хорошенькая смеющаяся девушка, и Луиза подумала, что это могла бы быть ее сестра-близняшка. Большие, широко расставленные глаза девушки сияли небесной синевой; она подняла свою юбку до самой талии, чтобы мужчина мог видеть золотистое гнездышко между ее ногами. Художник весьма тщательно прорисовал то, что виднелось сквозь кудряшки.

Этого уже было достаточно, чтобы Луиза задохнулась, но там имелось и кое-что похуже. Из бриджей мужчины, расстегнутых спереди, высывалось светлое копье с розовым концом. Мужчина беспечно держал его между пальцами и, похоже, метил в гнездышко девушки.

Луиза ни разу в жизни не видела обнаженных мужчин. И хотя она не раз слышала, как девушки в комнате для прислуги с удовольствием обсуждали некоторые вещи, она и вообразить не могла чего-то похожего на этот рисунок. Луиза уставилась на него как зачарованная, не в силах отвести взгляд. Она почувствовала, как горячая волна поднялась вверх по ее шее и захлестнула щеки. Ее охватили стыд и ужас.

– Мне кажется, эта девушка похожа на тебя, хотя и не такая хорошенькая, – тихо произнес ван Риттерс. – Ты согласна, милая?

– Я... я не знаю, – с трудом прошептала Луиза.

Ее ноги ослабели и чуть не подогнулись под ней, когда она почувствовала руку ван Риттерса, осторожно коснувшуюся ее ягодиц. Это прикосновение словно обожгло ее тело сквозь одежду. Господин тихонько сжал ее округлую попку, и Луиза понимала, что должна попросить его прекратить это или убежать из комнаты. Но не смогла. Сталс и Элиза постоянно ее предупреждали, что она всегда должна подчиняться минхееру. И она застыла на месте как парализованная.

Она ведь принадлежала ван Риттерсу, как любая из его лошадей или собак. Она являлась частью его движимого имущества. И должна была без возражений терпеть что угодно, пусть даже не совсем понимала, что именно он делает, что ему нужно от нее.

– Конечно, Рембрандт позволил себе некоторую художественную вольность в том, что касается размеров...

Луиза не могла поверить, что художник, написавший фигуру Господа, мог нарисовать и вот эту картинку, хотя такое было вполне возможно: даже прославленные мастера должны делать то, чего требуют от них великие люди.

«Прости меня, добрый Иисус», – мысленно взмолилась Луиза и крепко зажмурила глаза, чтобы не видеть безнравственную картинку.

Тут она услышала шорох шелка, и ван Риттерс сказал:

– Вот так, Луиза, это выглядит на самом деле.

Ее глаза были закрыты, и господин провел ладонью по ее затылку мягко, но настойчиво.

– Ты уже большая девочка, Луиза. Пора тебе узнать такие вещи. Открой глаза, милая.

Она послушно приоткрыла веки. И увидела, что ван Риттерс расстегнул свой халат, а под халатом на нем ничего нет. Она уставилась на штучковину, которая торчала из складок шелка. Картинка в книге, безусловно, являлась романтическим отображением реальности. Нечто в складках халата торчало из гнезда жестких темных волос и показалось Луизе толщиной с ее талию. И конец был не нежного розового цвета, как на рисунке, а темный, как зрелая слива. И расщелина на этой сливе вытаращилась на Луизу, как глаз циклопа.

Луиза снова крепко зажмурила глаза.

– Гертруда... – прошептала она. – Я ей обещала прогулку.

– Ты очень добра к ней, Луиза. – В голосе ван Риттерса появились странная хрипота и резкость, каких Луиза никогда прежде не слышала. – Но теперь ты должна и ко мне тоже проявить доброту.

Он сунул руку ей под юбку, пробежался пальцами по обнаженным ногам. Чуть задержался на мягкой ямке под коленом, и это заставило Луизу задрожать еще сильнее. Господин ласкал ее, и это странным образом успокаивало, но Луиза понимала, что это неправильно. Ее разрывали противоречивые чувства, ей казалось, что она вот-вот задохнется. Пальцы ван Риттерса поползли выше, к ее бедрам. Они не колебались, они действовали властно, явно не ожидая никакого сопротивления.

Он сказал: «Ты должна быть доброй ко мне», и Луиза понимала, что у него есть полное право требовать этого от нее. Она всем была ему обязана. И если вот это означало «быть доброй», то ей не оставалось выбора, хотя она и знала, что это нехорошо, что Иисус ее накажет. И может быть, перестанет ее любить.

Она услышала шорох страницы, которую ван Риттерс перевернул свободной рукой, и он тут же сказал:

– Посмотри!

Луиза попыталась хотя бы в этом оказать сопротивление и зажмурилась еще крепче. Прикосновение повелителя стало более требовательным, он уже добрался до того места, где началась щель между ягодицами.

Луиза чуть-чуть приоткрыла глаза и сквозь ресницы глянула на новую страницу книги. И тут же ее глаза широко распахнулись. Девушка, так похожая на нее, стояла на коленях перед своим кавалером. Юбки она задрала, ее обнаженный зад был круглым и сливочно-белым. И девушка, и мужчина смотрели на копье между его ногами. В глазах девушки сияла нежность, словно она любовалась на какого-то милого домашнего зверька, вроде котенка. И она держала *это* обеими маленькими ручками, но ее тонкие пальцы не могли полностью обхватить его.

– Разве не прекрасный рисунок? – спросил ван Риттерс.

И, несмотря на безнравственность изображения, Луизу охватило странное сопереживание молодой паре. Они улыбались и, похоже, любили друг друга и наслаждались тем, что делали. Луиза забыла снова закрыть глаза.

– Ты же видишь, Луиза, Господь создал мужчин и женщин разными. И каждый из них на свой лад несовершенен, но вместе они составляют целое.

Луиза не поняла до конца, что он имел в виду, но иногда она не понимала и того, что говорил ей отец, и того, о чем рассказывал пастор на проповеди.

– Как раз поэтому пара на картинке так счастлива, и поэтому ты можешь видеть, что они испытывают друг к другу страстную любовь.

И снова его пальцы властно двинулись дальше, забираясь между ногами. А потом ван Риттерс сделал там кое-что еще. Луиза не слишком поняла, что же именно, но невольно

немного расставила ноги, чтобы ему было легче двигаться. Ощущения, охватившие ее, не походили ни на что, испытанное ею прежде.

Ей показалось, что любовь и счастье, о которых говорил ван Риттерс, растеклись по всему ее телу, пронизывая его. Она снова посмотрела на его распахнутый халат, и потрясение и страх ослабели. Луиза увидела теперь, что *это* действительно прекрасно, как на картинке в книге. И не стоило удивляться тому, что девушка так радостно на него смотрела.

Ван Риттерс тихонько потянул ее к себе, и Луиза поддалась ему без сопротивления. Все так же сидя в кресле, он повернулся к ней лицом, одновременно положив руку ей на плечо. Луиза инстинктивно поняла: господин хочет, чтобы она сделала то же самое, что девушка на картинке. И под давлением лежавшей на ее плече руки опустилась на колени; странная, одновременно уродливая и прекрасная штукавина оказалась всего в нескольких дюймах от ее лица.

Как и нарисованная девушка, Луиза протянула к ней руки. И чуть слышно вскрикнула, почувствовав, как горяч и тверд этот предмет. Он зачаровывал ее. Она легонько сжала копье и ощутила в нем движение жизни, как будто оно существовало само по себе. И оно принадлежало ей; Луизу охватило странное чувство силы и власти, как будто она держала сейчас в руках самую суть существования ван Риттерса.

А он наклонился вперед и положил ладони поверх ее рук. И начал двигать их вверх-вниз. Сначала Луиза не поняла смысла этих движений, потом догадалась: он показывал ей, чего ему хочется. Луизе отчаянно захотелось доставить удовольствие хозяину, и она быстро освоила науку...

Ее пальцы двигались, а он вдруг откинул голову на спинку кресла и застонал. Луиза подумала, что причинила ему боль, и попыталась встать, но он удержал ее, нажимая ладонями на плечи, и несвязно пробормотал:

– Нет-нет, Луиза, продолжай... ты такая хорошая, умная девочка...

А потом он глубоко, судорожно вздохнул и выхватил из кармана халата большой алый шелковый платок. Он накрыл им свои колени и руки Луизы. Она не знала, должна ли остановиться, когда почувствовала горячую влагу, хлынувшую ей на руки и намочившую шелк шейного платка.

Ван Риттерс схватил ее за запястья и остановил сам:

– Довольно, милая. Ты сделала меня по-настоящему счастливым.

Он довольно долго сидел в кресле без движения, потом встал. Сам вытер маленькие руки Луизы платком. Она не чувствовала никакого отвращения. Ван Риттерс весело улыбался ей и говорил:

– Я очень тобой доволен, но ты не должна никому рассказывать о том, чем мы сегодня занимались. Понимаешь, Луиза?

Она энергично кивнула. Чувство вины испарилось, вместо этого Луиза испытывала благодарность и почтение.

– А теперь можешь вернуться к Гертруде. Завтра начнешь учить ее ездить верхом.

В течение нескольких следующих недель Луиза видела ван Риттерса лишь однажды, издали. Она как раз шла к лестнице, направляясь в комнату Гертруды, когда лакей открыл дверь банкетного зала и ван Риттерс вышел оттуда впереди целой процессии гостей. Все эти роскошного вида леди и джентльмены блистали прекрасными нарядами. Луиза знала, что по меньшей мере четверо из этих мужчин являлись членами совета директоров Голландской Ост-Индской компании. Они явно отлично поужинали и вели себя весело и шумно. Луиза спряталась за занавеску, когда они проходили мимо нее, но со странной тоской смотрела на минхеера ван Риттерса. Его голову украшал парик с длинными завитыми волосами, на перевязи сверкал орден Золотого руна. Он выглядел великолепно. Луизу даже охватила ненависть к улыбавав-

шейся элегантной женщине, что шла об руку с ним. Когда они миновали ее укрытие, Луиза взбежала наверх, в комнату, которую делила с Гертрудой, рухнула на кровать и заплакала.

– Почему он не хочет снова меня видеть? Что я такого сделала?

Она каждый день вспоминала событие в библиотеке, в особенности когда гасли лампы и она лежала на своей кровати в дальнем конце комнаты Гертруды.

Потом как-то днем ван Риттерс вдруг явился на урок верховой езды. Луиза как раз учила девочку садиться в седло. При появлении хозяина Луиза присела в реверансе, и наученная ею Гертруда тоже, но оказалась слишком неловкой и неповоротливой и потеряла равновесие. Луиза подхватила ее и помогла удержаться на ногах. Ван Риттерс ответил на их приветствие игривым поклоном.

– Ваш преданный слуга, – сказал он.

Гертруда хихикнула.

Ван Риттерс не обращался напрямую к Луизе, а она прекрасно понимала, что не должна сама заговаривать с ним.

Потом ван Риттерс понаблюдал, как Гертруда проехала круг по тренировочному рингу. Луиза шла рядом с пони, держа поводья, а пухлое лицо Гертруды исказилось от страха.

А потом ван Риттерс ушел так же внезапно, как появился.

Прошла еще неделя. Луизу разрывали противоречивые чувства. Иногда к ней возвращалась мысль о безмерном грехе, совершенном ею. Она ведь позволила прикасаться к себе и играть с ней, к тому же сама получала удовольствие от тех чудовищных вещей, которые он творил... Ей даже начали сниться яркие сны обо всем этом, и она просыпалась в растерянности и смущении, и ее недавно набухшие груди и тайные места горели. словно в наказание за грех, ее груди все увеличивались, пока не начали натягивать ткань блузки. Луиза пыталась их скрыть, скрещивая руки на груди, но видела, как конюхи и лакеи посматривают на них.

Ей хотелось поговорить о случившемся с Элизой, попросить совета, но ведь минхеер ван Риттерс особо предупреждал ее на этот счет... И Луиза помалкивала.

А потом вдруг Сталс сообщил ей:

– Ты перебираешься в собственную комнату. Минхеер приказал.

Луиза в изумлении уставилась на него:

– А как же Гертруда? Она не может спать одна!

– Хозяин думает, пора ей этому научиться. Ей тоже отвели новую спальню, а ты будешь в соседней. У нее будет колокольчик, чтобы позвать тебя, если ты ей понадобишься ночью.

Новые комнаты девочек находились на этаже под библиотекой и спальными апартаментами минхеера. Луиза устроила настоящую игру из их переезда, успокаивая опасения Гертруды. Они собрали всех кукол и устроили для них прием, чтобы познакомить с новым жилищем. Луиза научилась говорить разными голосами за каждую из игрушек, и этот фокус всегда заставлял Гертруду хохотать. Когда куклы по очереди рассказали Гертруде, как они рады своему новому дому, девочка оказалась окончательно убеждена.

Собственная комната Луизы была светлой и просторной. Помещение прекрасно обставили, повесили бархатные гардины, установили кровать и позолоченные стулья. На кровати лежали пуховый матрас и толстые одеяла. В комнате имелся даже мраморный камин, хотя Сталс предупредил Луизу, что она может расходовать только одну корзину угля в неделю. Но – чудо из чудес – к ее спальне примыкала маленькая туалетная комната, в которой стоял большой ящик с крышкой: под крышкой скрывалось резное сиденье и фаянсовый ночной горшок. Луиза пришла в полный восторг, когда в первую ночь забралась в постель. Казалось, ей никогда в жизни не было так тепло, как в этот вечер.

Она очнулась от глубокого сна и лежала, пытаясь понять, что ее разбудило. Похоже, время перевалило далеко за полночь, судя по темноте и тому, как затих дом. Потом она снова услышала некий звук, и ее сердце заколотилось. Это раздавались шаги, вот только доноси-

лись они из-за панели стены в дальнем конце ее комнаты. Луизу стиснул суеверный страх, она не могла ни шевельнуться, ни закричать. Потом до нее донесся тихий скрип открывавшейся двери, неведомо откуда появился призрачный свет. Одна из панелей дальней стены медленно повернулась, открываясь, и в комнату вошла смутная фигура. Некто высокий, бородатый, в бриджах и белой рубашке двигался к ее кровати...

– Луиза!

Гулкий голос странным эхом разнесся по комнате. Как раз таким голосом и должен был говорить призрак. Луиза натянула одеяло на голову и замерла, не дыша. Она слышала, как шаги приближаются к ее кровати, в щелке по краю одеяла видела неверный свет...

Шаги остановились рядом с ней, одеяло внезапно слетело с Луизы.

На этот раз она завизжала, но понимала, что проку в этом нет: за соседней дверью Гертруда уже наверняка спала глубоким сном, ее бы не разбудило даже землетрясение, а на всем этом этаже Хьюс-Брабанта никто, кроме них, не жил.

Луиза уставилась в нависшее над ней лицо, и ее охватил такой ужас, что она не узнала его даже в свете фонаря.

– Не бойся, дитя. Я не причиню тебе зла.

– Ох, минхеер...

Она бросилась ему на грудь и обняла изо всех сил в облегчении:

– Я вас приняла за привидение...

– Ну-ну, детка. – Он погладил ее волосы. – Все в порядке. Тебе нечего бояться.

Он долго обнимал ее, ожидая, пока Луиза успокоится. Потом сказал:

– Не хочу оставлять тебя здесь одну. Идем со мной.

Он взял ее за руку, и Луиза доверчиво последовала за ним, в ночной рубашке, босиком. Ван Риттерс провел ее через дверь в стене. За ней скрывалась винтовая лестница. Они поднялись по ней, прошли еще через одну потайную дверь. И вдруг очутились в великолепной комнате, такой большой, что даже полсотни свечей, горевших в золотых канделябрах, оставляли в тени ее дальние уголки и потолок. Ван Риттерс подвел Луизу к камину, в котором весело плясали длинные желтые языки пламени.

Он обнял девочку, погладил по голове:

– Ты думала, я о тебе забыл?

Она кивнула:

– Я думала, вы на меня рассердились и я вам больше не нравлюсь.

Ван Риттерс усмехнулся и повернул ее лицо к свету:

– До чего же ты прекрасная малышка! Вот как я на тебя сержусь, вот как ты мне не нравишься...

Он поцеловал ее в губы, и она ощутила запах дорогих сигар, сильный и острый, и почему-то от этого аромата в ней возникло чувство покоя и защищенности.

Ван Риттерс наконец отпустил ее и усадил на кушетку перед огнем. Потом отошел к столу, на котором стояли бокалы и графин с рубиново-красной жидкостью. Наполнив один бокал, он принес его Луизе:

– Выпей. Это прогонит все дурные мысли.

Луиза задохнулась и закашлялась, проглотив жгучий напиток, но потом по ее телу разлилось восхитительное тепло, добравшись до самых кончиков пальцев на руках и ногах. А ван Риттерс сел рядом с ней, гладил ее волосы и тихо говорил о том, как она хороша, и что она милая девочка, и как он по ней скучал. Убаюканная теплом в животе и гипнотическим голосом, Луиза опустила голову ему на грудь. А он поднял подол ее ночной сорочки и потянул вверх, и Луиза выскользнула из нее, оставшись нагой. В свете свечей ее полудетское тело было светлым и нежным, как сливки. И Луиза ничуть не ощущала стыда, когда хозяин ласкал ее и целовал. Она поворачивалась так и эдак, подчиняясь его рукам.

Внезапно он встал, и Луиза смотрела, как он снимает рубашку и бриджи. Когда он вернулся к кушетке и остановился перед ней, ему не пришлось направлять ее руки, они сами естественным образом потянулись куда нужно.

Потом он отодвинул ее руки и уложил Луизу на бархатную кушетку, а сам опустился на пол перед ней. Раздвинув ее ноги, он стал их целовать, постепенно поднимаясь все выше.

– Что вы делаете? – испуганно вскрикнула Луиза.

Прежде ничего подобного не происходило, и она попыталась сесть. Но он удержал ее, и тут Луиза закричала, впившись ногтями в его плечи. Его рот добрался до самого тайного ее местечка, и ощущение было таким острым, что Луизе на мгновение показалось, будто она теряет сознание.

Далеко не каждую ночь ван Риттерс спускался по потайной лесенке, чтобы забрать к себе Луизу. Частенько вечерами на мощеной улице под окном спальни Луизы грохотали колеса карет, и она задувала свечу и выглядывала из-за гардин, наблюдая, как подъезжают гости ван Риттерса на очередной банкет или суаре. А потом она долго лежала без сна, надеясь услышать его шаги на винтовой лестнице, но обычно оставалась разочарованной.

А еще он уплывал на долгие недели или даже месяцы на одном из своих кораблей в далекие места со странными и волнующими названиями. И когда он уезжал, Луиза скучала и тревожилась. Она заметила, что из-за собственной грусти становится нетерпеливой с Гертрудой.

Когда же он возвращался, он как будто наполнял собой весь дом, даже все слуги оживали и радовались. И тоска ожидания исчезала, как и не бывала вовсе, когда Луиза слышала его шаги на тайной лестнице и бросалась ему навстречу, когда он входил в ее спальню. Потом он придумал сигнал, чтобы звать ее к себе и больше не спускаться за ней вниз. Во время ужина он посылал лакея к Гертруде с красными розами. Никто из слуг, относивших цветы, не видел в этом ничего странного: все знали, что минхеер испытывает необъяснимую любовь к своей некрасивой и бестолковой дочери. Но в такие вечера дверь наверху винтовой лестницы оставалась незапертой, и, когда Луиза входила, хозяин уже ждал ее в спальне.

Эти встречи всегда проходили по-разному. Ван Риттерс постоянно придумывал для них новые игры. Он заставлял Луизу наряжаться в разные платья, изображая то молочницу, то мальчика-конюха, то принцессу. Иногда он надевал на нее маски – демонов или диких зверей.

В другие вечера они рассматривали иллюстрации в зеленой книге, а потом повторяли нарисованные сцены. Когда ван Риттерс в первый раз показал Луизе картинку, на которой девушка лежала под мужчиной, а он погрузил в нее свое копье до самого конца, она не поверила, что такое возможно. Но ван Риттерс был нежен, терпелив и деликатен, так что, когда это произошло в первый раз, Луиза почти не почувствовала боли, а на простыню широкой кровати упало всего несколько капель ее девственной крови.

После этого Луизу охватило чувство некоего завершения, и, оставаясь одна, она с благоговением рассматривала собственное тело. Ее изумляло то, что те его части, которые ее учили считать нечистыми и греховными, могли приносить такое наслаждение. Теперь она ощущала убежденность, что больше он ничему не сможет ее научить. Она верила, что способна доставлять удовольствие и ему, и себе всеми возможными способами.

Но она ошибалась.

Ван Риттерс вернулся, казалось бы, из бесконечного путешествия – на этот раз он побывал в месте, которое называлось Санкт-Петербург, в России, и встречался с придворными царя Петра Алексеевича, которого называли Петром Великим, с целью расширить свою торговлю дорогими мехами. Когда минхеер приехал, Луиза уже горела лихорадкой ожидания, и на этот раз ей не пришлось долго ждать приглашения. В первый же вечер лакей принес Гертруде единственную алую розу – как раз тогда, когда Луиза убирала со стола тарелки после ужина девочки.

– Чему ты так радуешься, Луиза? – требовательно спросила Гертруда, пританцовывая вокруг стола.

– Просто я люблю тебя, Гerti, я вообще люблю всех в этом мире, – напевно ответила Луиза.

Гертруда хлопнула в ладоши:

– И я тебя люблю, Луиза!

– А теперь тебе пора спать, и вот тебе чашка горячего молока, чтобы лучше спалось.

В ту ночь, когда Луиза вошла через потайную дверь в спальню ван Риттерса, она застыла на месте от изумления. Ее ждала новая игра, но впервые Луиза растерялась и испугалась. Все выглядело слишком реально, слишком страшно.

Голова ван Риттерса скрывалась под плотным черным капюшоном с круглыми дырами для глаз и прорезью для рта. Он облачился в черный кожаный фартук и блестящие черные сапоги, доходившие до бедер. Руки в черных перчатках он сложил на груди. Луиза с трудом оторвала от него взгляд, чтобы посмотреть на зловещее сооружение в центре комнаты. Оно очень походило на треногу, у которой публично наказывали злодеев на площади перед зданием суда. Однако вместо цепей с верхушки треноги свисали шелковые шнуры.

Луиза улыбнулась дрожащими губами, но ван Риттерс бесстрастно посмотрел на нее сквозь прорези в черном капюшоне. Ей хотелось убежать, но он явно предвидел такое намерение. И, быстро подойдя к двери, запер ее. А ключ положил в карман фартука.

Ноги Луизы подогнулись, она опустилась на пол.

– Прости... – прошептала она. – Пожалуйста, не бей меня...

– За распутство ты приговорена к двадцати ударам хлыстом.

Голос ван Риттерса звучал сурово и резко.

– Пожалуйста, отпусти меня... Я не хочу играть в такую игру...

– Это не игра.

Ван Риттерс подошел к Луизе и, хотя она молила о пощаде, поднял ее и подвел к треноге. Он связал ей руки над головой шелковыми веревками, а она оглядывалась на него, и ее длинные волосы упали ей на лицо.

– Что ты хочешь со мной сделать?

Он отошел к столу у дальней стены и, повернувшись спиной к Луизе, что-то взял с него. Потом с театральной неторопливостью повернулся, держа в руке хлыст. Луиза зарыдала и попыталась вырваться из шелковых уз, державших ее за запястья; она вертелась и извивалась, висая на треноге.

Ван Риттерс подошел к ней и, просунув палец в ворот ее ночной сорочки, разорвал ее сверху донизу. Луиза осталась обнаженной. А он встал перед ней, и Луиза увидела огромное вздутие под фартуком, говорившее о возбуждении.

– Двадцать ударов, – повторил он холодным, жестким, совершенно незнакомым голосом. – И ты сама будешь их считать. Поняла, маленькая шлюха?

Луиза поморщилась при этом слове. Никто прежде не называл ее так.

– Я не знаю, что я сделала не так. Я думала, я тебя радую...

Он полоснул хлыстом по воздуху, и тот просвистел прямо перед лицом Луизы. Потом он обошел девушку, и она крепко закрыла глаза и напряглась всем телом, но все равно боль от удара превзошла ее ожидания, и Луиза громко закричала.

– Считай! – приказал он.

Луиза повиновалась, едва шевеля белыми дрожащими губами.

– Один! – выкрикнула она.

Все продолжалось и продолжалось, без жалости или передышки, пока Луиза не потеряла сознание. Тогда ван Риттерс поднес к ее носу маленький зеленый флакон, и острые пары оживили ее.

И все продолжилось.

– Считай! – требовал ван Риттерс.

Наконец Луиза с трудом выдавила:

– Двадцать...

И он положил хлыст на стол.

Развязав тесемки кожного фартука, он обошел Луизу. Она висела на шелковых веревках, не в силах поднять голову или упереться ногами в пол. Вся ее спина, ягодицы и верхняя часть ног словно горели в огне.

А ван Риттерс встал позади, и Луиза почувствовала его руки на нижней части своего тела – он раздвигал ее красные, пульсирующие болью ягодицы. А потом ее пронзила боль куда более страшная, чем испытанная ею до этого. Он насиловал ее противоестественным образом, разрывая ее плоть, и в ней нашлись силы, чтобы кричать снова и снова...

Наконец он перерезал шелковые веревки, завернул Луизу в одеяло и понес вниз по лестнице. Не говоря ни слова, ван Риттерс бросил рыдающую девочку на постель.

Утром, когда она дотащилась до туалетной комнаты и села на горшок, она увидела, что кровотечение не прекратилось. Даже семь дней спустя она еще не поправилась окончательно – но Гертруде уже доставили новую алую розу.

Дрожа и тихо плача, Луиза поднялась по лестнице на зов. Когда она вошла в спальню хозяина, тренога снова стояла в центре комнаты, а ван Риттерс опять надел капюшон и фартук палача.

Понадобились месяцы для того, чтобы Луиза набралась храбрости, но наконец она отправилась к Элизе и рассказала о том, что делает с ней минхеер. Луиза подняла юбку и показала старые рубцы и свежие шрамы на своей спине. А потом наклонилась и показала изодранный, воспаленный зад.

– Прикройся, бесстыдная девка! – закричала Элиза и ударила девушку по щеке. – Как ты смеешь лить такую грязь на великого и доброго человека? Я должна немедленно сообщить об этом минхееру, а пока велю Сталсу запереть тебя в винном погребе!

Два дня Луиза сидела, съежившись, на каменном полу в темном углу погреба. Безумная боль в нижней части живота была подобна огню, грозившему пожрать саму ее душу. На третий день за ней явились сержант и трое солдат городской стражи. Когда ее вывели в кухонный двор, Луиза искала взглядом Гертруду, Элизу или Сталса, но вокруг не было ни души.

– Спасибо, что пришли и спасли меня, – сказала она сержанту. – Я бы не выдержала еще день.

Он бросил на нее очень странный взгляд.

– Мы обыскали твою комнату и нашли те драгоценности, что ты украла, – сказал он. – Какая ужасная неблагодарность по отношению к джентльмену, который был так добр к тебе. Посмотрим, что скажет тебе мировой судья.

Судья мучился последствиями вечерних развлечений. Он был одним из пятидесяти гостей в Хьюс-Брабанте, чьи винные погреба и стол славились по всем Нидерландам. Коен ван Риттерс был его старым другом, и судья сурово устался на молодую особу, приведенную к нему. Коен накануне, после позднего ужина, говорил с судьей о девице, когда они курили сигары и приканчивали бутылку прекрасного выдержанного коньяка. Судья нетерпеливо выслушал сержанта, давшего показания против нее и положившего перед судьей украденные драгоценности, найденные в ее комнате.

– Арестантка приговаривается к отправке в колонию Батавии, пожизненно, – объявил судья.

«Счастливая чайка» уже стояла в порту, почти готовая к выходу в море. Луизу под конвоем отвели на причал прямо из зала суда. Наверху трапа ее встретил главный надзиратель. Он

внес ее имя в список, а потом двое его помощников надели ей на лодыжки кандалы и толкнули в люк на орудейную палубу.

Теперь, почти год спустя, «Чайка» стояла на якоре в Столовой бухте. Даже сквозь толстую дубовую обшивку корабля Луиза услышала оклик:

– Баркасы с провизией! Разрешите причалить?

Очнувшись от воспоминаний, она выглянула в щель между досками крышки бойницы. И увидела большую лодку, что подходила к кораблю; на ней находилась команда из дюжины белых и чернокожих людей. На носу стоял высокий широкоплечий человек бандитского вида, но Луиза вытаращила глаза, когда узнала того, кто стоял у румпеля. Это был тот самый юноша, который спросил ее имя и бросил ей рыбу. Ей пришлось побороться за этот драгоценный дар, потом разделить его своим маленьким клинком и поделиться с тремя другими женщинами. Они не были ей подругами, потому что на борту этого корабля дружбы не существовало, но в начале путешествия они вчетвером заключили нечто вроде соглашения о помощи друг другу ради выживания. Они съели рыбу сырой, а столпившиеся вокруг голодные женщины выжидали возможности ухватить хоть кусочек.

Луиза с тоской вспоминала сладкий вкус этой сырой рыбы теперь, когда смотрела на тяжело нагруженные лодки, подходившие к борту корабля. Потом послышались стук и крики, скрип подъемных блоков, снова кто-то выкрикивал приказы... Сквозь щель Луиза наблюдала, как корзины и ящики со свежими продуктами поднимали на палубу. Она чужая запах фруктов и недавно собранных помидоров. Ее рот наполнился слюной, но она прекрасно знала, что основная часть этой роскоши попадет на стол к офицерам, а что останется – пойдет на камбуз для рядовых матросов. И ни крошки не упадет на палубу для заключенных. Их кормили заплесневелыми морскими сухарями и протухшей солониной, в которой кишмя кишели черви.

Внезапно она услышала, как кто-то постукивает в одну из бойниц дальше по палубе, и мужской голос снаружи позвал тихо, но настойчиво:

– Луиза! Луиза там?

Прежде чем она успела ответить, кто-то из женщин заорал в ответ:

– Да, милый! Я Луиза! Хочешь попробовать мед из моего горшочка?

Раздался визгливый смех.

Луиза узнала мужской голос. Она попыталась позвать его сквозь хор грязных предложений, но ее враги заглушили ее злобными воплями, и девушка поняла, что он не сможет ее услышать. В отчаянии она всмотрелась через щель, но обзор был слишком ограничен.

– Я здесь! – закричала она по-голландски. – Я Луиза!

Перед щелью возникло его лицо. Он, видимо, стоял на одной из скамей в лодке, пришвартованной под ее бойницей.

– Луиза?

Он прижался глазом к щели со своей стороны, и они уставились друг на друга с расстояния в несколько дюймов.

– Да! – Он неожиданно засмеялся. – Синие глаза! Яркие синие глаза!

– Кто ты такой? Как тебя зовут?

Она почему-то заговорила по-английски, и он разинул рот:

– Ты говоришь по-английски?

– Нет, умник, это китайский! – огрызнулась она, и юноша снова засмеялся.

Судя по смеху, он был властен и самоуверен, однако Луиза уже год не слышала дружеских голосов.

– Однако ты дерзка! Но у меня есть для тебя кое-что. Ты можешь открыть эту крышку? – спросил он.

– А с палубы смотрит кто-нибудь? – ответила она вопросом. – Если увидят, что мы разговариваем, меня высекут.

– Нет, нас не видно за завалом борта.

– Подожди! – сказала Луиза и достала из своего мешочка лезвие.

Она быстро выдернула ту единственную скобу, что еще удерживала на месте замок. Потом отклонилась назад и, уперев обе босые ноги в крышку бойницы, толкнула ее изо всех сил. Петли скрипнули и подались на несколько дюймов. Луиза увидела пальцы юноши на краю крышки – он помог открыть ее немного шире.

Потом он просунул в широкую щель небольшой холщовый мешок.

– Там письмо для тебя, – прошептал он, прижавшись лицом к дыре. – Прочитай.

И он исчез.

– погоди! – взмолилась Луиза, и в щели снова появилось его лицо. – Ты не сказал, как тебя зовут.

– Джим. Джим Кортни.

– Спасибо, Джим Кортни, – поблагодарила Луиза и позволила крышке захлопнуться.

Три женщины собрались возле нее тесным защитным кружком, заслоняя от чужих глаз, когда Луиза открывала мешок. Они быстро поделили вяленое мясо и морские сухари и тут же впились в это не слишком аппетитное угощение с отчаянием голода. А Луиза нашла гребень, и ее глаза наполнились слезами. Гребень был вырезан из светлого, пятнистого черепахового панциря. Луиза провела им по волосам, и гребень ровно скользнул по ним, не цепляясь, как та уродливая расческа, которую она сама кое-как изготовила. Потом Луиза нашла напильник и нож, завернутые вместе в кусок парусины. Нож имел роговую рукоятку, а лезвие, когда она проверила его на большом пальце, оказалось очень острым; это было отличное оружие. У крепкого маленького напильника имелись три грани. Луиза ощутила всплеск надежды, первый за все эти долгие месяцы. Она посмотрела на кандалы на своих лодыжках. Кожа под их жесткими кольцами натерлась до мозолей.

Нож и напильник представляли собой бесценные дары, но глубже всего Луизу тронул гребень. Он являлся подтверждением того, что юноша видел в ней женщину, а не тюремное отребье из трущоб. Луиза пошарила по дну мешка в поисках обещанного письма. И нащупала небольшой листок дешевой бумаги, хитро сложенный в форме конверта. На нем было написано размашистым, но красивым почерком: «Луизе». Девушка осторожно развернула его, стараясь не порвать. Автор писал на плохом голландском, но главное Луиза поняла.

Напильник для цепей. Завтра ночью я подведу лодку к корме. Когда услышишь корабельный колокол, две склянки средней вахты, прыгай. Я услышу всплеск. Будь храброй.

Сердце Луизы бешено заколотилось. Конечно, она сразу поняла, что ее шансы невелики. Сотни вещей могли пойти не так, и не последнюю роль играли мушкетеры стражей и акулы. Но единственным, что имело значение для Луизы, было то, что она нашла друга, что у нее появилась надежда на спасение, пусть и слабая.

Она порвала письмо на мелкие кусочки и бросила их в вонючее отхожее ведро. Ни один из стражей не станет пытаться достать его оттуда.

Потом она снова заползла под пушку, в темноту, бывшую ее единственным убежищем, и села, подогнув под себя ноги, чтобы легко можно было дотянуться до звеньев цепей. Проведя в первый раз напильником по железу, Луиза сразу увидела неглубокий, но заметный след, и на доски палубы упали несколько блестящих крупинок. Кандалы ковали из стали самого дурного качества, и все равно Луизе требовалось немало времени и упорства, чтобы перепилить одно звено.

– У меня есть еще целый день и ночь. До двух склянок завтрашней ночной вахты, – ободряла она себя, снова прижимая напильник к кандалам. – Я справлюсь.

Баркас избавился от тяжелого груза и теперь шел легко. На руле стоял Мансур, а Джим сидел на веслах, глядя назад, за корму. Он то и дело усмехался, вспоминая краткий разговор с Луизой. Она говорила на английском, на хорошем английском, с едва лишь заметным голландским акцентом, и показала себя умной и энергичной. Она быстро откликалась на обстоятельства. Нет, она не походила на примитивных теток, попадавших в тюрьму. Джим видел ее обнаженные ноги, когда она толкала крышку бойницы. Конечно, они выглядели до жалости худыми от голода и несли на себе следы от цепей, но при этом были длинными и прямыми, а не деформированными рахитом. «Хорошей породы!» – так обычно говорил его отец. И рука, забравшая у него мешок, несмотря на обветренную кожу и сломанные ногти, имела прекрасную форму и тонкие пальцы. Рука настоящей леди, а не рабыни или посудомойки.

«Да, она не пахнет розами или лавандой, – думал Джим. – Но ее ведь бог знает сколько времени держали взаперти в том вонючем трюме... Так чего тут можно ожидать?»

Он вполне оправдывал Луизу. Потом он подумал о ее глазах, удивительных синих глазах, и его лицо стало мечтательным. «Я в жизни не видывал у девушек таких глаз! И она говорит по-английски...»

– Эй, кузен! – окликнул его Мансур. – Держи ритм! Ты нас увезешь на остров Роббен, если не будешь внимателен!

Джим очнулся от грез как раз вовремя, чтобы отреагировать на следующую волну, высоко поднявшую корму лодки.

– Море начинает волноваться, – проворчал его отец. – К завтрашнему дню наверняка шторм нагрянет. Надо нам перевезти остатки груза до того, как волны слишком поднимутся.

Джим отвел взгляд от удалявшихся очертаний корабля и посмотрел вокруг. И упал духом. Штормовые тучи и вправду грудились на горизонте, высокие и мрачные, как горы.

«Мне нужно придумать предлог, чтобы остаться на берегу, когда на „Чайку“ повезут последний груз», – решил он.

Другого шанса подготовиться у него могло и не случиться.

Когда мулы вытягивали баркас на берег, Джим сказал отцу:

– Я должен повидаться с капитаном Хьюго. Он может нас задержать, если не получит монеты в свой жирный кулак.

– Пусть подождет, старый корабельный вор. Ты мне нужен для перевозки.

– Я ему обещал, да у тебя и так целая команда для следующей доставки.

Том Кортни обжег сына пристальным взглядом. Он слишком хорошо знал Джима. У того явно было что-то на уме. Не в его духе уваливать от работы. Наоборот, он являл собой надежную опору для Тома. Именно Джим договорился о хороших условиях с экономом тюремного корабля, добыл у Хьюго лицензию на торговлю, сам занимался доставкой первой партии груза. Ему можно доверять.

– Ну, не знаю... – Том задумчиво потер подбородок.

Мансур поспешил вмешаться:

– Отпусти Джима, дядя Том! Я заменю его на время.

– Хорошо, Джим. Иди навести своего дружка Хьюго, – неохотно уступил Том. – Но вернись на берег, поможешь с лодками, когда мы придем назад.

Немного позже Джим с вершины одной из дюн наблюдал, как лодки снова пошли к «Чайке» с последним грузом провианта. Ему показалось, что волны стали выше, чем утром, и ветер начал взбивать на них белую пену.

– Помоги нам Бог! – вслух сказал он. – Если нагрянет шторм, я не смогу забрать девушку, пока он не кончится.

Потом он вспомнил, что написал ей в письме. Он ведь велел Луизе прыгать за борт точно в тот момент, когда пробьют две склянки средней вахты. И он не мог передать ей другую записку, чтобы изменить это. Хватит ли ей здравого смысла остаться на борту, если разыграется буря? Сообразит ли, что он не сумеет подойти к кораблю? Или она все равно бросится в воду, наплевав на все опасности?

Мысль о том, что она может утонуть в темном море, ударила Джима как кулаком, его даже затошнило. Он повернул коня к крепости и нажал пятками на бока Друмфайра.

Капитан Хьюго был удивлен, но доволен тем, что так быстро получил свои комиссионные. А Джим ушел без лишних церемоний, отказавшись даже от чашки кофе, и галопом помчался назад, на берег. И по пути отчаянно соображал.

Времени на осуществление планов оставалось совсем немного. Он ведь всего несколько часов назад обрел уверенность, что у девушки хватит духу на столь опасный побег. А если ему удастся вытащить ее на берег, то следовало найти для нее надежное укрытие. Как только ее побег обнаружат, весь гарнизон крепости отправят на поиски, сотни пехотинцев и кавалерийский эскадрон. У военных в крепости не имелось развлечений, и охота на человека, точнее, на женщину могла стать для них самым волнующим событием за много лет. Полковник Кейзер, командир гарнизона, сочтет за честь изловить сбежавшую осужденную.

Джим впервые позволил себе обдумать последствия на случай, если его опрометчивый план рухнет. Ведь это могло даже создать проблемы для его семьи. . . Директора компании установили суровые законы, могучие Семнадцать в Амстердаме решили, что никаким иностранцам не позволено жить или торговать в их колонии. Однако этот закон, как и многие другие строгие законы Амстердама, при разных особых обстоятельствах можно было обойти. Эти особые обстоятельства всегда включали в себя солидную уважительную взятку его превосходительству губернатору ван де Виттену. Братья Кортни заплатили двадцать тысяч гульденов за разрешение поселиться и торговать в колонии на мысе Доброй Надежды. Ван де Виттен вряд ли стал бы отзываться лицензию. Они с Томом Кортни дружили, и Том делал щедрые взносы в неофициальный пенсионный фонд губернатора.

Джим понадеялся, что если он с девушкой просто исчезнут из колонии, то на семье это никак не отразится. Конечно, их могли заподозрить, и в худшем случае это могло стоить его отцу еще одного щедрого дара губернатору, но в конце концов все рассосется, если Джим не появится здесь вновь.

Существовало только два пути для побега из колонии. Лучшим и естественным оставалось море. Но для этого требовалось судно. У братьев Кортни имелись два вооруженных торговых корабля, на которых они ходили даже в Аравию и Бомбей. Однако в настоящее время эти корабли находились в море, и их не ждали до перемены ветров, а муссоны сменяют направление только через несколько месяцев.

Джим накопил немного денег, – возможно, их хватило бы для того, чтобы заплатить за переезд его и девушки на одном из кораблей, что сейчас стояли в заливе. Но полковник Кейзер, узнав о побеге, первым делом как раз и прикажет обыскать все суда.

Джим мог бы попытаться украсть небольшое суденышко, возможно полубаркас, что-нибудь такое, на чем можно было бы добраться до португальских портов на побережье Мозамбика. Но каждый капитан опасался пиратов. И скорее всего, вознаграждением за усилия Джима стала бы мушкетная пуля в живот.

В общем, даже при самом оптимистичном раскладе Джим столкнулся с тем фактом, что морская дорога для него закрыта. Оставался лишь один вариант. Джим повернулся и посмотрел на север, на далекие горы, с которых еще не сошел последний зимний снег. Придержав Друмфайра, Джим задумался о том, что кроется там.

Сам он не забирался дальше, чем на пятьдесят лиг, за эти пики, но слышал, что те, кто уходил дальше во внутренние земли, возвращались с огромным количеством слоновой кости. Ходили даже слухи о некоем старом охотнике, который подобрал на песчаном берегу какой-то безымянной речки далеко на севере блестящий камешек, а потом продал этот алмаз в Амстердаме за сто тысяч гульденов.

Джим почувствовал, как от волнения по его коже побежали мурашки. Много раз долгими ночами он фантазировал о том, что скрывается за далеким голубым горизонтом. Он говорил об этом с Мансуром и Замой, и они обещали друг другу, что однажды предпримут такое путешествие. Может быть, боги приключений подслушали его хвастовство и теперь придумали, как заманить его в дикие дали? Поскачет ли рядом с ним девушка с золотыми волосами и синими глазами?

Джим засмеялся при этой мысли и погнал Друмфайра вперед. В ближайшие часы, вдали от отца, дяди Дориана и всех слуг и свободных рабов ему требовалось действовать быстро. Джим знал, где отец держит ключи от сейфов, кладовых и оружейного склада. Он выбрал из стада в краале шесть сильных мулов и, захватив для них выючные седла, повел животных на поводу к задним дверям склада. Он весьма тщательно выбирал то, что считал нужным. Взял дюжину лучших мушкетов Тауэра и парусиновые сумки с пулями, бочонки черного пороха и бруски свинца и формы, чтобы отливать новые пули; прихватил топоры, ножи и одеяла; не забыл бусы и ткани для обмена с дикими племенами, с которыми они могли встретиться; добавил основные лекарства и перевязочные материалы, котелки и бутылки для воды, иголки и нитки и прочее, без чего не обойтись в глуши, но ничего лишнего. Впрочем, он убедил себя, что кофе – это не роскошь, добавляя к грузу мешок кофейных зерен.

Когда все было погружено, Джим увел цепочку мулов в тихое местечко рядом с ручьем в лесу, почти в двух милях от Хай-Уилда. Он оставил там животных с путами на ногах, сняв с них груз, чтобы мулы пока отдыхали и паслись на пышной траве у воды.

К тому времени, когда он вернулся в Хай-Уилд, баркасы уже вернулись от «Чайки». Джим отправился навстречу отцу, Мансуру и команде, когда те двигались через дюны. И поехал рядом с ними, слушая несвязный разговор. Все они насквозь промокли в морской воде и отчаянно устали, потому что возвращаться от голландского корабля им пришлось уже по бурным волнам.

Мансур довольно коротко сообщил Джиму:

- Тебе повезло, что ты увильнул. Волны обрушивались на нас, как водопады.
- Ты видел ту девушку? – спросил Джим шепотом, чтобы не услышал отец.
- Какую девушку? – Мансур бросил на Джима хитрый взгляд.
- Ты прекрасно знаешь какую. – Джим ткнул его кулаком.

Мансур посерьезнел.

– Всех заключенных заперли в трюме и задраили люк. Один из офицеров сказал дяде Тому, что капитан хочет отплыть сразу, как только закончит ремонт и наполнит бочки водой. В крайнем случае завтра. Он не хочет застрять здесь на время шторма. – Увидев отчаяние на лице Джима, Мансур сочувственно продолжил: – Мне жаль, кузен, но, скорее всего, корабль уйдет до завтрашнего полудня. Да и на что она тебе в любом случае, осужденная женщина? Ты ведь ничего о ней не знаешь, не знаешь, какое преступление она совершила. Может, она убийца! Оставь ее, Джим. Забудь о ней. В синем небе летает много птичек, а на равнинах Камдебу много травинок.

Джим вспыхнул гневом и едва удержал неприятные слова, уже готовые сорваться с его губ. Оторвавшись от остальных, он повернул Друмфайра к вершинам дюн. С высоты он посмотрел через залив. Шторм усиливался прямо на глазах, неся с собой преждевременную тьму.

Ветер завывал и трепал волосы Джима, раздувал гриву и хвост Друмфайра. Джиму пришлось прикрыть глаза ладонью, чтобы защититься от летевших на него песка и пены. Море покрылось высокими тяжелыми волнами, с грохотом падавшими на берег. Чудом казалось уже то, что Том сумел провести лодки через водоворот ветра и воды, но ведь Том Кортни являлся искусным моряком.

Почти в двух милях от «Чайки» смутно виднелись серые очертания какого-то судна с голыми мачтами – оно то появлялось, то исчезало в волнах. Джим наблюдал за ним, пока темнота не скрыла его окончательно. Тогда он галопом помчался к Хай-Уилду. Джим сразу нашел Заму, который все еще занимался лошадьми в конюшне.

– Идем со мной, – приказал он.

Зама послушно вышел за ним во фруктовый сад.

Когда их никто уже не мог увидеть из большого дома, юноши присели рядышком на корточки. Какое-то время они молчали, а потом Джим заговорил на языке лози, языке лесов, чтобы Зама сразу понял: речь пойдет о жизненно важном деле.

– Я уезжаю, – сообщил он.

Зама всмотрелся в его лицо, но глаза Джима скрывались в темноте.

– Куда, Сомоя? – спросил он.

Джим дернул головой, показывая на север.

– Когда вернешься?

– Не знаю. Может, и никогда, – ответил Джим.

– Тогда я должен попрощаться с отцом.

– Ты поедешь со мной?

Зама с жалостью глянул на него. На такой глупый вопрос и отвечать не следовало.

– Эболи и мне был отцом. – Джим встал и обнял Заму за плечи. – Пойдем на его могилу.

Они поднялись на холм под вспышками молний; оба обладали прекрасным зрением юноши, так что шли уверенно. Могила находилась на восточном склоне, так чтобы на нее падали первые лучи восходящего солнца. Джим помнил каждую подробность похорон Эболи. Том Кортни зарезал черного быка, и жены Эболи зашили тело старого негра во влажную шкуру. Потом Том на руках отнес некогда огромное тело друга, съездившееся от старости, и опустил его в глубокую яму. Он усадил там Эболи, потом разложил вокруг него все его оружие и самые драгоценные из его вещей. И наконец яму закрыли огромным круглым валуном. Понадобились две воловьих упряжки, чтобы дотащить его до места.

Теперь Джим и Зама в темноте опустились на колени перед этим камнем и на языке лози обратились с молитвой к племенным богам и к Эболи, который после смерти присоединился к этому темному пантеону. Раскаты грома сопровождали их молитву. Зама просил отца благословить его на путешествие, ждавшее их впереди, а Джим благодарил за то, что Эболи научил его обращаться с мушкетом и мечом, и напомнил Эболи, как тот впервые взял его на охоту на льва.

– Защити твоих сыновей, как защитил в тот день, – просил Джим. – Потому что мы отправляемся сами не зная куда.

Потом они сели, прислонившись спинами к камню, и Джим объяснил Заме, что нужно делать:

– Я нагрузил караван мулов. Они стреножены у ручья. Веди их в горы, к Маджубе, что на поляне Голубок, и жди меня там.

Маджубой называли незатейливую хижину, спрятанную в лесу у подножия гор. Ею пользовались пастухи, которые летом выгоняли принадлежавшие Кортни стада на высокогорные пастбища, а также мужчины семьи Кортни, которые отправлялись охотиться на зебр-квагг, антилоп канн и нильгау. Но в это время года хижина пустовала.

Юноши окончательно распрощались со старым воином, который теперь вечно сидел в темноте под валуном, и отправились к ручью. Джим достал из одного из выюков фонарь и в его свете помог Заме снова нагрузить на мулов тяжелые выюки. Потом направил караван на тропу, что вела в горы, на север.

– Я приду в течение двух дней, что бы ни случилось. Жди меня! – крикнул на прощание Джим, и Зама отправился в путь.

Когда Джим вернулся в Хай-Уилд, дом спал. Но Сара, его мать, оставила для него в духовке теплый ужин. Когда она услышала, как Джим громыкает кастрюлями, она спустилась вниз, в одной ночной сорочке, и села напротив сына за стол, наблюдая за тем, как он ест. Она почти ничего не говорила, но глаза у нее были грустными.

– Благослови тебя Господь, сынок, мой единственный, – прошептала она и поцеловала его, желая доброй ночи.

Она еще днем видела, как Джим уводит в лес мулов, и материнский инстинкт сразу подсказал ей, что Джим покидает их.

Прихватив свечу, она вернулась наверх, в спальню, где мирно похрапывал Том.

Джим почти не спал в ту ночь, слушая, как порывы ветра колотятся в дом и гремят оконными ставнями. Он поднялся задолго до того, как проснулись остальные. В кухне он налил себе большую кружку горького черного кофе из эмалированной кастрюльки, что всегда стояла в духовке. Снаружи еще царила тьма, когда Джим вывел из конюшни Друмфайра.

Джим выехал на берег моря, и, когда они с конем поднимались на дюны, из темноты на них обрушился яростный ветер, словно некий чудовищный черный ворон. Джим оставил Друмфайра под прикрытием дюн, стреножив его среди низких зарослей лебеды, потом снова поднялся на гребень дюны.

Плотнот завернувшись в плащ, он надвинул на глаза широкополую шляпу и присел на корточки, ожидая первых проблесков рассвета. Он думал о той девушке. Она уже доказала, что быстро соображает, но достаточно ли она разумна для того, чтобы понять: ни одна маленькая лодка не сможет сняться с якоря, пока бушует шторм? Поймет ли, что Джим вовсе не предал ее?

Низкие, стремительно несущиеся тучи отодвигали рассвет; даже когда он наступил, ему едва удалось осветить картину шторма. Джим встал, и ему пришлось низко наклоняться под порывами ветра, как будто он переходил речку со стремительным течением. Шляпу он придерживал обеими руками, пытаясь рассмотреть силуэт голландского корабля. Потом увидел, как вдали мелькнуло нечто непохожее на пену волн. Джим изо всех сил всмотрелся в это пятно.

– Парус! – воскликнул он наконец.

Ветер сорвал слово с его губ и унес прочь.

Однако парус находился не там, где Джим предполагал увидеть «Чайку». Да, это был какой-то корабль под парусом, не стоящий на якоре. Но Джиму требовалось выяснить, «Чайка» ли это, которая пытается выйти из залива, или другое судно. Его небольшая охотничья подзорная труба лежала в седельной сумке. Повернувшись, Джим бегом бросился по мягкому песку туда, где оставил Друмфайра.

Вернувшись на гребень дюны, Джим стал искать корабль. Ему понадобилось несколько минут, но потом он снова увидел паруса. Джим сел на песок и, используя локти и колени для устойчивости, направил трубу на далекий корабль. Он видел паруса, но волны мешали; наконец одна из них высоко подняла корабль.

– Это он!

Сомнений не оставалось: это была «Счастливая чайка».

Джиму показалось, что он вот-вот умрет. Прямо на его глазах Луизу увозили в какую-то вонючую тюрьму на краю земли, а он никак не мог этого предотвратить.

– Пожалуйста, Господи, не забирай ее у меня так скоро! – в отчаянии взмолился Джим.

Но далекий корабль пробивался сквозь бурю, его капитан старался держаться как можно дальше от смертельно опасного берега. Сквозь подзорную трубу Джим наблюдал за кораблем опытным взглядом моряка. Том хорошо научил его, и Джим разбирался в направлениях ветров, килевой качке и парусах. Он видел, что «Чайка» балансирует на краю гибели.

Стало светлее, и теперь Джим даже невооруженным глазом видел все подробности пугающей схватки корабля со штормом. Час спустя корабль все еще оставался запертым в заливе, и Джим то и дело переводил трубу с корабля на черный, похожий на акулу силуэт острова Роббен, который охранял вход в залив.

С каждой минутой становилось все более очевидным, что «Чайка» не сможет этой дорогой вырваться в открытое море. Капитану придется повернуть назад. У него просто не имелось выбора: глубина под ним уже была слишком большой, чтобы снова бросить якорь, а шторм неумолимо гнал его на скалы острова. Если он налетит на них, корпус корабля разлетится в щепки.

– Поворачивай! – Джим вскочил. – Разворачивайся! Ты же всех угробишь, идиот!

Он имел в виду и корабль, и девушку. Он знал, что Луиза наверняка сейчас находится в трюме, и даже если каким-то чудом она выскользнет с оружейной палубы, цепи на ногах сразу утащат ее под воду.

Корабль упрямо шел прежним курсом. Маневрировать на таком неповоротливом судне в подобную погоду было невероятно опасно. Но вскоре капитан, видимо, сообразил, что ничего другого ему не остается.

– Слишком поздно! – ужасался Джим. – Уже слишком поздно!

А потом он увидел, как это происходит: паруса обвисли, силуэт корабля изменился, когда он развернулся носом к ветру. Джим наблюдал сквозь подзорную трубу, его руки дрожали. Корабль замедлил ход. «Чайка» застыла на месте, паруса болтались, корабль оказался не в состоянии завершить поворот на другой курс.

А потом Джим увидел, как на «Чайку» накатывает очередная волна. Море кипело, в воздухе поднялась сплошная завеса дождя и ветра; порыв подхватил судно и положил набок, так что стало видно днище, сплошь покрытое водорослями и ракушками. И тут на «Чайку» обрушилась новая гигантская волна. Корабль исчез, как и не бывал вовсе. Джим, терзаясь отчаянием, ждал, что корабль вот-вот появится снова. Он мог перевернуться вверх килем, а мог и разом затонуть... но узнать это немедленно Джим не имел возможности.

У него уже горели от напряжения глаза, перед взором все расплывалось, но он продолжал всматриваться через подзорную трубу.

Казалось, прошла целая вечность, пока волна наконец унеслась прочь. А потом вдруг корабль снова появился, но выглядел он уже как совершенно другое судно – так резко изменился его силуэт.

– Мачты! Он потерял мачты! – простонал Джим.

Глаза у него слезились, ветер резко бил по лицу, но он не мог оторваться от трубы.

– Грот-мачта и фок! Он потерял обе!

Только бизань-мачта торчала над взлетающим на волнах корпусом корабля, а путаница парусов и сломанных мачт повисла через борт, еще сильнее замедляя движение. Ветер нес «Чайку» обратно в залив, мимо скал острова Роббен, но прямо к тому месту, где бешено громылал прибой, над которым стоял Джим.

Джим быстро прикинул расстояние, углы и скорость.

– Корабль окажется на берегу меньше чем через час, – прошептал он себе под нос. – Да поможет Господь тем, кто на борту, когда его выбросит на сушу...

Опустив подзорную трубу, Джим тыльной стороной ладони отер со щек выбитые ветром слезы:

– И пожалуйста, Господи, в первую очередь помощи Луизе...

Он попытался представить себе условия на оружейной палубе «Чайки» в этот момент, но у него не хватило воображения.

Луиза не спала всю эту ночь. Час за часом, пока «Чайка» болталась на волнах, дергаясь на якорной цепи, а шторм все громче гудел в снастях, она сидела под пушкой, согнувшись, и работала напильником. Она накрыла цепь парусиновым мешком, чтобы заглушить скрежет металла о металл. Ручка напильника уже натерла водяной пузырь на ее ладони. Когда пузырь лопнул, Луизе пришлось использовать мешок, чтобы прикрыть воспаленное место.

Когда сквозь щель в крышке бойницы просочились первые признаки рассвета, а Луизе осталось перепилить лишь тонкую полоску металла, она вскинула голову, услышав знакомый шум кабестана, поднимавшего якорь, топот босых ног матросов на палубе сверху... А потом до нее слабо донеслись приказы офицеров на главной палубе...

– Мы отплываем!

Эти два слова пронесли по оружейной палубе, и женщины принялись проклинать свое невезение, выкрикивать оскорбления капитану и его команде наверху или что попало – по настроению. Передышка кончилась. И все муки плавания на этом адском корабле начинались снова. Женщины чувствовали, как изменилось движение корпуса, когда якорь оторвался от илистого дна и корабль ожил, начав борьбу с буйными стихиями.

Темный горький гнев нахлынул на Луизу. Спасение ведь казалось уже таким близким... Она подползла к щели в крышке бойницы. Сквозь слабый свет и плотную пелену пенных брызг и дождя она смогла различить лишь смутные признаки далекой суши.

– Но берег еще близко, – сказала она себе. – С Божьей помощью я могу до него добраться...

Однако в глубине души она осознавала, что ей не по силам одолеть мили штормового моря. Даже если бы она смогла избавиться от ножных кандалов, выбраться наружу и прыгнуть в воду, она продержалась бы каких-нибудь несколько минут. И Луиза понимала, что Джим Кортни не сможет подойти к кораблю, чтобы спасти ее.

– Лучше сразу утонуть, – сказала она вслух, – чем гнить в этом вшивом аду.

Луиза яростно набросилась на последнюю полоску стали, что удерживала запертыми ее цепи. Пленницы вокруг нее кричали и визжали, когда их безжалостно швыряло из стороны в сторону. Корабль бешено прыгал на волнах. Луиза заставила себя не отрываться от работы.

Еще несколько движений напильником – и кольцо лопнуло, цепь упала на доски палубы.

Луиза помедлила еще с минутку, растирая распухшие натертые лодыжки. Потом заползла глубже под пушку, чтобы взять спрятанный там нож с костяной рукояткой.

– Никто и не попытается меня остановить, – мрачно прошептала она.

Нож она спрятала в мешочек под юбкой. Потом, прижавшись спиной к лафету, уперлась ногами в крышку бойницы. Корабль кренился на правый борт, наклон корпуса препятствовал усилиям девушки. Она изо всех сил налегла на тяжелую крышку, но та приоткрылась всего на несколько дюймов – и тут же в щель хлынул настоящий поток соленой воды.

Луизе пришлось позволить крышке снова захлопнуться.

– Помогите мне! Помогите открыть ее! – в отчаянии крикнула она трем своим союзницам.

Те ответили ей пустыми коровьими взглядами. Сейчас их интересовало только одно – выжить самим.

Луиза в кратком затишье между двумя волнами посмотрела в щель – и впереди увидела совсем близко темные очертания острова.

«Мы должны сейчас же повернуть, – подумала она, – или нас выбросит на сушу».

За долгие месяцы на борту она уже разобралась во многом и понимала некоторые тонкости навигации.

«Если корабль сменит курс, я смогу открыть бойницу, наклон корпуса мне поможет...»

Она согнулась в готовности и наконец почувствовала, как нос корабля разворачивается против ветра; качка изменилась. Даже сквозь пронзительный вой ветра она слышала на палубе наверху приказы и стремительный топот ног. Луиза уперлась в лафет, ожидая, когда корпус качнется в нужную ей сторону.

Но этого не случилось, корабль просто тяжело поднимался и опускался на волнах.

Одна из осужденных, чей гражданский муж служил боцманом на одном из кораблей Голландской Ост-Индской компании, закричала в панике:

– Эта безмозглая свинья – капитан упустил время! Боже милостивый, а мы в кандалах!

Луиза понимала, что это значит. Корабль уже не мог повернуть на другой курс. Он просто застрял на месте, беспомощный перед штормом.

– Слушайте! – продолжала кричать та женщина. И все они сквозь общий шум слышали *это*. – Шквал! Нас перевернет!

Женщины съжились в цепях, прислушиваясь к нараставшему реву. Шквальный ветер оглушал, а когда, казалось, шум просто не мог уже стать громче, бешеная волна ударила по кораблю. «Чайка» дернулась и накренилась, как будто ее боднул в брюхо гигантский слон. Трещала ломавшаяся оснастка, потом с пушечным грохотом сломалась грот-мачта. А корпус все кренился, и наконец орудийная палуба встала вертикально, и все предметы и люди скользнули по ней, свалившись кучей на боковую стенку корпуса. Раскатившиеся пушечные ядра полетели на кучу барахтавшихся пленниц. Женщины пронзительно визжали от боли и ужаса. Одно из ядер полетело в сторону Луизы. В последний момент она метнулась в сторону, и ядро ударило женщину, съжившуюся рядом. Луиза услышала, как треснули кости обеих ног. Женщина села и со странным недоуменным выражением уставилась на собственные конечности.

Одно из больших орудий, девять тонн литой бронзы, сорвалось с лафета и покатилося по палубе. Пушка по пути давила женщин, словно кроликов, попавших под колеса боевой колесницы. Потом она ударилась о корпус корабля. Толстые дубовые доски обшивки не выдержали ее нападения. Пушка пробила их и исчезла. Сквозь неровную дыру внутрь хлынуло море, заливая орудийную палубу ледяной зеленой водой.

Луиза, сдержав дыхание, забралась на лафет, когда все вокруг залило водой. Потом она почувствовала, как корабль начал выпрямляться: шквальный порыв миновал, отпустив «Чайку». Вода потекла обратно сквозь дыру.

Продолжая крепко держаться за лафет, Луиза сумела выглянуть сквозь пробоину в борту корабля, словно в широко распахнутую дверь. Она увидела болтавшиеся вдоль борта сломанную мачту, перепутанный такелаж и паруса. На волнах прыгали головы матросов, которых смыло за борт. А дальше она увидела берег Африки и высокий прибой, бившийся о сушу с пушечным грохотом. Искалеченный корабль несло прямо к ней. Луиза наблюдала за этим неумолимым движением, и страх смешивался в ней со вновь вспыхнувшей надеждой.

С каждой секундой берег все приближался, а пробитая пушкой брешь открывала перед Луизой дорогу к бегству. Даже сквозь дождь и брызги волн она уже видела кое-какие подробности – деревья, гнувшиеся и танцевавшие на ветру, разбросанные вдоль берега выбеленные известкой дома...

Корабль все гнало бурей к суше, и теперь Луиза видела даже крошечные фигурки людей. Они бежали из города и рассыпались вдоль берега, кто-то размахивал руками, но их голоса заглушал гул ветра. Однако корабль подошел уже настолько близко, что Луиза различала среди зова мужчин, женщин и детей.

Ей понадобилось сделать над собой огромное усилие, чтобы покинуть надежное убежище за орудийным лафетом, но она все же поползла по качавшейся палубе, мимо женских тел и

мокрых вещей. Пушечные ядра продолжали бессмысленно кататься в разные стороны, достаточно тяжелые для того, чтобы раздробить кости Луизы, случись ей очутиться на пути одного из них.

Она добралась до бреши в корпусе. Дыра оказалась в меру велика для того, чтобы в нее легко проскочила лошадь. Луиза ухватилась за расщепленные доски, всматриваясь в волны прибоя. Отец в свое время научил ее плавать по-собачьи на озере в поместье. И, ободряемая отцом, который плыл рядом, Луиза однажды сумела пересечь озеро от берега до берега. Но здесь было совсем другое. Луиза понимала, что в бешеном прибое она удержится на плаву лишь несколько секунд.

Берег уже находился так близко, что она видела даже выражение лиц зрителей, ожидавших, когда корабль выбросит на сушу. Кто-то смеялся от возбуждения, несколько детишек приплясывали, размахивая руками. Никто не выражал сострадания или жалости, всем было плевать на смертельную схватку большого корабля со стихией и на смерть, ждавшую тех, кто находился на борту. Для них это был римский цирк, арена, на которой происходили интересные события, а кроме того, они надеялись прихватить что-нибудь полезное из разбившегося судна.

Луиза увидела, как со стороны замка к берегу бежит взвод солдат. Их возглавлял верховой офицер – Луиза видела знаки отличия, даже в тусклом свете блестящие на его желто-зеленом мундире. И поняла, что, даже если ей удастся добраться до берега, там ее будут ждать солдаты.

Раздался новый взрыв криков и стонов женщин вокруг Луизы, когда днище корабля ударило о дно. Потом корабль вырвался и пошел дальше, но лишь для того, чтобы снова задеть дно, и это столкновение заставило вздрогнуть весь корпус. На этот раз корабль встал намертво, увязнув в песке, и волны налетали на него, как непрерывные ряды некоей чудовищной кавалерии.

Корабль не мог сопротивляться их атакам, и каждая волна ударяла по нему со зловещим грохотом, поднимая огромные фонтаны белой пены. Корабль медленно накренился, правый борт оказался наверху. Луиза вылезла сквозь пролом. И встала на сильно качавшемся боку судна. На ветру взлетели вверх ее длинные, спутанные золотые волосы, редкая ткань платья прилипла к худому телу. Это мокрое платье подчеркнуло выпуклости груди девушки, полных и круглых.

Луиза смотрела на берег, видела головы матросов, прыгнувших с корабля. Один добрался до мели и встал, но тут же оказался сбит с ног новой волной. Через брешь в корпусе выбрались еще три женщины, но кандалы замедляли их движения. Еще одна волна обрушилась на корпус корабля, и Луиза ухватилась за болтавшийся рядом канат – остаток вант готт-мачты. Вода захлестнула девушку по пояс, но она удержалась. Когда волна схлынула, три другие женщины исчезли, увлеченные в глубину кандалами.

Держась за канат, Луиза снова выпрямилась. Зрителей на берегу привлекла эта картина – Луиза словно вынырнула из моря, подобно Афродите. Она была такой молодой и симпатичной, и ей грозила смертельная опасность... Это выглядело куда интереснее, чем казни и наказания на парадном плацу крепости. Люди подпрыгивали на месте, махали руками, кричали. Их голоса едва доносились до Луизы, но кое-что она различала:

- Ты просто прыгай, красотка!
- Плыви, покажи нам, как ты умеешь!
- Это лучше, чем тюрьма, да, девица?

Луиза видела садистское возбуждение на лицах, слышала жестокость в голосах. Она подняла лицо к небу – и в этот момент ее внимание привлекло какое-то движение вне толпы.

На гребне одной из дюн напротив терпящего бедствие корабля появились конь и всадник. Конь был великолепным гнедым жеребцом. А всадник сидел на нем без седла. Он сорвал с себя всю одежду, кроме бриджей, крепко подвязанных у пояса. Торс мужчины был светлым, как

фарфор, но сильные молодые руки покрылись загаром и потемнели, как хорошо выделанная кожа, а густые темные локоны развевались на ветру. Он смотрел на Луизу через песчаную полосу берега и волны прибоя, а потом вдруг вскинул руку над головой и махнул ей.

И тут она его узнала.

Луиза отчаянно замахала в ответ и закричала:

– Джим! Джим Кортни!

Джим с нарастающим ужасом наблюдал за последними мгновениями агонии «Счастливой чайки». Группа людей из команды все еще оставались на тонувшем корпусе, потом несколько осужденных женщин выбрались через открытые бойницы и разбитые люки. Толпа на берегу издевалась над ними, когда те сбились на палубе, через которую перекачивались волны. Когда одну из женщин смыло в море и кандалы тут же увлекли ее на дно, зрители разразились ироническим хохотом и криками. Потом киль корабля с силой ударился о песок, и от толчка большинство заключенных свалились с палубы.

Пока корабль переваливался с боку на бок, а ветер и прибой колотили его о берег, матросы прыгали в море. Но большинство из них захлестнуло волнами. Одно или два тела вынесло на песок, и зрители вытащили их повыше, за линию прибоя. Как только стало ясно, что жизни в них не осталось, их небрежно свалили в кучу, и зеваки снова побежали к воде, желая продолжить забаву.

Первый выживший добрал до суши и упал на колени, благодаря Небеса за спасение. Трех женщин-заключенных, уцепившихся за обломок реи, выбросило на берег немного дальше; деревяшка выдержала их, несмотря на тяжесть цепей. Солдаты из крепости тут же бросились в пену прибоя и вытащили женщин на сухое место, чтобы арестовать.

Джим видел, что одна из них представляла собой тучное существо с соломенными волосами. Белые груди размером с пару голов голландского сыра вываливались из ее рваной рубахи. Она вырывалась из рук солдат и осыпала непристойными ругательствами полковника Кейзера, подъехавшего к ним. Кейзер наклонился в седле и, подняв ножны с мечом, так ударил ими женщину, что та упала на колени. Но продолжала визгливо кричать, глядя на полковника. На ее жирной щеке виднелся яркий пурпурный шрам.

Следующий удар металлическими ножнами свалил ее лицом в песок, и солдаты уволокли ее прочь.

Джим с отчаянием оглядывал открытую палубу, ища Луизу, но не видел ее. Корабль в очередной раз вырвался из песка и еще больше приблизился к берегу. Потом застыл на месте и начал переворачиваться. Выжившие женщины заскользили по палубе, одна за другой падая и с плеском погружаясь в воду. Корабль теперь лежал на боку. И ни единая живая душа не цеплялась за обломки. А Джим только теперь увидел зияющую брешь, пробитую сорвавшейся с лафета пушкой. Эта дыра была обращена к небу, и вдруг из нее выбралась стройная женская фигурка и встала на опрокинутом корпусе. С длинных волос стекала вода. Рваное платье едва прикрывало худое тело. Она могла бы быть мальчишкой, если бы не полная грудь под лохмотьями. Женщина умоляюще посмотрела на толпу зевак на берегу, кричавших и насмехавшихся над ней.

– Прыгай, висельница! – кричали люди.

– Плыви! Поплавай, золотая рыбка!

Джим навел подозрительную трубу на ее лицо, но ему не пришлось рассматривать как следует сапфировые глаза и бледное лицо – он и так узнал ее. Джим поспешил к Друмфайру, терпеливо ожидавшему его. Конь вскинул голову и тихо заржал, увидев Джима. Юноша на бегу снимал с себя одежду, бросая ее на песок. Сбросил сапоги и остался лишь в старых залатанных бриджах. Ослабив подпругу на коне, он позволил седлу упасть на землю. Потом вскочил на голую спину Друмфайра и погнал его к воде.

Джим со страхом смотрел вперед, боясь, что девушку смоем волной с шаткого корпуса корабля. Но она все еще стояла там, хотя корабль под ней трещал и содрогался под ударами волн, подобными ударам гигантского молота. Потом она повернула голову в сторону Джима, и он понял, что она его узнала. Она замахала рукой, и, хотя ветер уносил в сторону звуки, он понял, что Луиза кричит:

– Джим! Джим Кортни!

– Но! Но! – поторопился он Друмфайра.

Они галопом промчались до самой воды, и толпа зевак рассыпалась перед стремительно несшимся конем. Кейзер прищипил свою лошадь, чтобы перехватить их. Его пухлое, тщательно выбритое лицо хранило суровое выражение, на шляпе развеивались страусиные перья. Джим прижал пятки к бокам Друмфайра, и жеребец проскочил мимо лошади полковника.

Навстречу им катила волна, но она уже утратила свою силу. Друмфайр без колебаний подогнул передние ноги и перепрыгнул через полосу белой пены, как будто просто прыгал через изгородь. Когда он очутился по другую сторону волны, там уже оказалось слишком глубоко, копыта не доставали до дна. И конь поплыл; Джим соскользнул с его спины и теперь плыл рядом, держась за конскую гриву. Свободную руку он положил на шею коня, направляя его к месту кораблекрушения.

Друмфайр плавал как выдра, его ноги работали в могучем ритме. Он одолел двадцать ярдов до того, как накатилась следующая высокая волна и рухнула на них.

Девушка на разбитом борту смотрела на них как зачарованная, и даже зрители на берегу умолкли, уставившись на воду в ожидании, появятся ли вновь конь и всадник, когда волна схлынет. Потом раздались крики – из пены появились две головы, человека и коня. Их отнесло назад на половину преодоленного расстояния, но конь плыл легко и энергично.

Девушка уже слышала, как он дышит; из его ноздрей вылетала морская вода. Длинные черные волосы Джима облепили ему лицо и плечи. Девушка слышала его голос, слабый за шумом воды:

– Давай, Друмфайр, жми! Но! Но!

Снова налетела волна, но на этот раз они перескочили через нее. До корабля им оставалось уже не слишком много. Девушка собиралась с силами, чтобы прыгнуть вниз.

– Нет! – закричал ей Джим. – Рано! Подожди!

Он видел, что вдали набухает очередная волна. Она оказалась намного выше предыдущих. Ее вертикальная стена выглядела словно высеченной из зеленого малахита, увенчанного белым гребнем. И, надвигаясь в грохочущем величии, она закрыла собой половину неба.

– Держись, Луиза! – закричал Джим.

Огромная гора воды ударила по кораблю и накрыла его целиком. Девушка оказалась под водой. Волна играла с людьми, как хищник со своей жертвой. Несколько долгих секунд конь и всадник словно стояли перед ней... они смотрелись будто мошки, угодившие в толщу зеленого стекла. Потом фасад волны рухнул вперед с такой силой, что люди на берегу почувствовали, как у них под ногами дрогнула земля.

Конь и всадник исчезли, уйдя под воду так глубоко, что наверняка уже не смогли бы выплыть.

Зрители, еще несколько секунд назад веселившиеся, застыли в страхе, ожидая невозможного – появления коня и всадника, так же как они появились в первый раз.

Вода отхлынула от корабля, и люди увидели, что девушка все еще лежит на корпусе, – канаты такелажа удержали ее, не дав соскользнуть вниз. Девушка подняла голову и в ужасе смотрела на воду, надеясь увидеть своих спасителей. Секунды тянулись так медленно, что казались минутами. Накатила еще одна волна, потом еще одна, но они не достигали такой величины и свирепой силы, как та, что похоронила коня и юношу.

Луизу охватило отчаяние. Но боялась она не за себя. Она знала, что ей все равно вот предстоит умереть, однако теперь собственная жизнь казалась ей ничего не значащей. Нет, Луиза горевала по молодому незнакомцу, который пытался ее спасти.

– Джим! – молила она. – Пожалуйста, не умирай!

И как бы в ответ на ее зов на поверхность воды выскочили две головы. Гигантская волна, затянувшая их под воду, отходя, вытащила их обратно, почти на том самом месте, где они исчезли.

– Джим! – выкрикнула Луиза и вскочила.

Он находился так близко, что она видела, как исказилось его лицо, когда он жадно втягивал воздух. Он посмотрел на нее и попытался что-то сказать. Возможно, это было прощание? Нет, Луиза чувствовала, что юноша не из тех, кто сдается, даже перед смертью. Он хотел что-то ей скомандовать... но ему не хватало дыхания. Конь снова поплыл, но, когда животное попыталось повернуть к берегу, рука Джима направила его обратно, в сторону Луизы. Джим все еще кашлял и задыхался, но махнул ей свободной рукой, и она увидела выражение его глаз.

– Прыгать? – крикнула она, стараясь перекричать ветер. – Мне прыгнуть?

Он энергично кивнул, и Луиза разобрала его хриплое:

– Давай!

Луиза оглянулась через плечо и поняла, что даже в такой ситуации он сумел выбрать затишье между волнами. Она отшвырнула спасший ее канат, сделала три быстрых шага по разбитому борту – и прыгнула вниз, отчаянно размахивая руками.

Луиза ударилась о воду и ушла в нее с головой, но почти в то же мгновение вынырнула. Заколов руки по воде, как учил ее отец, она поплыла навстречу Джиму.

Джим потянулся к ней и схватил за руку. Его пальцы были такими сильными, что Луизе показалось: он вот-вот сломает ей запястье. К тому же после того, что она пережила в Хьюс-Брабанте, она думала, что никогда больше не позволит прикоснуться к себе ни единому мужчине. Но сейчас некогда было об этом думать. Следующая волна вздулась над ее головой, но хватка Джима не ослабела. Они вместе выскочили из-под воды, отплевываясь и задыхаясь, и Луизе показалось, что через его пальцы в нее вливается сила. Он направил ее руку к гриве коня и теперь уже обрел голос:

– Только не мешай ему.

Луиза поняла его, потому что знала лошадей, и постаралась не налегать на коня своим весом, а просто поплыла рядом с ним. Теперь они повернули к берегу, и каждая следующая волна подталкивала их вперед. Луиза уже слышала голоса, сначала слабые, но становившиеся громче с каждой секундой. Зрители на песке оказались захвачены картиной спасения и, переменчивые, как любая толпа, теперь приветствовали их. Все знали этого коня – большинство столпившихся на берегу видели его на рождественских скачках. Да и сам Джим Кортни был фигурой, известной в городе: некоторые завидовали ему как сыну богатого человека, другие считали его слишком наглым, но все были вынуждены оказывать ему уважение. Теперь же он выдержал битву с морем, а большинство этих людей были моряками. И их сердца устремились к нему.

– Молодец, Джим!

– Держись, парень!

– Да поможет тебе Бог! Плыви, Джим, плыви!

Друмфайр ощутил под копытами отмель и рванулся вперед. К этому времени Джим окончательно восстановил дыхание и выплюнул почти всю воду из своих легких. Он забросил ногу через спину коня – и как только сел верхом, тут же потянулся к Луизе, поднял ее и посадил позади себя. Девушка обеими руками обхватила его за талию, вцепившись в своего спасителя изо всех сил. Друмфайр вылетел из воды, с коня стекали целые потоки.

Джим увидел, что полковник Кейзер галопом мчится им наперерез, и пустил Друмфайра полным ходом. Полковник Кейзер находился в двадцати шагах позади.

– Стой, проклятый! Подожди! Она – сбежавшая осужденная! Передай эту телку в руки закона!

– Я сам отвезу ее в крепость! – крикнул Джим, не оглядываясь.

– Нет, не отвезешь! Она моя! Верни эту суку!

Голос Кейзера переполняла ярость. А Джим, подгоняя Друмфайра, был полон решимости. Он уже слишком много выдержал, чтобы отдать девушку кому-то из гарнизона, а в особенности Кейзеру. Джим успел насмотреться на экзекуции и казни на парадном плацу перед замком, и всеми ими командовал Кейзер. И родного прадеда Джима тоже пытали и казнили на этой самой площадке после того, как ложно обвинили в пиратстве в открытых морях.

«Эту девушку они не получают», – мрачно поклялся он себе.

Ее тонкие руки сжимали его талию, и Джим ощущал все ее тело, прижавшееся к его обнаженной спине. Хотя девушка изголодалась, промокла и дрожала после холодной морской воды и от ветра из-за бешеной скачки Друмфайра, он чувствовал в ней храбрость и характер сродни его собственному.

Она была бойцом, эта девушка. «Я никогда ее не предаю», – подумал Джим и крикнул ей:

– Держись крепче, Луиза! Мы дадим жару этому жирному полковнику!

Хотя она не ответила и Джим слышал, как стучат ее зубы, она крепче обхватила его и пригнулась.

По тому, как она сидела на коне, приспосабливаясь к движениям скакуна, он понял, что Луиза – достаточно опытная наездница.

Джим оглянулся и увидел, что они уходят от Кейзера. Джим состязался с ним на скачках и знал и сильные стороны кобылы, и ее слабости. Будучи подвижной и игривой, она вполне соответствовала своей кличке Верная, но Кейзер слишком много весил для нее. На твердой ровной дороге она находилась бы в своей стихии и, возможно, догнала бы Друмфайра, но на песке и камнях Друмфайр имел все преимущества. Да, он нес двойной груз, но Луиза была легкой, как воробей, а Джим обладал телосложением совсем иным, нежели полковник. Но все же юноша не собирался недооценивать кобылу. Он знал, что она обладает львиным сердцем, и на тех рождественских гонках в полмили она почти догнала Друмфайра.

«Нужно выбрать правильное направление, чтобы ей было труднее», – решил Джим.

Он знал каждый дюйм земли между берегом и подножием холмов, знал все холмы и болота, соленые пустоши и рощи, где Верная проиграла бы ему.

– Стой, юнец, или я буду стрелять! – раздалось позади.

Джим оглянулся.

Кейзер достал из седельной сумки пистолет и уже отклонялся в сторону, чтобы не задеть свою лошадь. Джим с одного короткого взгляда определил, что пистолет у полковника одноствольный, а в сумке нет второго. Юноша повернул Друмфайра немного влево, не сбивая его с шага. И в одно мгновение изменил положение цели полковника; теперь тому приходилось стрелять под острым углом, а не прямо вперед. Даже опытный солдат, вроде полковника, стреляя с несущейся галопом лошади, с трудом мог попасть куда нужно.

Джим протянул руку назад, обхватил Луизу за талию и ловко пересадил ее вперед прямо на ходу, прикрыв своим телом. Пистолет позади рывкнул, Джим почувствовал тяжелый удар пули. Она попала в верхнюю часть спины между плечами, но после первого мгновения шока его руки остались такими же сильными, а чувства – острыми. Джим понял, что ранен не тяжело.

«Только слегка зацепило», – подумал он и заговорил:

– У него был всего один выстрел.

Он сказал это, чтобы ободрить Луизу, и тут же снова пересадил ее назад.

– Помилуй, но ты же ранен! – в страхе воскликнула она.

По спине Джима текла кровь.

– Об этом мы побеспокоимся потом! – крикнул он в ответ. – А сейчас мы с Друмфайром хотим показать тебе кое-какие наши фокусы.

Джим наслаждался собой. Он чуть не утонул, его подстрелили, но он по-прежнему ощущал уверенность в себе. И Луиза также оставалась неукротима, ее дух воспарил.

Однако они теряли скорость на каждом повороте и слышали позади стук копыт Верной и звон стали, выскользнувшей из ножен, когда Кейзер выхватил свою саблю. Луиза оглянулась и увидела, что полковник занес над ней оружие, поднявшись на стременах. Но из-за того, что он изменил баланс своего тела, его кобыла сбилась с шага и споткнулась. Кейзер покачнулся и схватился за луку седла, чтобы удержаться, и Друмфайр снова увеличил расстояние.

Джим пустил коня на склон высокой дюны, и тут огромная сила жеребца сыграла свою роль. Он взлетел на дюну в несколько бешеных скачков, из-под его копыт летел песок. Верная резко затормозила на склоне – ей приходилось нести тяжелого полковника.

Они миновали вершину дюны и соскользнули с противоположной стороны. От основания этого песчаного бугра начиналось открытое пространство с плотной почвой, оно тянулось до края лагуны.

Луиза снова оглянулась.

– Они опять догоняют, – предупредила она Джима.

Верная грациозно неслась за ними. Хотя на ней сидел полковник со всем своим вооружением, она как будто играючи мчалась вперед.

– Он перезаряжает пистолет!

На этот раз в голосе Луизы послышалась тревога. Кейзер забивал в дуло пулю.

– Проверим, не сумеем ли мы намочить его порох, – сказал Джим.

Они повернули к краю лагуны и, не задерживаясь, прыгнули в воду.

– Плыви! – приказал Джим.

Луиза соскользнула в воду с другой стороны Друмфайра. Они с Джимом посмотрели назад. Верная подбежала к краю воды, и Кейзер остановил ее. Спрыгнув на песок, он поджег запал. Потом взвел курок, прицелился в убежавших. В воздух взлетел клуб белого порохового дыма. На расстоянии руки позади беглецов взлетел фонтан воды, пуля скользнула по поверхности и пролетела над их головами.

– А теперь можешь бросить в нас сапоги! – засмеялась Луиза.

Кейзер топал ногами от ярости. Джим надеялся, что теперь полковник сдастся. Должен же он даже в таком бешенстве сообразить, что Верная слишком тяжело нагружена, в то время как они с Луизой почти обнажены, а на Друмфайре нет даже седла.

Кейзер принял какое-то решение и снова вскочил в седло. Он погнал кобылу в воду, как только Друмфайр выбрался на влажный берег на дальней стороне лагуны. Джим тут же повел его вдоль воды легкой рысью.

– Надо дать Друмфайру передохнуть, – пояснил он Луизе, бежавшей рядом с ним. – Любая другая лошадь просто утонула бы, добираясь до того корабля.

Джим наблюдал при этом за погоней. Верная пока что одолела лишь половину лагуны.

– Кейзер напрасно потратил время, развлекаясь со своим пистолетом. Но в одном мы можем быть уверены: других выстрелов не будет. Порох у него уже основательно промок.

– Вода смыла кровь с твоей раны, – сказала Луиза, протягивая руку и осторожно касаясь его спины. – Вижу теперь, это просто царапина, совсем неглубокая, слава богу.

– Нам сейчас нужно беспокоиться о тебе, – откликнулся Джим. – Ты же просто кожа и кости, ни фунта плоти! Как долго ты сможешь бежать на своих тощих ножках?

– Столько же, сколько и ты.

Луиза одарила его гневным взглядом, на ее бледных щеках вспыхнули красные пятна.

Джим усмехнулся ее упорству:

– Боюсь, тебе придется это доказать еще до конца сегодняшнего дня. Кейзер уже на берегу.

Далеко за их спинами Верная выбралась из воды; Кейзер, насквозь мокрый, сел на нее и снова бросился в погоню. Он попытался пустить кобылу галопом, но тяжелые комья грязи, полетевшие из-под ее копыт, сразу показали: ничего не выйдет. Джим как раз для этого и выбрал болотистую местность – проверить силы Верной.

– Ну, теперь вперед...

Джим посадил Луизу на спину жеребца, и они помчались дальше. Юноша крепко держался за гриву Друмфайра, без труда успевая за конем, бежавшим легким галопом, и в то же время экономя силы скакуна. Он то и дело оглядывался, оценивая сравнительную скорость животных. Теперь он мог позволить Кейзеру слегка сократить расстояние. Друмфайр, несший сейчас одну Луизу, бежал легко, а кобыла теряла силы в этой безрассудной погоне.

Уже через полмили вес Кейзера начал сказываться, и Верная перешла на шаг. Но она все еще находилась на расстоянии половины пистолетного выстрела от них. Джим не заставлял Друмфайра спешить, не увеличивал разрыв.

– А теперь будь любезна снова пробежаться, твоя светлость, – сказал он Луизе. – Дадим Друмфайру еще одну передышку.

Девушка легко соскочила на землю, но огрызнулась:

– Не называй меня так.

Это ведь было горьким напоминанием о насмешках, которыми осыпали Луизу другие осужденные.

– Может, мы тогда будем звать тебя Ёжиком? – предложил Джим. – Видит бог, у тебя достаточно колючек для этого.

Кейзер, вероятно, уже выбился из сил к этому времени, подумал Джим, потому что видел: полковник продолжает сидеть в седле, не освобождая животное от тяжести.

– Они уже почти выдохлись, – сообщил он Луизе.

Он знал, что недалеко впереди, в границах имения Кортни, лежит мелкое соляное озеро, которое они называли Белым Пятном. Именно туда Джим и заманивал Кейзера.

– Он снова приближается, – сказала Луиза.

Джим увидел, что Кейзер заставил кобылу перейти на легкий галоп, действуя хлыстом.

– Верхом! – приказал Джим.

– Я могу бежать, как и ты!

Луиза вызывающе встряхнула путаницей слипшихся от соли волос.

– Черт побери, женщина, ты что, не можешь обойтись без споров?

– А ты не можешь обойтись без ругательств?

Но все же Луиза позволила посадить себя на спину коня.

Они прибавили ходу. Еще через милю Верная опять перешла на шаг, и они смогли сделать то же самое.

– Там начинается соль.

Джим показал вперед. Даже при низких штормовых тучах скудный свет наступавших сумерек позволял видеть, что озерцо сверкает, как огромное зеркало.

– Выглядит плоским и твердым. – Луиза всмотрелась вперед.

– Да, выглядит так, но под коркой соли – настоящая каша. И кобыла там завязнет с этим жирным Кейзером на спине, да еще у него вооружения невесть сколько. А соль тянется почти на три мили. Пока они доберутся до другой стороны, у них вообще сил не останется, и... – Джим посмотрел на небо. – И к тому времени стемнеет.

Солнце, хотя и скрытое толстым одеялом низких туч, явно уже доползло почти до горизонта, и темнота быстро сгущалась, пока Джим вел Друмфайра через опасную белую равнину. Он остановился только на опушке леса, и они с Луизой посмотрели назад.

Следы ног Друмфайра тянулись по гладкой белой поверхности, как длинная нить черных жемчужин. Даже для сильного скакуна это стало нелегким испытанием. А далеко позади они едва смогли рассмотреть маленькую черную фигуру кобылы. Два часа назад, таща на себе Кейзера, Верная угодила в зыбучий песок под тонкой коркой соли. Джим видел, что Кейзер пытается вытащить ее. Джиму даже захотелось на мгновение вернуться и помочь им. Верная представляла собой такое чудесное, красивое животное, и Джиму тяжело было видеть, как она вязнет и выбивается из сил. Потом он вспомнил, что он безоружен и почти гол, а у Кейзера есть сабля, и он опытный боец. Джим видел как-то, как Кейзер командовал тренировкой своей кавалерии на парадном плацу перед крепостью.

Пока Джим колебался, Кейзер все же сумел вытащить кобылу из грязи и продолжил погоню.

Джим нахмурился.

– Если и выбирать подходящее время для стычки с Кейзером, то как раз тогда, когда он вылез из соли, – пробормотал он. – Он изможден, и в темноте я мог бы застать его врасплох. Но у него сабля, а у меня ничего.

Луиза мгновение-другое задумчиво смотрела на него, потом стыдливо повернулась к нему спиной и пошарила под своей юбкой. Она достала из мешочка у пояса складной нож с костяной ручкой и молча протянула его Джиму.

Он изумленно уставился на нее, а потом расхохотался, узнав нож:

– Беру назад все свои слова о тебе! Ты скорее похожа на деву викингов и, черт побери, действуешь как они!

– Придержи свой богохульный язык, Джим Кортни, – ответила Луиза.

Но возмущения в ее голосе не прозвучало.

Луиза слишком устала, чтобы спорить, к тому же комплимент был приятным. Она отвернулась, и по ее губам скользнула слабая усталая улыбка.

Джим повел Друмфайра за деревья, и она последовала за ними. Через сотню-другую шагов лес стал гуще, Джим стреножил коня и сказал Луизе:

– Теперь можешь немного отдохнуть.

На этот раз она без возражений опустилась на плотный слой палой листвы, свернулась в клубок и закрыла глаза. Она настолько устала, что ей казалось: никогда больше она не сможет встать на ноги. Но эта мысль не успела даже дойти до конца, как Луиза уже заснула.

Джим потерял несколько мгновений, восхищаясь внезапно появившимся на ее лице безмятежным выражением. До этого момента он даже не осознавал, насколько она юна. А теперь Луиза выглядела как спящий ребенок. Глядя на девушку, Джим раскрыл нож и проверил его лезвие на подушечке большого пальца. Наконец он отвел взгляд и бегом вернулся к опушке леса.

Надежно спрятавшись, он всмотрелся в темное соляное озеро. Кейзер все еще упорно тащился вперед, теперь уже ведя кобылу на поводу.

«Неужели он никогда не отступит?» – подумал Джим и даже ощутил легкое восхищение полковником.

Потом огляделся по сторонам, ища подходящее место рядом со следами, оставленными Друмфайром.

Он выбрал густые заросли кустарника, заполз в них и сел на корточки, держа в руке нож.

Кейзер добрался до края соляного озера и, пошатываясь, с трудом вышел на твердую почву. К этому времени уже настолько стемнело, что, хотя Джим слышал тяжелое дыхание Кейзера и лошади, они оба казались просто пятнами густой тени. Полковник шел медленно, ведя за собой лошадь, и Джим позволил ему пройти мимо своего укрытия. Потом выскользнул из кустов и тихо направился за ними. Если он и издавал какие-то звуки, их скрывал топот копыт Верной.

И вот Джим захватил левой рукой горло Кейзера и одновременно прижал острие ножа к мягкой коже под его подбородком.

– Я тебя убью, если понадобится, – прорычал Джим как можно более грозно.

Кейзер застыл от неожиданности. Потом к нему вернулся голос:

– Ты не можешь надеяться, что это сойдет тебе с рук, Кортни. Тебе просто некуда деваться. Отдай мне женщину, и я договорюсь с твоим отцом и с губернатором ван де Витте-ном.

Джим потянулся вниз, к ножнам на поясе полковника, и вытащил оттуда саблю. Потом отпустил его горло и, отступив назад, направил клинок в грудь Кейзера.

– Снимай одежду! – приказал он.

– Ты молод и глуп, Кортни, – холодно ответил Кейзер. – Я попытаюсь сделать на это скидку.

– Сначала китель! – приказал Джим. – Потом бриджи и сапоги.

Кейзер не шелохнулся. Джим кольнул его в грудь, и полковник наконец с большой неохотой начал расстегивать китель.

– Чего ты надеешься добиться? – спросил он, стаскивая с себя мокрую форму. – Это что, мальчишеское представление о рыцарстве? Та женщина – осужденная преступница. Скорее всего, шлюха и убийца.

– Повтори это еще раз, полковник, и я вспорю тебе брюхо, как свинье.

На этот раз Джим кольнул саблей так, что на коже полковника выступила кровь.

Кейзер сел на землю, чтобы снять бриджи и сапоги. Джим затолкал все это в седельные сумки Верной. Затем, тыча саблей в спину Кейзера, он погнал босого полковника, оставшегося в одном нижнем белье, обратно к краю соляного озера.

– Возвращайся по собственным следам, полковник, – приказал он. – И к завтраку доберешься до замка.

– Послушай меня, мальчишка, – злым напряженным голосом заговорил Кейзер. – Я все равно тебя найду. Я увижу, как тебя вздернут на виселице на плацу, и обещаю, что казнь будет медленной... очень медленной!

– Если будешь стоять здесь и болтать, полковник, опоздаешь к завтраку. – Джим обаятельно улыбнулся. – Так что лучше шагай!

Он посмотрел вслед Кейзеру, потащившемуся через соляное озеро. Тяжелые тучи внезапно разлетелись под ветром, полная луна выглянула из-за них, и стало светло, как днем. Джим наблюдал за полковником, пока тот не превратился в темную точку вдали. Юноша знал, что полковник уже не вернется. По крайней мере, этой ночью. Но Джим подумал, что видит полковника не в последний раз, в этом сомнений не оставалось.

Потом Джим подошел к Верной и повел ее в лес. Там он разбудил Луизу.

– Вставай, Ёжик. Нас ждет долгий путь, – сказал он ей. – К этому времени завтра за нами будет гнаться не только Кейзер, но и весь кавалерийский эскадрон.

Луиза сонно села на земле, а Джим подошел к Верной. Поверх ее седельной сумки был привязан скатанный шерстяной кавалерийский плащ.

– Когда доберемся до гор, похолодает, – предупредил он девушку.

Она еще не до конца проснулась и не стала возражать, когда Джим набросил ей на плечи плащ. Потом он нашел продуктовую сумку полковника. В ней оказались каравай хлеба, круг сыра, несколько яблок и фляжка с вином.

– Полковник очень любит поесть, – усмехнулся Джим.

Он бросил девушке яблоко, и она моментально съела его целиком.

– Сладкое как мед, – сообщила она с набитым ртом. – Никогда ничего подобного не ела.

– Жадный маленький Ёжик, – поддразнил ее Джим, и на этот раз она весело ему улыбнулась.

Большинство людей просто не могли долго сердиться на Джима.

Присев перед девушкой на корточки, он отрезал складным ножом ломоть хлеба и положил на него толстый кусок сыра. Луиза ела действительно с жадностью. А Джим в лунном свете рассматривал ее лицо. Она походила на эльфа.

– А ты? – спросила она. – Почему ты не ешь?

Джим покачал головой. Он уже решил, что еды на двоих не хватит: эта девушка слишком изголодалась.

– А где ты так хорошо научилась английскому?

– Моя мама была родом из Девона.

– Батюшки! Да ведь и мы оттуда! Мой прапрадед был то ли герцогом, то ли еще кем-то в этом роде.

– Значит, я буду звать тебя Герцогом?

– Сойдет, пока я не придумаю чего-нибудь получше, Ёжик.

Луиза как раз откусила от хлеба с сыром, так что не смогла ответить. Пока она ела, Джим разобрался в имуществе Кейзера. Он примерил китель с золотыми галунами:

– Мы в нем оба поместимся, но он теплый.

Бриджи полковника тоже оказались вдвое шире стройной талии Джима, но он подпоясал их одним из ремешков, найденных в сумках.

Потом он взялся за сапоги:

– Что ж, хотя бы это впору.

– Я в Лондоне видела пьесу, которая называлась «Оловянный солдатик», – сообщила Луиза. – Ты теперь на него похож.

– Ты бывала в Лондоне? – изумился Джим. Лондон представлял для него центр мира. – Ты мне должна рассказать о нем, как только подвернется случай.

Потом он повел лошадей к колодцу в стороне от соленой воды, где обычно поили скот. Этот колодец два года назад выкопали Джим с Мансуром. Вода в нем была прекрасной, животные жадно пили. Когда Джим вернулся, то увидел, что Луиза опять спит, закутавшись в плащ. Он присел рядом с ней и в очередной раз всмотрелся в ее лицо. И тут у него в животе возникло непонятное чувство, похожее на пустоту.

Джим дал девушке еще поспать, сам же накормил лошадей зерном из сумки полковника.

Потом он выбрал из вещей то, что могло ему пригодиться. Пистолет был великолепным, в кожаной кобуре, и при нем имелся холщовый мешочек с шомполом и прочими принадлежностями. Саблю выковали из наилучшей стали. В карманах кителя Джим нашел золотые часы и кошелек, набитый серебряными гульденами и несколькими золотыми дукатами. В другом кармане нашлась небольшая бронзовая коробка с кремнем, огнивом и хлопковыми растопками.

– Если я украд лошадь, то могу и деньги прихватить, – сказал себе Джим.

Однако он не мог поставить в тот же ряд более личные вещи Кейзера, поэтому сложил золотые часы и медали в одну из седельных сумок и оставил ее лежать на самом виду в центре поляны. Он знал, что утром Кейзер вернется со следопытами-бушменами и найдет свои сокровища.

– Интересно, будет ли он мне благодарен за такую щедрость? – Джим рассеянно улыбнулся.

Его гнало вперед чувство безрассудной неизбежности. Он понимал, что пути назад не существовало. Он стал преступником.

Заново оседлав Верную, Джим опять подошел к Луизе. Она свернулась под плащом в маленький комочек. Он погладил ее волосы, чтобы осторожно разбудить.

Девушка открыла глаза и посмотрела на него.

– Не трогай меня так, – прошептала она. – Никогда больше не прикасайся ко мне вот так!

В ее голосе прозвучало такое горькое отвлечение, что Джим отпрянул.

Несколько лет назад Джим поймал дикого котенка. Несмотря на все его нежное терпение, он так и не смог приручить это существо. Котенок рычал, кусался и царапался. В конце концов Джим отнес его в вельд и отпустил. Наверное, эта девушка была такой же.

– Мне пришлось тебя разбудить, – пояснил он. – Нам пора двигаться дальше.

Луиза тут же встала.

– Бери кобылу, – велел он. – У нее мягкие губы и добрый нрав, но она быстрая, как ветер. Ее зовут Верная.

Он посадил Луизу в седло, и она, взяв поводья, поплотнее закуталась в плащ. Джим протянул ей последний кусок хлеба с сыром:

– Съешь на ходу.

Она набросилась на пищу так, словно и не ела до этого, и Джим гадал, какие же ужасы ей пришлось вынести, почему она превратилась в такое голодное и измученное, дикое существо.

Он даже усомнился, сумеет ли по-настоящему помочь ей или как-то возместить выпавшие на ее долю страдания. Но отбросил такие мысли в сторону и улыбнулся, как ему казалось, умиротворяюще. Однако его улыбка показалась ей высокомерной.

– Когда доберемся до Маджубы, у Замы, надеюсь, будет полный котел супа из дичи. Готов поставить все деньги полковника на то, что ты съешь все до дна. – Он вспрыгнул на Друмфайра. – Но сначала нужно сделать здесь еще кое-что.

Он рысью направился к Хай-Уилду, но далеко объехал дом. Уже перевалило за полночь, но все равно Джиму совсем не хотелось случайно наткнуться на отца или дядю Дориана. Весть о его эскапде наверняка добралась до их ушей, как только он выудил девушку из моря. Он видел в толпе на берегу много освобожденных рабов и слуг семьи. И сейчас просто не мог предстать перед отцом. Он не найдет в нем сочувствия, думал Джим. Отец наверняка потребует вернуть Луизу полковнику.

Поэтому Джим поехал к хижинам на восточной стороне паддока. Спешившись под деревьями, он передал поводья Друмфайра Луизе:

– Жди здесь. Я быстро.

Он подошел к самой большой из обмазанных глиной хижин деревушки и свистнул. Последовала долгая пауза, потом в занавешенном овечьей шкурой окошке домика появился свет. Шкура отодвинулась в сторону, и появилась темная голова.

– Кто здесь?

– Баккат, это я.

– Сомоя!

Хозяин домика вышел наружу; вокруг талии он обернул грязное одеяло. Это был крошечный, как ребенок, человек, его кожа в лунном свете отливала янтарем. Раскосые глаза на плоском лице казались постоянно удивленными. Баккат был бушменом, и он мог выследить потерявшееся животное за пятьдесят лиг, пройдя через пустыню и горы, даже в грозу и шторм.

Он улыбнулся Джиму, и его глаза почти скрылись в сетке морщин.

– Пусть Кулу-Кулу всегда улыбается тебе, Сомоя!

– И тебе тоже, старый друг. Созови всех пастухов. Погоните стада по каждой из дорог. В особенности по тем, что ведут на восток и на север. Я хочу, чтобы животные истоптали землю так, чтобы она казалась вспаханным полем. Никто не должен выследить меня, даже ты сам. Ты меня понял?

Баккат захихикал:

– О да, Сомоя! Я отлично тебя понял. Мы все видели, как тот жирный солдат гнался за тобой, когда ты удирал с той хорошенькой малышкой. Не беспокойся! К утру никаких твоих следов не останется.

– Добрый друг! – Джим хлопнул бушмена по плечу. – Ну, я пошел.

– Я знаю, куда ты направляешься. По дороге Разбойников, да?

Дорога Разбойников была легендарным маршрутом побега из колонии, ею пользовались только беглецы и преступники.

– Никто не знает, куда она ведет, потому что никто никогда по ней не возвращался. Духи моих предков шепчутся со мной в ночи, моя душа стремится к диким местам. Найдешь ли ты местечко для меня рядом с тобой?

Джим засмеялся:

– Буду рад, Баккат. Я знаю, ты сможешь меня найти, куда бы я ни отправился. Ты и призрак сумеешь выследить в горящих пучинах ада. Но сначала сделай здесь то, что нужно. Скажи отцу, что со мной все в порядке. Передай матери, что я люблю ее.

Джим бегом вернулся туда, где его ждала с лошадьми Луиза.

Они отправились в путь. Буря закончилась, ветер утих, и луна уже повисла низко на западе к тому времени, когда они добрались до подножия гор. Джим остановился у ручья, что сбегал с вершин.

– Отдохнем, напоим лошадей, – сказал он Луизе.

Он не стал предлагать ей помощь, она сама спрыгнула с седла, гибкая, как кошка, и повела Верную к заводи. Они с кобылой, похоже, уже нашли общий язык.

Потом Луиза ушла в кусты по своей надобности. Джим хотел окликнуть ее, предупредить, чтобы не забиралась слишком далеко, но промолчал.

Фляжка полковника оказалась наполовину пуста. Джим улыбнулся, встряхнув ее. Кейзер, похоже, прикладывался к ней весь день накануне, начиная с завтрака. Джим направился к ручью, чтобы разбавить остатки вина сладкой горной водой. Он услышал, что девушка возвращается через кусты. Все еще скрытая за высокой грудой камней, она устремилась к воде. Раздался плеск.

– Будь я проклят! Эта сумасшедшая, похоже, купается!

Джим покачал головой, содрогнувшись при такой мысли. В горах все еще лежал снег, и ночной воздух был ледяным.

Когда Луиза вернулась, она села на одном из камней на краю заводи, не слишком близко к Джиму, но и не слишком далеко. И принялась расчесывать мокрые волосы. Джим узнал черепашковый гребень. Подойдя к девушке, он протянул ей винную фляжку. Луиза далеко не сразу глотнула из нее.

– Вкусно, – сказала она.

Это прозвучало как предложение мира.

Потом она снова принялась расчесывать светлые волосы, почти достигавшие талии. Джим молча наблюдал за ней, но она больше не смотрела в его сторону.

Над заводью бесшумно пронеслась рыбная сова, как гигантская мошка. В последнем свете луны она выхватила из воды маленького горбыля и улетела с ним к сухому дереву на другой стороне заводи. Рыбка трепыхалась в ее когтях, а сова тут же принялась вырывать куски мяса из ее спины.

Луиза отвела взгляд. Когда она заговорила, ее голос зазвучал мягко, легкий акцент усилился.

– Не думай, что я не благодарна тебе за то, что ты для меня сделал. Я знаю, что ты рисковал собственной жизнью, а может, и чем-то большим, чтобы помочь мне.

– Ты должна знать, что я держу целый зверинец, – беспечно тоном ответил Джим. – И мне просто захотелось добавить к нему еще одну зверюшку. Маленького ежика.

– Может, ты и прав, называя меня так, – задумчиво произнесла Луиза и отпила из фляжки еще немного. – Но ты ничего обо мне не знаешь. Со мной многое случилось. Такое, чего ты просто не можешь понять.

– Кое-что я о тебе знаю. Я видел твою храбрость и твою решительность. Я видел, что творится на борту «Чайки» и какая там вонь. Так что, кто знает, может, я и сумею понять. По крайней мере, постараюсь.

Он повернулся к ней, и его сердце болезненно дрогнуло, когда он увидел, что по щекам девушки стекают слезы, серебристые при свете луны. Джиму хотелось броситься к ней и крепко обнять, но он помнил ее слова: «Никогда больше не прикасайся ко мне вот так».

И он просто сказал:

– Хочешь ты того или нет, но я твой друг. И хочу понять.

Луиза вытерла щеки маленькой изящной ладонью и ссутулилась под плащом – худенькая, бледная, несчастная.

– Мне нужно знать только одно, – снова заговорил Джим. – У меня есть кузен Мансур. Он мне ближе родного брата. И он сказал, что ты можешь оказаться убийцей. Это меня мучает. Мне нужно знать. Это так? Ты поэтому оказалась на «Чайке»?

Луиза медленно повернулась к нему и обеими руками развела в стороны мокрые волосы, открывая лицо для взора Джима:

– Мои отец и мать умерли от чумы. Я своими руками копала им могилы. Клянусь, Джим Кортни, клянусь моей любовью к ним и их могилами: я не убийца.

Джим испустил протяжный вздох облегчения:

– Я тебе верю. Можешь ничего больше не говорить.

Луиза отпила еще немного из фляжки и вернула ее Джиму.

– Не давай мне больше. Это размягчает мне сердце, а мне нужно оставаться сильной, – сказала она.

Они долго сидели молча. Джим уже хотел сказать, что им нужно уйти дальше в горы, когда Луиза вдруг прошептала, так тихо, что он усомнился в том, что слышит:

– Там был один мужчина. Богатый и могущественный, и я ему доверяла, как прежде доверяла отцу. Но он делал со мной такое, что скрывал от других людей...

– Нет, Луиза... – Джим вскинул руку, чтобы остановить ее. – Не рассказывай.

– Я обязана тебе жизнью и свободой. Ты имеешь право знать.

– Прошу, не надо...

Ему хотелось вскочить и убежать в кусты, чтобы не слышать ее слов. Но он не мог даже пошевелиться. Он был словно загипнотизирован, как мышь перед танцующей коброй.

А Луиза продолжила все тем же нежным, почти детским голосом:

– Я не могу тебе сказать, что именно он делал. Я никому не смогу рассказать об этом. Но я не могу позволить, чтобы ко мне снова прикоснулся какой-либо мужчина. Когда я попыталась ускользнуть от него, он приказал слугам подложить в мою комнату драгоценности. А потом вызвал стражу, чтобы найти их. Меня отвели к судье в Амстердаме. Мой обвинитель даже не явился в зал суда, когда меня приговорили к пожизненному заключению.

Они снова долго-долго молчали. И опять первой нарушила тишину Луиза:

– Теперь ты все знаешь обо мне, Джим Кортни. Теперь ты знаешь, что я испачканная и выброшенная игрушка. Что ты теперь хочешь сделать?

– Хочу убить его, – после паузы ответил Джим. – Если я когда-нибудь встречу этого человека, я его убью.

– Я была с тобой честна. Теперь ты ответь честно. Подумай. Я сказала, что больше не позволю мужчинам ко мне прикасаться. Я рассказала тебе, кто я такая. Хочешь вернуть меня на мыс и отдать полковнику Кейзеру? Если да, я готова вернуться с тобой.

Джиму не хотелось, чтобы Луиза видела его лицо. Никто с самого его детства не видел его плачущим. Джим вскочил и отошел в сторону, чтобы оседлать Верную.

– Идем, Ёжик. До Маджубы далеко. Мы не можем больше тратить время на пустую болтовню.

Луиза послушно подошла и забралась в седло. Они направились в глубокую теснину в горах и начали подниматься по ней все выше и выше. По мере подъема становилось холоднее. На рассвете солнце озарило горные вершины таинственным розовым светом. Между камнями белели пятна растаявшего снега.

Утро уже кончалось, когда они остановились на перевале у края леса и посмотрели вниз, в скрытую долину. Между камнями на щебнистом склоне притаился полуразрушенный домик. Луиза и не заметила бы его, если бы из дыры в старой тростниковой крыше не поднималась струйка дыма, а в огороженном каменной стенкой краале не топталось маленькое стадо мулов.

– Маджуба, – пояснил Джим, натягивая поводья. – Это поляна Голубок, а вон то – Зама.

Высокий молодой человек в набедренной повязке вышел на солнце и посмотрел вверх, на них.

– Мы вместе всю нашу жизнь. Думаю, он тебе понравится.

Зама помахал им рукой и побежал навстречу вверх по склону. Джим соскользнул со спины Друмфайра.

– У тебя готов кофе? – спросил он.

Зама посмотрел на девушку, сидевшую в седле. Они мгновение-другое всматривались друг в друга. Зама, высокий и хорошо сложенный, имел широкое простое лицо и очень белые зубы.

– Я вижу тебя, мисс Луиза, – поприветствовал он ее наконец так, как принято у африканских народов.

– Я тоже вижу тебя, Зама, но откуда ты знаешь мое имя?

– Сомоя мне сказал. Ты ведь знаешь мое?

– Он мне сказал... Он большой болтун, так ведь?

Они оба рассмеялись.

– Но почему ты зовешь его Сомоей? – спросила Луиза.

– Это имя дал ему мой отец. Оно означает «ураган», – пояснил Зама. – Он всегда готов взорваться и задуть, куда ему вздумается, как ветер.

– И куда он задует теперь? – поинтересовалась Луиза, поглядывая на Джима с насмешливой улыбкой.

– Увидим. – Зама снова засмеялся. – Но наверняка в самую неожиданную сторону.

Полковник Кейзер с шумом въехал во двор Хай-Уилда во главе десятка кавалеристов. Его следопыт-бушмен бежал рядом с его лошадыю. Кейзер встал на стремянах и закричал в сторону парадного входа дома:

– Минхеер Том Кортни! Немедленно выходите!

Во всех окнах дома разом появились белые и черные лица, дети и освобожденные рабы тарасились на полковника в изумлении.

– У меня неотложное дело! – снова закричал Кейзер. – Не пытайтесь меня одурачить, Том Кортни!

Том вышел из высокой двери склада.

– Стефанус Кейзер, мой добрый друг! – воскликнул он весело, передвигая на лоб очки в стальной оправе. – Вам здесь всегда рады!

Они проводили вместе много вечеров в таверне «Русалка». За долгие годы сделали друг другу немало одолжений. Лишь в прошлом месяце Том нашел для супруги Кейзера прекрасную нитку жемчуга по вполне приемлемой цене, а Кейзер позаботился о том, чтобы с одного из слуг Тома сняли обвинение в пьяной драке.

– Прошу, прошу! – Том приглашающе раскинул руки. – Жена принесет нам кофе, или вы предпочитаете немного вина? – Он крикнул в сторону кухни: – Сара Кортни! У нас уважаемый гость!

Она тут же вышла на террасу:

– О полковник! Какой приятный сюрприз!

– Может, и сюрприз, – сурово откликнулся Кейзер, – но в его приятности я сомневаюсь, мадам. У вашего сына Джима серьезные проблемы с законом.

Сара сняла фартук и подошла к мужу. Он полной рукой обнял ее за талию. В этот момент Дориан Кортни, стройный и элегантный, в зеленом тюрбане, скрывавшем его рыжие волосы, шагнул из-за здания склада и тоже остановился рядом с Томом. Вместе эти трое представляли собой единый грозный фронт.

– Войдем в дом, Стефанус, – повторил Том. – Мы не можем разговаривать здесь.

Кейзер решительно качнул головой:

– Вы должны сказать мне, Том Кортни, где прячется ваш сын.

– Я думал, это *вы* сможете *мне* сказать. Вчера вечером весь мир и его братья видели, как вы гнались за Джимом через дюны. Он снова вас обогнал, Стефанус?

Кейзер вспыхнул и заерзал на взятом взаймы седле. Запасной мундир жал ему под мышками. Всего несколько часов назад полковник получил свои медали и Звезду Святого Николая, когда его следопыт-бушмен принес ему брошенную в лесу за соленым озером седельную сумку. Он тут же кое-как пришил все это на мундир. Полковник коснулся кармана, убеждаясь, что его золотые часы по-прежнему на месте. Бриджи на нем едва не лопались по швам. Ступни ног были натерты до пузырей после долгого пути домой в темноте; новые сапоги раздражали болезненные места. Обычно полковник гордился своей аккуратной внешностью, и теперешняя небрежность и неудобство одежды усиливали унижение, которое он вынес из-за Джима Кортни.

– Ваш сын скрылся вместе с беглой осужденной. Он украл лошадь и другие ценные вещи. Все это тянет на повешение, предупреждаю вас. У меня есть основания полагать, что беглецы прячутся здесь, в Хай-Уилде. Мы прошли по их следу от соленого озера. И я собираюсь обыскать все строения.

– Хорошо, – кивнул Том. – А когда закончите, моя жена приготовит закуску для вас и ваших людей.

Солдаты Кейзера спешили и выхватили сабли.

Том продолжил:

– Но, Стефанус, предупредите этих ваших бандитов, чтобы не смели беспокоить моих служанок, а иначе это и в самом деле потянет на повешение.

Все трое Кортни вернулись в прохладную тень склада; они пересекли широкое, загроможденное товарами помещение и скрылись в конторе на дальнем его конце. Том опустил в кожаное кресло у холодного камина. Дориан сел, скрестив ноги, на кожаную кушетку в дальнем конце комнаты. В зеленом тюрбане и вышитом жилете он выглядел как некий восточный владык... Впрочем, он и являлся им когда-то.

Сара закрыла дверь, но осталась стоять возле нее, чтобы не допустить подслушивания. Она смотрела на братьев, ожидая, когда Том заговорит. Вряд ли еще какие-либо братья могли представлять собой настолько разительный контраст: Дориан – стройный, элегантный и невероятно красивый, а Том – крупный, полный и грубоватый. Но сила ее чувств к мужу, даже после стольких лет, удивляла саму Сару.

– Я бы с удовольствием свернул шею этому щенку! – Добродушная улыбка на лице Тома уступила место хмурому выражению и сердитому взгляду. – Мы и знать не можем, во что он нас теперь втянул.

– Ты ведь тоже когда-то был молодым, Том Кортни, и всегда был чересчур горяч. – Сара улыбнулась ему с нескрываемой любовью. – Почему, как ты думаешь, я в тебя влюбилась? Уверю тебя, точно не из-за твоей внешности!

Том постарался удержаться от улыбки.

– Это другое дело! – заявил он. – Я никогда не искал неприятностей.

– Верно, не искал, – согласилась Сара. – Ты просто попадал в них.

Том подмигнул ей и повернулся к Дориану:

– Наверное, прекрасно иметь такую послушную и уважающую тебя жену, как Ясмине. – Но тут же он снова стал серьезным. – Баккат еще не вернулся?

Пастух послал одного из сыновей к Тому, чтобы сообщить о ночном визите Джима. Том искренне восхитился хитростью Джима, придумавшего, как скрыть свои следы.

– Я бы и сам так же поступил. Может, Джим и бешеный, как настоящий ураган, но он совсем не дурак, – сказал он Саре.

– Нет, не вернулся, – сообщил Дориан. – Баккат и остальные пастухи пока что гоняют коров и овец по всем тропам и дорогам по эту сторону гор. Даже бушмен Кейзера не сумеет найти следы Джима. Думаю, мы можем быть уверены в том, что Джим ускользнул. Но куда он направился?

Братья посмотрели на Сару, ожидая ответа.

– Он все тщательно продумал, – сказала она. – Я его видела с мулами день назад. Возможно, кораблекрушение и стало для него неожиданностью, но он все равно задумал спасти ту девушку, так или иначе.

– Ох, проклятая женщина! Ну почему это всегда женщины? – сокрушенно проговорил Том.

– Не тебе бы об этом спрашивать, – заявила Сара. – Ты сам украл меня, увез от родных, и вокруг нас свистели пули. Так что не пытайся тут изображать папу римского, Том Кортни!

– Святые небеса, ну да! Я почти забыл об этом! Но ведь это было весело, правда, красавица моя?

Он потянулся к жене и ущипнул ее за зад. Она хлопнула его по руке, и Том безмятежно продолжил.

– Но эта женщина, что теперь с Джимом... Кто она такая? Тюремное отребье. За что ее отправили в тюрьму? Отравила кого-то? Обокрала? Была шлюхой? Никто ведь не знает, что подобрал этот наш идиот!

Дориан со спокойной нежностью наблюдал за супругами, раскуривая свой кальян. Эту привычку он приобрел в Аравии. Наконец, отведя в сторону мундштук из слоновой кости, он сухо заговорил:

– Я поговорил по меньшей мере с дюжиной наших людей, которые в то время находились на берегу и все видели. Может, она и преступница, но она точно не отребье. – Он выпустил клуб ароматного дыма. – Говорят о ней по-разному. Катенг заявил, что она – настоящий ангел красоты, Литила – что она золотая принцесса, Баккат твердит, что она мила, как дух богини дождя.

Том насмешливо фыркнул:

– Богиня дождя на вонючем тюремном корабле?! Да скорее нектарница вылупится из яйца грифа-индейки! Но куда Джим ее повез?

– Заму никто не видел со вчерашнего дня. Я не видела, как он уходил, но догадываюсь, что Джим отправил его куда-то с мулами дожидаться его, – предположила Сара. – Зама сделает все, что только Джим попросит.

– А Джим говорил с Баккатом о дороге Разбойников, – добавил Дориан, – и велел замести его следы на востоке и севере от имения.

– Дорога Разбойников – это просто миф! – твердо произнес Том. – Нет никаких дорог в горах!

– Но Джим в нее верит. Я слышал, как они с Мансуром говорили о ней, – возразила Сара.

Том явно встревожился:

– Это безумие! Мальчишка и осужденная отправились в глушь с пустыми руками? Да они там неделю не продержатся!

– У них есть Зама, и вряд ли они с пустыми руками. Джим прихватил шесть мулов, нагруженных вещами, – напомнил Дориан. – Я проверил, чего не хватает на складах. Он отлично подготовился. У них есть все для долгого путешествия.

– Он даже не попрощался! – Том покачал головой. – И это мой сын, мой единственный сын! Даже «до свидания» не сказал!

– Он слишком торопился, брат, – напомнил Дориан.

Сара бросилась на защиту сына:

– Он передал все через Бакката. Он не забыл о нас.

– Это не одно и то же, – мрачно произнес Том. – Ты знаешь, что он никогда не сможет вернуться. Он захлопнул за собой дверь. Кейзер не перестанет за ним охотиться и сразу его повесит, если он снова появится в колонии. Нет, черт побери, я должен еще раз его увидеть. Всего один раз. Он такой упрямый и бешеный... Я должен дать ему совет.

– Ты ему постоянно давал советы в последние девятнадцать лет, – сказал Дориан. – И что из этого вышло?

– Где он должен встретиться с Замой? – спросила Сара. – Там его и можно найти.

Том немного подумал, потом усмехнулся.

– Это может быть только одно место! – решительно воскликнул он.

Дориан кивнул.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Маджуба – самое надежное место, где можно спрятаться. Но мы не можем отправиться за ними туда. Кейзер будет следить за нами, как леопард у водопоя. Если кто-то из нас покинет Хай-Уилд, он тут же пустит за нами эту свою желтокожую гончую, и мы прямиком приведем его к Маджубе и Джиму.

– Но если мы хотим его найти, нужно сделать это быстро, иначе Джим уйдет из Маджубы. Они хорошо снарядились. У них Друмфайр и кобыла Кейзера. Джим может оказаться на полпути к Тимбукту, прежде чем мы его догоним.

В этот момент по главному помещению склада разнеслись звуки тяжелых шагов и мужские голоса.

– Люди Кейзера уже обыскали дом. – Сара посмотрела на дверь. – Теперь начинают обыск склада и служебных строений.

– Нам лучше присматривать за этими бандитами. – Дориан встал. – Пока они не начали прихватывать все, что им понравится.

– Да, решим, что делать, когда Кейзер уйдет, – согласился Том, и они вышли из конторы.

Четверо из кавалеристов бесцельно бродили между полками с товарами. Им явно надоела эта бессмысленная охота. Длинное помещение склада заполняли товары до высоких балок перекрытий. Если бы солдаты стали искать тщательно, им пришлось бы перевернуть тонны вещей. Здесь хранились тюки китайского шелка, арабский ладан из Занзибара и других портов за Рогом Ормуза; лежали тут и распиленные бревна драгоценной древесины – тика, сандала и эбенового дерева; горы чистой блестящей меди, сбитой в круги, чтобы армия рабов могла их катить по горным дорогам из далекой Эфиопии к побережью. Хватало на складе и высушенных шкур экзотических животных – тигров и зебр, и меха обезьян и тюленей, и длинных изогнутых рогов носорогов, прославленных в Китае и на Востоке за их возбуждающую силу.

Мыс Доброй Надежды лежал на перекрестье торговых маршрутов между Европой и Востоком. В прежние времена корабли с севера проделывали долгий путь через Атлантику. Но даже когда они вставали на якорь в Столовой бухте, перед ними еще лежала казавшаяся бесконечной дорога до Индии и Китая, а то и еще дальше – до Японии. Корабль мог провести в море три или четыре года, пока наконец имел возможность вернуться в Амстердам или лондонский Пул.

Том и Дориан постепенно создали другую торговую сеть. Они убедили европейский синдикат судовладельцев посылать свои корабли только до мыса Доброй Надежды. Там со скла-

дов компании «Кортни бразерс» они могли наполнить свои трюмы наилучшими товарами, а потом развернуться в обратную сторону и при попутных ветрах возвратиться в родные порты в течение года. Кортни получали свою прибыль, но торговцы имели выгоду в том, что им не приходилось проводить в море лишние годы и они могли сразу отправляться в новые рейсы. Точно так же шедшие с востока корабли разгружали свои товары на складах Кортни и возвращались в Батавию, Янгон или Бомбей за менее чем половину того времени, что понадобилось бы им для пересечения двух великих океанов.

На этом нововведении и построили свое благосостояние братья. К тому же у них имелись и собственные торговые шхуны, ходившие вдоль берегов Африки; капитанами на них были арабы, доверенные люди Дориана. Как мусульмане, они могли заходить в воды, запретные для капитанов-христиан, и добираться до Маската и Медины, сияющего города пророка. Хотя эти суда не имели больших трюмов, чтобы возить объемистый груз, они занимались товарами высокой стоимости: медью и ладаном, жемчугом и перламутром из Красного моря, слоновой костью с рынков Занзибара, сапфирами из рудников Канди, желтыми алмазами с наносных полей вдоль великих рек в империи Моголов и опиумом из Патана.

Только одним братья Кортни наотрез отказывались торговать: рабами. Они были слишком хорошо знакомы с этой варварской практикой. Дориан провел почти все свое детство в рабстве, пока его не усыновил его хозяин, султан Абд-Мухаммед аль-Малик, правитель Маската. А Том в молодости отчаянно воевал с арабскими работорговцами у восточного побережья Африки и сам являлся свидетелем их чудовищной жестокости. Многие из слуг и матросов Кортни также в прошлом были рабами, которых Кортни так или иначе приобрели и тут же отпустили на волю. Условия, при которых эти несчастные очутились под крылышком семьи, сильно различались. Иногда их отбивали силой оружия, потому что Том всей душой любил хорошую драку, иногда это случалось в результате кораблекрушения, или в уплату долгов, или даже их просто покупали. Сара не находила в себе силы пройти мимо плачущей сироты на аукционе рабов, она тут же требовала от мужа, чтобы тот купил ребенка и отдал ей. Половина их домашних слуг были воспитаны ею с детства.

Сара ушла в кухню и почти сразу вернулась с Ясмими и несколькими болтливыми веселыми служанками – они несли кувшины с только что выжатым соком лайма, подносы с корнуэльскими паштетами, пироги со свининой и индийское пряное баранье карри.

Скучавшие и проголодавшиеся кавалеристы тут же спрятали в ножны свои клинки и набросились на угощение. Жадно глотая вкуснейшую еду, они успевали еще и флиртовать со служанками. Солдаты, которые предположительно должны были обыскивать каретный сарай и конюшни, тоже увидели женщин, выносивших из кухни еду, и сочли это предлогом прекратить поиски.

Полковник Кейзер приказал людям вернуться к работе, но Том и Дориан успокоили его и увели в контору.

– Надеюсь, теперь вы поверите моему слову, полковник? Моего сына Джима нет в Хай-Уилде.

Том налил Кейзеру отличного джина из фарфоровой бутылки, а Сара отрезала толстый ломоть корнуэльского паштета и положила на тарелку перед полковником.

– Ладно, признаю, что его здесь нет, Том. Он имел достаточно времени, чтобы удрать подальше... хотя и ненадолго. Но все же я думаю, вы знаете, где он прячется.

Он пристально уставился на Тома, принимая из его рук бокал на высокой ножке.

Том изобразил на лице невинность мальчика-певчего из церковного хора, принимающего причастие.

– Вы вполне можете мне верить, Стефанус!

– Сомневаюсь... – Кейзер проглотил кусок паштета и запил его джином. – Но предупреждаю, я не прекращу поиски этого вашего нахального щенка, не спущу ему с рук такую выходку! Даже не пытайтесь ослабить мою решительность!

– Да ни за что! Вы же исполняете свой долг! – согласился Том. – Я просто предлагаю вам обычное гостеприимство и не пытаюсь как-то повлиять на вас! Когда Джим вернется в Хай-Уилд, я сам отведу его в крепость и передам вам и его превосходительству! Даю вам слово джентльмена!

Отчасти смягчившись, Кейзер позволил проводить его туда, где конюх держал его лошадь. Том сунул в седельные сумки еще две бутылки молодого голландского джина и помахал рукой полковнику, когда тот уводил свой эскадрон за ворота.

Провожая взглядом кавалеристов, Том тихо сказал брату:

– Нужно отправить Джиму сообщение. Он должен задержаться в Маджубе, пока я не доберусь туда. Кейзер будет следить за мной, и если я отправлюсь в горы, то сам покажу ему дорогу, но я пошлю Бакката. Он не оставляет следов.

Дориан закинул за плечо хвост своего тюбана.

– Выслушай меня, Том. Не смотри на Кейзера свысока. Он вовсе не такой клоун, каким притворяется. Если он доберется до Джима, это будет трагический день для нашей семьи. Никогда не забывай о том, что наш родной дед умер на виселице на площади перед замком!

Изрытая колеями дорога от Хай-Уилда в город шла через лес, состоящий из высоких деревьев с желтой древесиной и со стволами толщиной с колонны кафедрального собора. Кейзер остановил солдат, как только они скрылись из вида обитателей большого дома. Он посмотрел вниз, на маленького бушмена, бежавшего рядом с его стремянем, и тот ответил ему преданным собачьим взглядом.

– Ксиа! – Полковник произнес это имя так, словно чихнул. – Они вскоре отправят кого-нибудь с сообщением к юнцу, где бы тот ни прятался. Проследи за посланцем. Не выпускай его из вида. И не дай себя заметить. Когда найдешь убежище, сразу возвращайся. Все понял?

– Я понял, Гвеньяма.

Бушмен назвал полковника самым уважительным из имен, означавшим «тот, кто пожирает своих врагов». Ксиа знал, что Кейзеру нравится этот титул.

– Я знаю, кого они отправят. Бакката. А он мой давний враг и соперник. Для меня будет удовольствием одолеть его.

– Ну тогда иди. И будь настороже.

Ксиа ускользнул в лес, бесшумный, как тень, а Кейзер повел свой эскадрон обратно в крепость.

Сторожка в Маджубе представляла собой одно длинное помещение. Низкую крышу соорудили из тростника с берегов ручья, что протекал неподалеку от хижины. Окнами являлись щели в каменных стенах, их занавесили высушенными шкурами антилоп канн и нильгау. В центре комнаты на земляном полу стоял открытый очаг, и в крыше над ним красовалась дыра, сквозь которую уходил дым. Дальний угол хижины был занавешен сыромятными шкурами.

– Мы укладывали за ту занавеску отца, когда охотились здесь, – сказал Джим Луизе. – Надеялись, что она немного заглушит его храп. Конечно, это не помогло. Его храп ничем не заглушить. – Он засмеялся. – Но теперь мы уложим там тебя.

– Я не храплю! – возмутилась Луиза.

– Не важно, это все равно ненадолго. Мы отправимся дальше, как только отдохнут лошади, я перепакую груз и найду для тебя какую-нибудь приличную одежду.

– И сколько времени на это уйдет?

– Мы уйдем до того, как они смогут выслать за нами солдат из замка.

– Куда мы пойдем?

– Не знаю. – Джим улыбнулся. – Но скажу, когда мы туда доберемся.

Он бросил на Луизу оценивающий взгляд. Ее платье настолько изорвалось, что она осталась почти голой, и девушка поплотнее завернулась в плащ.

– Вряд ли твой наряд подходит для обеда у губернатора в крепости.

Он отошел к одному из выюков, которые Зама снял с мулов и уложил вдоль стены. Порывшись в нем, он достал рулон ткани, предназначенной для торговли, и холщовый мешочек, в котором лежали ножницы, иголки и нитки.

– Надеюсь, ты умеешь шить? – спросил он, принеся все это Луизе.

– Мать научила меня самой шить для себя одежду.

– Вот и хорошо, – кивнул Джим. – Но сначала поужинаем. Я не ел со времени завтрака два дня назад.

Зама зачерпнул ковшом оленье рагу, что кипело в котле на треноге над углями, и наполнил миски. На рагу он положил куски твердой кукурузной лепешки.

Джим принялся за еду. С набитым ртом он спросил Луизу:

– А готовить тебя матушка научила?

Луиза кивнула:

– Она была известным поваром. Она готовила в доме Стадхолдера в Амстердаме и в доме принца Оранского.

– Тогда тебе будет чем здесь заняться. Возьмешь на себя кухню, – решил Джим. – Зама однажды отравил вождя готтентотов, просто случайно. А вообще от еды готтентотов люди обрастают жиром, от которого дохнут гиены.

Луиза неуверенно посмотрела на Заму, не донеся ложку до рта:

– Это правда?

– Готтентоты – величайшие лжецы во всей Африке, – ответил Зама. – Но им далеко до Сомои.

– Значит, это шутка?

– Да, это шутка, – подтвердил Зама. – Глупая английская шутка. Нужно много лет на то, чтобы научиться понимать английские шутки. Некоторым людям это так и не удастся.

Когда они поели, Луиза развернула ткань и принялась измерять и резать. А Джим и Зама распаковали тюки, собранные Джимом впопыхах, и начали изучать и перекладывать по-другому их содержимое.

Джим с облегчением надел наконец собственные сапоги и одежду, а мундир и бриджи Кейзера отдал Заме.

– Если нам придется столкнуться с дикими племенами на севере, ты сможешь произвести на них впечатление мундиром полковника компании, – сказал он.

Они почистили и смазали мушкеты, заменили кремни в замках. Затем, поставив на огонь горшок, расплавили в нем полоски свинца, чтобы отлить запас пуль для пистолета, который Джим забрал у полковника Кейзера. Мешочки с пулями для мушкетов и так оставались полны.

– Надо было тебе взять еще хотя бы пять бочонков пороха, – сказал Джиму Зама, наполняя пороховницы. – Если нам встретятся враждебные племена, когда мы будем охотиться, этого хватит ненадолго.

– Я бы прихватил еще пятьдесят бочонков, если бы нашел еще двадцать мулов, чтобы тащить их, – язвительно откликнулся Джим.

Затем он через всю хижину громко окликнул Луизу, которая ползала на коленях над расстеленной на полу тканью. Луиза с помощью уголька размечала ткань, прежде чем разрезать ее.

– Луиза, ты умеешь заряжать мушкет и стрелять?

Она смущенно покачала головой.

– Тогда придется тебя научить. – Он показал на ткань. – Что это ты сооружаешь?

– Юбку.

– Пара крепких штанов стала бы полезнее, и ткани ушло бы меньше.

Щеки девушки порозовели.

– Женщины не носят мужские штаны.

– Если они собираются ехать верхом, идти и бежать, как предстоит тебе, им следовало бы их носить. – Джим кивком показал на ее босые ноги. – Зама соорудит для тебя пару сапог из шкуры антилопы, чтобы носить с бьюками.

Луиза выкроила штанины очень широкими, и это сделало ее еще больше похожей на мальчишку. Длинное прямое платье заключенной, истрепавшееся понизу, она укоротила, превратив в рубашку, прикрывавшую бедра. И подпоясалась ремнем из сыромятной кожи, который быстро изготовил для нее Зама. Луиза узнала, что Зама отличный парусный мастер и умеет работать с кожей. Сшитые им сапоги прекрасно легли на ее ноги. Они доходили до середины голеней, и Зама повернул их мехом наружу, что придавало им франтоватый вид и подчеркивало длину ног Луизы. И наконец девушка сшила для себя полотняный чепчик, чтобы спрятать волосы и уберечься от солнца.

На следующее утро Джим свистом подозвал Друмфайра. Тот примчался с берега ручья, где щипал молодую весеннюю траву. И как обычно, выражая свои нежные чувства, сделал вид, что готов сбить хозяина с ног. Джим ответил ему несколькими не менее нежными хлопками по холке, надевая уздечку.

В дверях хижины показалась Луиза:

– Куда ты собрался?

– Очистить след, – ответил он.

– Что это значит?

– Я должен вернуться той же дорогой, какой мы пришли сюда, и убедиться, что за нами никто не следовал, – пояснил Джим.

– Мне бы хотелось поехать с тобой, просто для прогулки. – Луиза посмотрела на Верную. – Мы с лошастью уже отдохнули.

– Седлай! – предложил Джим.

Луиза спрятала за поясом большой кусок маисовой лепешки, но Верная учуяла его, как только наездница вышла из дверей. Кобыла тут же подбежала к девушке и, пока Луиза надевала на нее седло, жевала лепешку. Джим наблюдал, как девушка затягивает подпругу. Она двигалась очень легко в своих новых бриджах.

– Наверное, это самая счастливая лошадка во всей Африке, – заметил Джим, – она ведь сменила полковника на тебя. Вместо слона – ежик!

Друмфайра Джим уже оседлал; он сунул в петлю у седла мушкет, повесил через плечо рожок с порохом и вскочил на спину жеребца.

– Поезжай вперед, – велел он Луизе.

– Так же, как мы приехали? – спросила она.

И, не дожидаясь ответа, начала подниматься по склону. Луиза легко держала поводья, сидела на лошади свободно, естественно. Кобыла словно и не замечала ее веса и неслась вверх по крутому склону.

Джим, наблюдая за ними, одобрял стиль девушки. Даже если она привыкла к дамскому боковому седлу, ей удалось легко приспособиться к езде верхом. Джим помнил, как девушка выдержала долгий ночной побег, и удивлялся, как быстро она восстановила силы. Он видел, что она не отстанет от него ни при каких обстоятельствах.

Когда они добрались до гребня, Джим поехал впереди. Он без труда находил дорогу в лабиринте узких долин и теснин. Луизе все эти обрывистые утесы и склоны гор казались совершенно одинаковыми, но Джим без сомнений пробирался между ними.

Когда перед всадниками возникало новое открытое пространство, Джим спешивался и поднимался на какое-нибудь возвышение, чтобы изучить местность впереди через подзорную трубу. Эти остановки давали Луизе возможность полюбоваться грандиозным пейзажем вокруг. После плоских равнин ее родины эти горные вершины казались ей достигающими небес. Девушку окружали темно-коричневые, красные и фиолетовые утесы. Щебнистые склоны густо поросли кустами; на некоторых из них расцвели цветы, похожие на огромные подушечки для булавок, нежно-желтые и ярко-оранжевые. Над ними кружили стайки длиннохвостых птичек; они засовывали изогнутые клювы глубоко в цветки.

– Это нектарницы, – сообщил Джим, когда она вопросительно указала на птиц. – Они пьют нектар из цветов протеи.

Луиза в первый раз после кораблекрушения получила возможность оглядеться вокруг, и все ее чувства оказались захвачены красотой этой неведомой новой земли. Ужасы оружейной палубы «Чайки» уже поблекли в ее памяти, теперь они казались чем-то вроде давнего ночного кошмара.

Тропа, по которой они двигались, снова начала подниматься по крутому склону. Джим остановился перед гребнем и передал Луизе поводья Друмфайра, а сам поднялся выше, чтобы рассмотреть другую сторону горы.

Луиза рассеянно наблюдала за ним. Вдруг движения Джима резко изменились. Он почти припал к земле, согнувшись вдвое, и пополз назад, туда, где она его ждала. Луиза встревожилась, ее голос дрогнул.

– Нас кто-то преследует? Это люди полковника?

– Нет, это кое-что получше. Это мясо.

– Не понимаю.

– Канны. Стадо, штук двадцать или больше. Идут прямо на нас.

– Канны? – переспросила Луиза.

– Самые крупные антилопы в Африке. Здоровенные, как волы, – пояснил Джим, проверяя запал мушкета. – На них много жира, а по вкусу их мясо ближе к говядине, чем у других антилоп. Засолить и провялить или закоптить – и одной канны нам хватит на несколько недель.

– Ты хочешь убить одну? А если полковник гонится за нами? Разве он не услышит выстрел?

– Здесь, в горах, эхо разлетится во все стороны, направление невозможно будет определить. Да и в любом случае я не упущу такой возможности. У нас продукты подходят к концу. Я должен рискнуть, если мы не хотим умереть от голода.

Взяв поводья обеих лошадей, он увел их с тропы и остановился за выступом красной скалы.

– Спешивайся. Держи лошадей и постарайся, чтобы они не оказались на виду. И ни с места, пока я тебя не позову, – приказал он Луизе.

С мушкетом в руках Джим снова взбежал вверх по склону. А перед самым гребнем упал в траву. Оглянувшись на девушку, он увидел, что она выполняет его инструкции, присев за камнями так, что на виду оставалась лишь ее голова.

«Лошади антилоп не напугают, – сказал он себе. – Стадо примет их за других диких животных».

Джим шляпой отер с глаз пот и устроился поудобнее за небольшим скальным выступом, но не лег, а остался сидеть. Если бы он стрелял из положения лежа, отдача тяжелого мушкета вполне могла бы сломать ему ключицу. Джим подложил под приклад шляпу в качестве подушки и прижал к ней приклад, нацелившись на склон.

Глубокая тишина гор висела над долиной; мягкое жужжание насекомых над кустами протеи и изредка раздававшийся жалобный свист краснокрылого горного скворца казались неестественно громкими.

Минуты текли медленно, как густой мед; но вот Джим вскинул голову. Он услышал другой звук, заставивший замереть его сердце. Раздалось негромкое щелканье, словно постукивали друг о друга две сухие палочки. Джим сразу узнал этот звук. Антилопы канны обладали одним особенным свойством, уникальным: мощные сухожилия в их ногах странно щелкали при каждом шаге.

Баккат, маленький желтокожий бушмен, объяснил Джиму еще в детстве, как это случилось. Однажды в незапамятные времена, когда солнце впервые поднялось над миром, а земля была совсем новой, покрытой свежей росой, Кстог, отец всех кхойзанов, бушменов, поймал в хитроумную ловушку Импизи, гиену. А как известно всему миру, Импизи был и остается могущественным магом. Когда Кстог наточил свой нож, чтобы перерезать ему горло, Импизи сказал ему:

– Кстог, если ты отпустишь меня, я сотворю для тебя волшебство. Вместо моей плоти, воняющей грифом, которого я съел, ты получишь холмы белого жира и горы сладкого мяса антилоп канна и будешь жарить их на своем костре всю свою жизнь.

– Как такое возможно, о Гиена? – удивился Кстог, хотя его рот уже наполнился слюной при мысли о мясе антилоп.

Канны обладали хитростью, и поиск их представлял изрядный труд.

– Я наложу на канн чары, и, когда они будут бродить по равнинам и горам, они станут издавать шум, который приведет тебя к ним.

Тогда Кстог отпустил Импизи, и с тех самых пор канны стали издавать щелчки на ходу, предупреждая охотника о своем приближении.

Джим усмехнулся, припомнив историю Бакката. Он осторожно отвел назад тяжелый курок и прижал обитый бронзой приклад к плечу. Щелканье приблизилось, время от времени останавливаясь, но потом возобновляясь. Джим наблюдал за линией гребня прямо перед собой – и вдруг на фоне неба появилась пара больших рогов. Они были толстыми и длинными, как рука сильного мужчины, и закручивались в спирали; их блестящая черная поверхность отражала солнце.

Щелканье затихло, рога медленно качнулись из стороны в сторону, как будто животное прислушивалось. Джим слышал свист собственного дыхания, его нервы натянулись, как тетива лука. Потом снова раздался щелкающий звук, рога стали подниматься выше, и вот уже под ними появились длинные уши и пара огромных глаз. Эти темные глаза, прикрытые длинными ресницами, смотрели смирно и казались наполненными слезами. Глаза посмотрели прямо на Джима, и у него остановилось дыхание. Животное находилось так близко, что Джим видел, как оно моргает, и не осмеливался даже шелохнуться.

Потом самец канны отвел взгляд и повернул большую голову, чтобы посмотреть вниз, на склон, по которому он только что поднялся. И после этого двинулся в сторону Джима, а за ним появилось и остальное стадо. Джим не смог бы обхватить руками мощную шею канны: под ней висел тяжелый подгрудок, раскачивавшийся при каждом шаге. Спина и плечи антилопы стали синими от старости, и ростом животное не уступало самому Джиму.

В каком-то десятке шагов от места, где сидел Джим, канна остановился и опустил голову, чтобы общипать молодые листочки с невысокого куста. Через гребень холма следом за быком вышли другие антилопы. Самки обладали светло-коричневым цветом, и, хотя на их головах тоже красовались длинные спиралевидные рога, головы у них были не такими крупными, женственными. Телята имели красновато-коричневый цвет, и самые молодые еще не обзавелись рогами. Один теленок наклонил голову и весело боднул близнеца, потом они начали гоняться друг за другом по кругу. Их мать наблюдала за ними без особого интереса.

Охотничий инстинкт снова притянул взгляд Джима к огромному самцу. Тот продолжал жевать листки корявого куста. Джиму понадобилось сделать над собой серьезное усилие, чтобы отказаться от выстрела в это старое животное. Несмотря на то что такой бык мог стать прекрасным трофеем, его мясо, скорее всего, оказалось бы жестким и невкусным и жира на нем наверняка почти не нашлось бы.

Джим снова вспомнил философию Бакката: «Оставь старого быка для размножения, а самки пусть кормят своих малышей».

Джим медленно повернул голову, рассматривая стадо. И в этот момент из-за гребня появилась идеальная добыча.

Это был самец намного моложе вожака, от силы четырехлетка, обладавший настолько толстым задом, что золотисто-коричневая шкура на нем, казалось, вот-вот лопнет. Самец повернул в сторону, привлеченный блестящей зеленой листвой какого-то деревца. На его ветках висели зрелые пурпурные ягоды, и молодой самец шел к нему, пока не очутился прямо перед Джимом. И потянулся к веткам, чтобы ощипать ягоды, подставив под выстрел светло-коричневое горло.

Джим осторожно направил в его сторону дуло мушкета. Двигался он так медленно, как движется хамелеон, подбираясь к мухе. Разыгравшиеся телята взбивали копытами пыль и отвлекали обычно настороженных самок. Джим осторожно прицелился в горло быка. Он знал, что даже с такого близкого расстояния мощные лопатки канны могут остановить пулю. Ему требовалось найти ту точку в груди, сквозь которую пуля проникнет в тело животного и доберется до его сердца, легких и пульсирующих артерий.

Джим положил палец на спусковой крючок и медленно, очень медленно стал нажимать на него, преодолевая соблазн мгновенно выстрелить. Боек упал с громким щелчком, кремь выбил искру, порох на полке вспыхнул, выбросив комок белого дыма, и приклад мушкета ударил в плечо Джима. Но прежде чем Джим успел опомниться после мощной отдачи, он заметил, как канна резко сгорбилась. И понял, что его пуля угодила точно в цель, пронзив сердце животного.

Джим вскочил, чтобы посмотреть через облако дыма. Молодой бык все еще не шевелился, он застыл на месте, открыв рот. Джим увидел пулевое отверстие в гладкой шкуре на его горле.

Остальное стадо бросилось в бегство, бешено помчавшись вниз по склону; камни и пыль летели из-под копыт. Раненый самец попятился, неестественно изогнувшись. Его ноги подгибались и дрожали, он почти сразу сел на зад и вскинул голову к небу. Из его широко раскрытого рта хлынула фонтаном яркая легочная кровь. И тогда он перевернулся и упал на спину, судорожно дергая всеми четырьмя ногами в воздухе.

Джим стоял, наблюдая за последней агонией огромного существа.

Его ликование постепенно сменилось грустью истинного охотника, захваченного красотой и трагедией убийства. Когда антилопа затихла, Джим отложил мушкет и достал из ножен на поясе нож. Ухватившись за рога, он оттянул голову животного назад и двумя движениями опытной руки перерезал артерии по обе стороны горла, чтобы выпустить кровь. Потом поднял одну из мощных задних ног канны и отрезал мошонку самца.

Луиза показалась из-за гребня как раз тогда, когда Джим выпрямился, держа в руке пушистый белый мешочек. Ему пришлось объяснить:

– Если это оставить, оно испортит мясо.

Луиза отвела взгляд:

– Какое прекрасное животное... такое большое...

Ее как будто подавило то, что сделал Джим. Потом она выпрямилась в седле:

– Чем я могу тебе помочь?

– Сначала стреножь лошадей, – сказал он.

Луиза спрыгнула со спины Верной и отвела лошадей к дереву. Привязав их к стволу, она вернулась.

– Держи заднюю ногу, – велел Джим. – Если не вынуть внутренности, мясо прокиснет и испортится через несколько часов.

Это была тяжелая работа, но Луиза взялась за нее, не моргнув глазом. Когда Джим сделал разрез от паха быка до его ребер, кишки и все внутренности вывалились наружу.

– Придется испачкать руки, – предупредил Луизу Джим.

Но прежде чем он продолжил работу, поблизости прозвучал другой голос, высокий, похожий на детский:

– Я неплохо тебя научил, Сомоя.

Джим резко развернулся, инстинктивно взмахнув ножом, и уставился на маленького желтокожего человека, сидевшего на камне и наблюдавшего за ними.

– Баккат, мелкий шайтан! – крикнул Джим, скорее в испуге, чем в гневе. – Никогда больше так не делай! Откуда ты вообще взялся, скажи во имя Кулу-Кулу?

– Я тебя напугал, Сомоя?

Баккат смутился, и Джим вспомнил о хороших манерах. Он подошел к другу, чтобы исправить свою ошибку:

– Нет, конечно. Я издали тебя видел.

Никогда нельзя говорить бушмену, что вы его не заметили: он это воспримет как оскорбительный намек на его малые размеры.

– Ты же выше деревьев!

Лицо Бакката вспыхнуло удовольствием при комплименте.

– Я за тобой наблюдал с самого начала охоты. Ты правильно выбрал и правильно убил, Сомоя. Но, думаю, тебе понадобится помощь не только юной девушки, чтобы забрать мясо.

Он спрыгнул с камня. Остановившись перед Луизой, он приветственно сложил руки.

– Что он говорит? – спросила она Джима.

– Он говорит, что рад видеть тебя и что твои волосы похожи на солнечный свет, – пояснил Джим. – Похоже, он только что дал тебе африканское имя – Веланга, Солнечная Девушка.

– Пожалуйста, скажи ему, что я тоже рада его видеть и что он оказал мне большую честь.

Луиза улыбнулась, глядя на Бакката сверху вниз, и бушмен рассыпался веселым кудахтающим смехом.

Баккат нес на одном плече туземный топор, на другом – охотничий лук. Отложив в сторону лук и колчан со стрелами, он подошел к огромной туше с топором в руке, чтобы помочь Джиму.

Луизу поразило, как быстро работали двое мужчин. Каждый знал свое дело и выполнял его без колебаний и споров.

По локоть в крови, они полностью извлекли из туши все внутренности и огромный мешок желудка. Баккат, не отрываясь от работы, отрезал полоску желудка. Он несколько раз ударил ею по камню, чтобы стряхнуть наполовину переваренную зелень, после чего сразу сунул в рот и принялся жевать с откровенным удовольствием. Когда же они вытащили дымящуюся печень, то и Джим присоединился к пиру.

Луиза вытаращила глаза от ужаса.

– Это же сырое! – воскликнула она.

– Вы же в Голландии едите сырую селедку! – возразил Джим и предложил девушке полоску пурпурной печени.

Она хотела отказаться, но тут же поняла по выражению его лица, что это вызов с его стороны. Луиза еще немного поколебалась, пока не заметила, что Баккат тоже наблюдает за ней с коварной усмешкой и его глаза прячутся в морщинах.

Она взяла полоску печени и, собрав всю свою храбрость, сунула ее в рот. Ее чуть не вырвало, но она заставила себя жевать. Поначалу ее поразил резкий вкус, но девушка не нашла его неприятным. Луиза медленно разжевала печень и проглотила ее. И увидела, к своему глубокому удовлетворению, что Джим удручен. Она взяла еще одну полоску из его окровавленной руки и тоже съела.

Баккат пронзительно захохотал и ткнул локтем в ребра сидевшего на корточках Джима. Он восторженно качал головой, насмехаясь над Джимом, и всячески показывал жестами, что девушка выиграла в молчаливом соревновании.

– Если бы ты был хоть наполовину таким смешным, каким себя считаешь, – кисло сказал ему Джим, – ты мог бы стать главным остряком во всех пятидесяти племенах кхойзанов. А пока давай-ка вернемся к делу.

Они разделили мясо так, чтобы положить его на лошадей, а Баккат соорудил из сырой шкуры мешок, в который сложил почки, печень и рубец. Мешок весил почти столько же, сколько сам бушмен, однако Баккат взвалил его на плечи и помчался вперед.

Джим нес одно плечо антилопы, от веса которого у него почти подгибались ноги, а Луиза вела нагруженных лошадей.

Последнюю милю пути до Маджубы они прошли по ущелью уже в темноте.

Ксиа быстро бежал на полусогнутых ногах – такую походку бушмены называли «поглощением ветра». Он мог не сбавлять хода от первых лучей рассвета до ночи. На ходу он разговаривал сам с собой, сам отвечая на собственные вопросы, хихикая над собственными шутками. Не замедляя скорости, он пил воду из роговой бутылки и ел, доставая куски из кожаной сумки, висевшей на его плече.

Ксиа напоминал себе о том, как он хитер и храбр.

– Я – Ксиа, могучий охотник! – заявил он и слегка подпрыгнул. – Я убил огромного слона отравленным наконечником моей стрелы.

Он вспоминал, как шел за тем слоном вдоль берега огромной реки. И упорно преследовал самца долго-долго – за это время молодая луна выросла, а потом опять съежилась.

– Я ни разу не потерял его след! Разве кто-то другой умеет такое? – Он покачал головой. – Нет! Способен ли на такое Баккат? Никогда! Может ли Баккат пустить стрелу точно в вену за ухом, чтобы яд добрался до сердца слона? Не может он так сделать!

Хрупкая стрела из тростника едва могла пронзить толстую слоновью кожу и никак не могла добраться до сердца или легких; охотник должен был найти один из толстых кровеносных сосудов, что подходили к самой поверхности кожи, и только так он имел возможность отравить животное. Понадобилось пять дней, чтобы яд свалил слона.

– Но я шел за ним все это время, танцевал и пел охотничью песню, когда он наконец упал, как гора, и поднял столб пыли высотой с деревья. Разве Баккат способен на такой охотничий подвиг? – спросил Ксиа у горных вершин, окружавших его. – Нет! – ответил он сам себе. – Никогда!

Ксиа и Баккат происходили из одного племени, но не являлись братьями.

– Мы не братья! – громко закричал Ксиа, разозлившись.

Когда-то в их племени жила одна девушка, с кожей светлой, как хохолок птицы ткачика, и лицом в форме сердечка. Губы у нее были полными, как зрелый плод марулы, и ягодицы круглыми, как яйцо страуса, а груди походили на две желтые дыни, согретые солнцем Калахари.

– Она родилась, чтобы стать моей женщиной! – воскликнул Ксиа. – Кулу-Кулу забрал кусок моего сердца, когда я спал, и вложил в эту женщину!

Ксиа не мог заставить себя произнести ее имя. Он выстрелил в нее крошечной любовной стрелой, украшенной перьями голубки, чтобы показать, как сильно он ее хочет.

– Но она ушла! Она не пришла, чтобы лечь в постель охотника Ксиа! Вместо этого она отправилась к презренному Баккату и родила ему троих сыновей! Но я хитер! И эта женщина умерла от укуса мамбы!

Ксиа сам поймал ту змею. Он нашел ее укрытие под плоским камнем. Он привязал перед камнем маленькую голубку в качестве приманки, а когда змея выскользнула из скал, прижал ее к земле раздвоенной палкой. Это была небольшая мамба, длиной всего лишь с его руку, но ее яда хватило бы на то, чтобы убить огромного буйвола. Он положил змею в сумку для сбора трав, когда женщина и Баккат спали. На следующее утро, когда женщина открыла сумку, чтобы положить в нее какой-то корешок, змея трижды укусила ее – один раз за палец и два раза за запястье. Смерть женщины, хотя и быстрая, была ужасна. Баккат рыдал и держал ее на руках. Ксиа, спрятавшись в скалах, видел все это. И теперь воспоминания о ее смерти и горе Бакката доставили Ксиа такое наслаждение, что он запрыгал на двух ногах разом, как кузнецик.

– Нет зверя, который может от меня ускользнуть! Нет человека, который превзойдет меня в хитрости! Потому что я – Ксиа! – закричал он, и эхо ответило ему, отразившись от скал:

– Ксиа! Ксиа! Ксиа!

Когда полковник Кейзер дал ему задание, Ксиа два дня и две ночи сидел, затаившись, на холме и в лесу возле Хай-Уилда, высматривая Бакката. В первое утро он видел, как Баккат вышел из своей хижины на рассвете, зевнул, почесался и засмеялся, выпустив газы из живота. Для бушмена это являлось признаком хорошего здоровья.

Ксиа наблюдал, как Баккат вывел из крааля стадо и погнал к воде. Затаившись в траве, как куропатка, Ксиа видел, как большой белый мужчина с черной бородой – тот, которого они там звали Клебе, Ястреб, – сел на лошадь и выехал со двора. Он был хозяином Бакката, и Ксиа видел, как они сели рядом на корточки посреди поля и, сдвинув головы, долго шептались о чем-то. В поле никто не мог их подслушать. Даже Ксиа не смог подобраться достаточно близко для того, чтобы уловить их слова.

Ксиа усмехался, наблюдая за их тайным советом.

– Я знаю, что ты говоришь, Клебе! Я знаю, ты посылаешь Бакката на поиски своего сына! Я знаю, ты велишь ему соблюдать осторожность, но я, Ксиа, подобен духу ветра, и я увижу, когда они встретятся!

Он видел, как Баккат закрыл на ночь дверь своей хижины, видел свет очага, но до рассвета Баккат не появлялся.

– Ты надеешься убаюкать меня, Баккат, но когда ты попытаешься уйти? Ночью или завтра? – спросил он, наблюдая за хижинкой с холма. – Думаешь, у тебя больше терпения, чем у меня? Посмотрим.

Он видел, как рано утром Баккат осматривает землю вокруг хижины, ища следы врага – кого-нибудь, кто мог шпионить за ним.

Ксиа в восторге обхватил себя руками и потер спину ладонями:

– Неужели ты думаешь, Баккат, что я так глуп, чтобы подойти близко? – Он ведь как раз потому и сидел всю ночь на холме, чтобы не оставлять следов. – Я Ксиа, я следов не оставляю! Даже высоко летающий стервятник не обнаружит мое укрытие!

Весь день он наблюдал, как Баккат занимается своими делами, ухаживая за стадом хозяина. С наступлением ночи Баккат опять ушел в хижину. В темноте Ксиа принялся ворожить. На его расшитом бусами поясе висели маленькие фляжки, выточенные из рога антилопы и плотно закупоренные. Из одной из них он достал щепотку порошка и положил себе на язык. Порошок представлял собой сложную смесь: в нее входил пепел сожженных усов леопарда, смешанный с сухим пометом льва, растертым в пыль, и многие другие тайные компоненты. Ксиа бормотал наговор, пока порошок смешивался с его слюной. Это были чары, которые помогали перехитрить добычу. Потом Ксиа трижды плюнул в сторону хижины Бакката.

– Это очень могучие чары, Баккат! – предупредил он своего врага. – Ни человек, ни зверь не могут им противостоять!

Конечно, так происходило не всегда, но если чары не срабатывали, этому всегда находилась серьезная причина. Иногда ветер резко менял направление, или черный ворон пролетал над головой, или расцветала горькая лилия... Но в остальных случаях чары действовали безупречно.

Произнеся заклинание, Ксиа снова приготовился ждать. Он не ел с прошлого дня, так что теперь достал из своей сумки несколько кусков копченого мяса и проглотил их. Но ни голод, ни ледяной ветер со снежных вершин его не пугали. Как и все в его племени, он привык к боли и трудностям.

Ночь стояла тихая, и это доказывало, что его чары действуют. Ведь даже легкий ветерок мог бы скрыть те звуки, которых он ждал.

Когда луна уже заходила, Ксиа услышал тревожный вскрик ночной птицы, раздавшийся в лесу за хижинкой Бакката. Ксиа кивнул самому себе:

– Там что-то движется.

Несколько минут спустя он услышал, как с криком взлетел из-под деревьев ночной козодой, и по двум этим звукам он определил направление, в котором двигалась его цель. Ксиа спустился с холма, бесшумный, как тень, выверяя каждый шаг босых ног, чтобы ни сухая веточка, ни листья не зашуршали и не выдали его присутствия. Он то и дело останавливался и прислушивался, идя вдоль ручья, и вскоре до него донесся сухой шелест вздыбившихся игл дикобраза. Конечно, дикобраз мог учуять леопарда, но Ксиа знал, что это не так.

Даже самый искусный охотник, как Баккат или даже сам Ксиа, не мог избежать столкновения с ночным козодоем или рыскающим в лесной тьме дикобразом. А этих знаков вполне хватило Ксиа, чтобы определить, куда идет Баккат.

Другой охотник мог совершить ошибку и слишком быстро приблизиться к жертве, но Ксиа не спешил. Он знал, что Баккат будет возвращаться и убедиться в том, что его никто не преследует.

– Он почти так же хорошо знает джунгли, как я. Но я – Ксиа, и подобных мне не существует!

Говоря себе это, Ксиа чувствовал себя сильнее и храбрее.

Он нашел место, где Баккат перебрался через ручей, и в последних лучах луны увидел единственный влажный след ноги на одном из речных валунов. След был размером с детский.

– Баккат! – Ксиа подпрыгнул на месте. – Я на всю жизнь запомнил твои следы! Разве я не видел их сотни раз, пробегая по следам женщины, которая должна была стать моей женой?

Ксиа помнил, как выслеживал их в кустах, и видел, как они совокуплялись, лежа в траве. Эти воспоминания снова разожгли в Ксиа горячую ненависть к Баккату.

– Но больше тебе не попробоваться эти сочные дыни! Ксиа и змея позаботились об этом!

Теперь, когда он точно знал направление, он мог задержаться, чтобы в темноте не угодить в ловушки, которые Баккат наверняка оставлял за собой.

– Он идет в темноте, а значит, не сможет так хорошо скрыть свои следы, как сделал бы это при дневном свете. Я подожду, пока взойдет солнце, и тогда легко прочитаю след.

С первыми утренними лучами он снова двинулся вперед. Влажные отпечатки уже высохли, но через сотню шагов Ксиа нашел сдвинутый с места камешек. Еще сотня шагов – и он увидел сломанный стебель травы, уже начавший увядать.

Ксиа не стал останавливаться, чтобы обдумать увиденное. Ему хватило быстрого взгляда, чтобы убедиться в правильности своего пути. Он улыбнулся и покачал головой, когда нашел место, где Баккат остановился, высматривая преследователя. Поскольку он долго сидел там на корточках, его босые пятки оставили глубокие отпечатки в земле. Потом, намного дальше,

Ксиа увидел, что Баккат сделал широкий круг, путая след, точно так же раненый буйвол поджидает охотников.

Ксиа преисполнился такого самодовольства, что тихо фыркнул и вслух заявил:

– Знай, Баккат: это Ксиа гонится за тобой. Ксиа, который превосходит тебя во всем!

Он старался не думать о девушке со светлой кожей – о том единственном, в чем Баккат его победил.

Следы, уходя в горы, становились все более неуловимыми. Но Ксиа их видел. В одной узкой теснине Ксиа увидел, что Баккат прыгал здесь с камня на камень, не касаясь влажной земли и не тревожа траву и другие растения, кроме серого лишайника, щедро укрывшего камни. Но лишайник был таким сухим и упругим, Баккат – таким легким, а подошвы его ног – такими маленькими и гибкими, что он проносился по лишайнику почти так же, как горный ветер.

Ксиа внимательно всматривался, замечая изменившиеся оттенки там, где лишайника касались ноги Бакката. Ксиа держался в тени, не попадая под лучи восходившего солнца, чтобы не задеть эти пятна – на случай, если бы ему пришлось вернуться и заново их прочесть.

Потом даже Ксиа пришел в растерянность. След повел его вверх по щебнистому склону, и ноги Бакката опять прыгали с камня на камень. Но внезапно, в середине склона, след исчез. Как будто Баккат унесся в небо в когтях орла.

Ксиа вернулся до начала лощины, но ничего нового не увидел. Он снова поднялся туда, где обрывался след, присел на корточки и стал смотреть то в одну сторону, то в другую, надеясь все же заметить легкие перемены в лишайнике, покрывшем камни.

Наконец он снова прибег к помощи магического порошка. Положив в рот щепотку, он растворил смесь в слюне. Закрыв глаза, чтобы дать им отдых, он проглотил смесь. Потом Ксиа приоткрыл глаза – и сквозь ресницы заметил некое легкое движение, едва уловимую тень, как взмах крыльев летучей мыши в сумерках.

Когда Ксиа посмотрел в ту сторону, все исчезло, как не бывало. Во рту у бушмена пересохло, по коже побежали мурашки. Он понял, что его коснулся один из духов диких мест, и то, что он увидел, было воспоминанием о ногах Бакката, пробежавших по камням. Вот только бежали они не вверх, а обратно, вниз, в теснину.

В этот миг Ксиа постигло озарение: он понял по цвету лишайника, что ноги Бакката касались камней дважды, поднимаясь и спускаясь.

Ксиа громко засмеялся:

– Баккат, ты мог бы обмануть кого угодно, только не Ксиа!

Он вернулся в лощину и теперь все увидел отчетливо. Как Баккат взбежал по склону, потом повернул в обратную сторону, ставя ноги точно на те же самые места. Единственным знаком этой хитрости оставалась легкая перемена цвета лишайника.

У самого конца спуска след прошел под низкими ветвями бобовника. На земле рядом со следом лежал кусочек сухой коры, не больше ногтя. Он совсем недавно упал или его сорвали с ветки. В этом месте двойной след на лишайнике снова стал одиночным.

Ксиа опять захохотал:

– Баккат залезал на это дерево, как бабуин, его породивший!

Ксиа выпрямился под низкой веткой, подпрыгнул и забрался на нее. И увидел на коре оставленный Баккатом след. Баккат по ветке дошел до ствола, обогнул его и снова соскользнул на землю.

Еще дважды Баккат загадывал ему загадки. Первая встретила у основания красного утеса и тоже потребовала от Ксиа времени. Но после бобовника он уже постоянно посматривал вверх и быстро нашел место, где Баккат, уцепившись за камни, подтянулся и, висая на руках, перебирался с одного скального выступа к другому, не касаясь ногами земли.

К тому времени, когда Ксиа достиг того места, где Баккат оставил еще одну загадку, солнце уже начало клониться к западу. И эта загадка даже для Ксиа оказалась трудной, она потребовала всей его сообразительности. Ксиа даже охватило суеверное чувство, что Баккат использовал какие-то противодействующие чары или отрастил крылья, как птица. Ксиа проглотил еще щепотку охотничьего порошка, но дух не коснулся его снова. Вместо этого у Ксиа заболела голова.

– Я Ксиа! Ни один человек не может меня обмануть! – заявил бушмен.

Но хотя он произнес это громко и уверенно, он не смог развеять чувство неудачи, медленно овладевавшее им.

А потом он услышал некий звук, приглушенный расстоянием, но совершенно понятный. Эхо, отдавшееся от скал, подтвердило догадку, но в то же время замаскировало направление, так что Ксиа стал поворачивать голову в разные стороны, пытаясь найти отправную точку.

– Выстрел из мушкета, – прошептал он. – Духи меня не предали. Они ведут меня.

Он сошел со следа, поднялся на ближайшую вершину и, присев на корточки, уставился в небо. Довольно скоро он заметил на фоне высокой синевы крошечную черную точку.

– Где ружейный огонь, там сама смерть. А смерть имеет своих верных приспешников.

Появилась еще одна точка, потом сразу множество. Они сливались в кольцо, медленно вращавшееся в небе. Ксиа вскочил и бегом поспешил в ту сторону. Постепенно точки превращались в стервятников, паривших над неким местом; они вытягивали отвратительные голые шеи, всматриваясь вниз.

Ксиа отлично знал все пять типов падальщиков, от обычных коричневых птиц, что обитали на мысе Доброй Надежды, до огромных бородатых стервятников с пестрым горлом и треугольным веером хвоста.

– Спасибо, старые друзья! – крикнул им Ксиа.

С незапамятных времен эти птицы показывали ему и его племени дорогу к еде. Приблизившись к центру птичьего кольца, Ксиа стал двигаться осторожнее, переползая от камня к камню и внимательно оглядывая все вокруг острыми яркими глазами. Потом он услышал людские голоса, доносившиеся с дальней стороны кольца, и, как клуб дыма, словно растаял в воздухе.

Из своего укрытия он наблюдал за троими, грузившими мясо на лошадей. Сомоя – этого он отлично знал. Его лицо было знакомо всем в колонии. Ксиа видел, как Сомоя победил в гонках в день Рождества, обогнав его хозяина. А вот женщина оказалась незнакомкой.

– Это, вероятно, та, кого ищет Гвеньяма. Та, что сбежала с вонючего тонущего корабля, – решил Ксиа.

Он хихикнул, узнав Верную, привязанную рядом с Друмфайром.

– Скоро ты вернешься к хозяину, – пообещал он кобыле.

Потом сосредоточил все свое внимание на маленькой фигуре Бакката, и его глаза сузились от ненависти.

Он следил, как маленький отряд закончил погрузку и скрылся из вида, уйдя по звериной тропе, спускавшейся в долину. Как только они ушли, Ксиа побежал вниз, чтобы поспорить со стервятниками из-за остатков антилопы канны.

На том месте, где Джим перерезал горло антилопе, осталась лужа крови. Она уже свернулась в черное желе; Ксиа зачерпнул ее пригоршней и влил в открытый рот. За последние два дня он лишь слегка перекусил запасами из своей сумки и теперь чувствовал сильный голод. Он облизал с пальцев все до последней капли. Ксиа не мог позволить себе тратить много времени над остовом антилопы, потому что, если бы Баккат оглянулся, он мог заметить, что стервятники не сразу опустились на землю, и тут же понял бы: что-то или кто-то удерживает их в воздухе. К тому же охотники оставили ему не слишком много. На земле валялись лишь длинные тонкие кишки, которые люди просто не смогли унести. Ксиа пропустил их между паль-

цами, чтобы выжать жидкий помет. Но от него остался острый привкус, и Ксиа наслаждался им, жуя кишки. Ему хотелось взять большой камень и разбить длинные кости ног, чтобы высосать жирный костный мозг, но он знал, что Баккат может вернуться к месту охоты и, конечно, сразу заметит столь очевидную улику. Поэтому Ксиа просто взял нож и соскреб остатки плоти с костей. Спрятав эти кусочки в свою сумку, он пучком сухой травы затер следы своих ног. А птицы скоро уничтожат остальные мелкие знаки его присутствия, если он что-то упустил. Когда Баккат вернется, чтобы замести собственные следы, его ничто не насторожит.

Радостно жуя полоску вонючих кишок, Ксиа отправился следом за Баккатом и белой парой. Он не пошел прямо по их следам, а держался в стороне. В трех местах, предугадывая повороты узкой долины впереди, он срезал путь по высоткам, где не могли пройти лошади, и ждал людей на другой стороне. Уже издали он увидел дым над стоянкой в Маджубе и поспешил вперед. С высоты он видел, как трое дошли туда с лошадьми.

Ксиа понимал, что должен немедленно вернуться и сообщить своему хозяину о том, что нашел тайное убежище беглецов, но слишком велик оказался соблазн задержаться и позлорадствовать над своим старым врагом Баккатом. Ксиа не смог ему противиться.

Трое мужчин, белый, черный и желтый, разрезали мясо антилопы на толстые полосы, а женщина сыпала их крупной морской солью из кожаного мешка, потом растерла соль ладонями и разложила мясо на камнях, чтобы оно просолилось и высохло. Мужчины тем временем складывали в большой котел на треноге куски белого жира, чтобы вытопить из него сало для еды или сварить мыло.

Всякий раз, когда Баккат вставал или отходил от остальных, взгляд Ксиа следовал за ним с сосредоточенным вниманием кобры. Ксиа теребил одну из стрел в своем маленьком колчане из коры и мечтал о том дне, когда он сможет пустить отравленную стрелу прямо в Бакката.

Закончив работу с мясом, мужчины занялись лошадьми и мулами, а белая женщина разложила оставшиеся полосы на камнях. Потом она ушла вдоль берега ручья к зеленой заводи, скрытой от стоянки. Сняв чепчик, она встряхнула головой, и ее волосы взлетели сияющим облаком. Ксиа опешил. Он никогда не видел волос такого цвета и длины. Они казались неестественными и пугающими. Головы женщин его племени покрывали пушистые кудряшки цвета зерен перца, к ним было приятно прикасаться и приятно на них смотреть. Только ведьма или еще какое-нибудь отвратительная тварь могла иметь такие волосы, как у этой женщины. Ксиа сплюнул, чтобы отвести любую дурную силу, какую могла испускать женщина.

Она огляделась по сторонам, но ни один человеческий глаз не мог обнаружить бушмена, если тот хотел остаться незамеченным. Потом женщина разделась и остановилась на краю заводи, совершенно нагая. И снова Ксиа ощутил отвращение. Это была вообще не женщина, а некое бесполое существо. Тело выглядело уродливо: ноги неестественной длины, узкие бедра, вогнутый живот и зад изголодавшегося мальчишки. Женщины племени сан славились своими ягодицами.

Между ногами женщины, внизу живота, тоже виднелись волосы. Светлые, цвета песков пустыни Калахари, они были такими жидкими, что даже не скрывали толком ее гениталии. Щель походила на поджатые губы. Матери из родного племени Ксиа еще в младенчестве растягивали половые губы дочерей, подвешивая к ним камни, чтобы те привлекательно выпирали. И для Ксиа огромные ягодицы и висящие половые губы являлись признаками истинной женской красоты.

Только груди выдавали принадлежность этой особы к женскому полу, но и они имели странную форму. Они торчали вперед, и бледные соски походили на уши перепуганной карликовой антилопы дикдик.

Ксиа прикрыл ладонью рот и хихикнул над собственным сравнением.

— Да какой же мужчина может пожелать такое существо? — спросил он себя.

Женщина зашла в воду до самого подбородка. Ксиа решил, что видел достаточно, да и солнце уже садилось. Он спустился ниже и бегом отправился к горе с плоской вершиной, что высилась над южным горизонтом, синяя и призрачная. Ему предстояло бежать всю ночь, чтобы сообщить хозяину новости.

Они сели поближе к небольшому огню в центре хижины, потому что ночи еще оставались холодными. Они съели по толстому бифштексу из антилопы и полакомились жареными почками, печенкой и жиром. Мясной сок перепачкал подбородок Бакката. Когда Джим выпрямился с довольным вздохом, Луиза налила ему кружку кофе. Он благодарно кивнул.

– Хочешь? – предложил он, но Луиза покачала головой:

– Я не люблю кофе.

Это было неправдой. Она пристрастилась к его вкусу, когда жила в Хьюс-Брабанте, но знала, какой это редкий и дорогой напиток. Она видела, как осторожно обращается Джим с маленьким мешочком кофейных зерен, которых явно не могло хватить надолго. А глубокая благодарность Луизы к своему спасителю и защитнику не позволяла ей лишать его того, что доставляло ему столько удовольствия.

– У него резкий и горький вкус, – объяснила она.

Луиза вернулась на свое место на противоположной стороне очага и стала наблюдать в свете огня за лицами мужчин, увлекшихся разговором. Она не понимала их, потому что они говорили на незнакомом языке, но он звучал мелодично и убаюкивающе. Луизу наполняло приятное ощущение сытости и клонило в сон, она не чувствовала себя такой спокойной и довольной с тех пор, как покинула Амстердам.

– Я передал твои слова Клебе, твоему отцу, – сказал Джиму Баккат.

Он в первый раз упомянул то, что занимало их умы. Говорить о важных вещах, пока не настал подходящий момент, считалось у бушменов невежливым.

– Что он ответил? – с волнением спросил Джим.

– Он велел передать тебе привет от него и твоей матери. Сказал, что, хотя ты и оставил в их сердцах дыру, которая никогда не заполнится, ты не должен возвращаться в Хай-Уилд. Сказал, что тот жирный солдат из замка будет ждать твоего возвращения с терпением крокодила, зарывшегося в грязь у берега.

Джим грустно кивнул. Он прекрасно понимал, какие возможны последствия, с того самого момента, когда решил спасти девушку. Но теперь он услышал, что и отец это подтверждает, и изгнание из колонии придавило его, как камень. Он стал настоящим отверженным.

Луиза видела выражение его лица и инстинктивно поняла, что именно она – причина его горя. Она уставилась на пляшущие языки огня, чувство вины ножом вонзилось в ее грудь.

– Что еще он говорил? – тихо спросил Джим.

– Сказал, что боль расставания с единственным сыном стала бы не так сильна, если бы он увидел тебя еще раз перед расставанием.

Джим открыл было рот, чтобы заговорить, но тут же снова его закрыл. А Баккат продолжил:

– Он знает, что ты собираешься пойти по дороге Разбойников на север, в глушь. И сказал, что ты не сможешь выжить там с теми скудными запасами, которые взял с собой. Он хочет передать тебе еще кое-что. Сказал, что это будет твоим наследством.

– Да разве такое возможно? Я не могу вернуться к нему, а он не может прийти сюда. Риск слишком велик.

– Он уже послал твоего дядю Бомву, Дориана, и Мансура с двумя фургонами, нагруженными мешками с песком и ящиками с камнями по западной дороге вдоль побережья. Они отвлекут Кейзера, и твой отец сможет встретиться с тобой в условленном месте. У него другие фургоны – с прощальными дарами для тебя.

– Где же это место встречи? – спросил Джим.

Его охватили облегчение и волнение при мысли о том, что он может повидаться с отцом. Ведь он думал, что они уже расстались навсегда.

– Он не может добраться сюда, в Маджубу. Дорога через горы слишком крута и опасна для фургонов.

– Да, сюда ему не добраться, – согласился Баккат.

– Тогда где?

– Помнишь, как два года назад мы вместе путешествовали вдоль границ колонии? – спросил Баккат, и Джим кивнул. – Мы прошли тогда через тайный перевал у реки Гариеп¹.

– Помню.

Это путешествие было главным приключением в жизни Джима.

– Клебе проведет фургоны через тот перевал и встретится с тобой на краю неизведанных земель, на равнине, у небольшого холма в форме головы бабуина.

– Да, мы там охотились и убили большого сернобыка. Как раз перед возвращением в колонию. – Джим ярко припомнил то разочарование, которое он испытал, когда они повернули в обратную сторону. – Я так хотел пойти дальше, к следующему горизонту и к следующему, пока не достиг бы края земли...

Баккат засмеялся:

– Ты всегда был нетерпеливым мальчишкой и до сих пор остаешься таким. Твой отец встретится с тобой у холма Голова Бабуина. Ты можешь добраться туда без меня, Сомоя? – Он с легкой насмешкой посмотрел на Джима. – Но твой отец выйдет из Хай-Уилда только в том случае, если будет уверен, что Кейзер отправился за Бомву и Мансуром, и когда я вернусь с твоим ответом.

– Передай отцу, что я приду туда.

Баккат встал и потянулся за луком и колчаном.

– Но ты не можешь уйти прямо сейчас, – сказал Джим. – Еще темно, а ты не отдыхал как следует с тех самых пор, как вышел из Хай-Уилда.

– Меня поведут звезды. – Баккат направился к двери хижины. – И Клебе велел мне возвращаться сразу же. Увидимся снова у Головы Бабуина. – Он перешагнул порог и оглянулся, улыбаясь Джиму. – А до тех пор будь спокоен, Сомоя. И всегда держи Велангу рядом, потому что мне кажется, что, хотя она пока еще молода, из нее получится прекрасная женщина, похожая на твою мать.

С этими словами он исчез в ночи.

Баккат двигался в ночи так же быстро, как любая из ночных тварей, но он поздно вышел из Маджубы, и утренний свет уже усиливался, когда он добрался до скелета антилопы канны. Баккат сел рядом с ним на корточки и стал высматривать следы, способные подсказать ему, кто или что побывали здесь со вчерашнего дня. Стервятники, сгорбившись, расселись на окрестных скалах. Земля вокруг скелета была усыпана их перьями, камни вокруг останков антилопы покрылись белыми потеками их жидкого помета. Когти птиц исцарапали землю, но Баккат смог различить следы шакалов и прочих мелких зверей на мягкой почве. Следов гиен здесь не обнаружилось, но это и не удивляло: высоко в горах было слишком холодно для них в это время года. Скелет, хотя и обглоданный дочиста, оставался целым. Гиены бы разгрызли кости.

Если сюда и заглядывал какой-то человек, все его следы стерлись. Однако Баккат был уверен, что его никто не выследил. Мало кто мог распутать оставленный им след. Потом его взгляд остановился на ребрах антилопы, белых и гладких. Вдруг Баккат тихо, тревожно присвистнул, и его уверенность пошатнулась.

¹ Гариен – одно из названий Оранжевой реки.

Он коснулся голых ребер, провел пальцами по одному, потом по другому... Едва заметные следы на них могли быть естественными или же оставленными кем-то из падальщиков. Но Баккат ощутил тошнотворное сомнение, от которого сжался его желудок. Нет, эти отметины выглядели слишком ровными и равномерными, их оставили не зубы, а орудие. Кто-то соскребал остатки мяса ножом...

Но если это был человек, то он наверняка оставил бы следы обуви, подумал Баккат и начал оглядывать землю вокруг скелета, достаточно далеко – там, где почву не истоптали трупоеды. Ничего! Он вернулся к скелету и снова изучил его. Может, человек был бос, подумал он. Но готтентоты носили сандалии, да и что кому-то из них делать в горах в это время? Они пасут стада на равнинах. Неужели за ним действительно кто-то шел? «Но только один охотник мог прочитать мои следы, – подумал Баккат. – Охотник, который ходит босым? Из племени сан? Кто-то из моего рода?»

Он размышлял над этим и все сильнее тревожился. «Нужно ли мне идти в Хай-Уилд или вернуться и предупредить Сомою?» Баккат колебался, потом наконец принял решение. «Я не могу идти сразу в обе стороны. Я должен идти вперед. Это мой долг. Я должен донести весть до Клебе».

Теперь, утром, он мог двигаться намного быстрее. На бегу его глаза не оставались в покое, ни один звук или запах, сколь угодно слабый, не ускользал от его внимания. Когда он огибал заросли низких кустов, обросших серым мхом, его ноздри раздулись – он уловил запах фекалий. Баккат свернул в сторону, чтобы найти источник запаха, и через несколько шагов обнаружил его. Одного взгляда ему хватило, чтобы определить: это оставлено плотоядным существом, недавно евшим кровь и мясо. Фекалии были черными, полужидкими, зловонными.

Шакал? Но Баккат сразу понял, что это не так. Это должен быть человек, потому что рядом лежали грязные листья, которыми он подтирался. Только племя сан пользовалось листьями умывального куста для таких целей: эти листья были сочными и мягкими, и, когда их растирали между ладонями, они истекали травяным соком.

Теперь Баккат знал, что это тот же самый человек, который ел мясо антилопы, а потом опорожнил кишечник вот тут, у тропы, что вела от Маджубы вниз, с гор; и этот человек был из его собственного племени. Но, кроме самого Бакката, сколько опытных охотников-сан жили в колонии? Его народ предпочитал пустыни и джунгли.

И тут инстинкт подсказал Баккату, кто это должен быть.

– Ксиа! – прошептал он. – Ксиа, мой враг, шел за мной и узнал мои тайны! А теперь спешит в крепость, к своему хозяину. И вскоре они помчатся к Маджубе с множеством всадников, чтобы схватить Сомою и Велангу...

Бакката снова охватила страшная неуверенность.

– Должен ли я вернуться и предупредить Сомою или спешить в Хай-Уилд? Насколько Ксиа опередил меня?

И опять Баккат пришел к тому же решению:

– Сомоя уже ушел из Маджубы. Кейзер и его люди будут двигаться медленнее, чем Сомоя. Если я поспешу, то смогу предупредить и Клебе, и Сомою, прежде чем их нагонит Кейзер.

И он побежал так, как редко бегал прежде, словно за ним гнался голодный лев.

Ксиа добрался до колонии ночью. Ворота крепости были заперты, их не открыли бы до утренней побудки и подъема флага Голландской компании на рассвете. Но Ксиа знал, что в эти дни Гвеньяма, его хозяин, редко ночевал в своей роскошной квартире внутри крепостных стен. У него имелось в городе новое увлечение.

Совет компании в Амстердаме издал строгий указ, согласно которому живущим в колонии бюргерам, а тем более служащим компании запрещалось вступать в интимные отношения с аборигенами. Но, как и многие другие законы Семнадцати, этот существовал лишь на бумаге,

и полковник Кейзер имел маленький домик в глубине садов компании. Домик стоял в конце немощенной аллеи, его скрывала высокая живая изгородь из вечнозеленых кустов лантаны. Ксиа не стал тратить время зря, споря со стражей у ворот крепости. Он напрямик направился к любовному гнездышку полковника и проскользнул сквозь брешь в изгороди. В кухне в задней части коттеджа горела лампа, и Ксиа тихонько постучал в окно. Между лампой и стеклом мелькнула тень, знакомый бушмену женский голос спросил:

– Кто там?

Голос женщины звучал резко и нервно.

– Шала! Это Ксиа, – ответил он на языке готтентотов.

Послышался скрип отпираемого дверного засова. Женщина распахнула дверь и выглянула наружу. Она лишь ненамного превосходила Ксиа ростом и походила на ребенка, хотя ребенком не являлась.

– Гвеньяма здесь? – спросил Ксиа.

Она покачала головой.

Ксиа с удовольствием смотрел на нее: готтентоты состояли в родстве с племенем сан, и для Ксиа Шала представляла собой идеал прекрасной женщины. Ее кожа в свете лампы отличалась янтарем, темные глаза были слегка раскосыми, скулы – высокими и широкими, а подбородок – узким настолько, что ее лицо напоминало перевернутый наконечник стрелы. Голову женщины, безупречно круглую, покрывали мягкие кудряшки цвета перца.

– Нет, он ушел, – сказала она и открыла дверь шире, приглашая Ксиа войти.

Ксиа колебался. Со времени их прошлых встреч он постоянно видел в воображении Шалу. Она для него была чем-то вроде одного из пустынных цветков суккулентов, вроде кактуса, со свежими пурпурными лепестками. К тому же ему доставляло невероятное удовольствие черпать из горшка с овсянкой, принадлежавшего его хозяину.

Шала как-то раз рассказала Ксиа о мужских достоинствах полковника:

– Это похоже на клюв нектарницы. Тоненький и изогнутый. Он только слегка коснулся моего нектара и тут же упорхнул.

Мужчины племени сан славилась сексуальной выносливостью и размерами своих пенисов, совершенно не соответствовавших их маленькому росту. А Шала, имевшая в этом деле немалый опыт, считала Ксиа выдающимся образцом своего народа.

– А где он?

Ксиа разрывался между долгом и искушением.

– Он еще вчера ускакал куда-то с десятком своих людей.

Шала взяла Ксиа за руку и втощила в кухню, тут же закрыв за ними дверь и заперев ее на засов.

– Но куда они поехали? – спросил Ксиа.

Шала уже стояла перед ним, развязывая пояс халата. Кейзеру безумно нравилось наряжать ее в яркие индийские шелка, увешивать жемчугом и одарять разными пышными нарядами и украшениями, которые он во множестве покупал на складах братьев Кортни.

– Он сказал, что они поедут следом за фургонами Бомву, рыжеволосого, – пояснила Шала и позволила халату соскользнуть на пол.

Ксиа судорожно вздохнул. Не важно, как часто он видел эту грудь; она всегда вызвала у него восторженное потрясение.

– Зачем ему ехать за теми фургонами?

Ксиа протянул руки к грудям женщины и сжал их.

Она мечтательно улыбнулась и придвинулась к нему ближе.

– Он сказал, фургоны приведут его к беглецам, к Сомое, сыну Кортни, и к той женщине, которую он похитил во время кораблекрушения.

В голосе Шалы слышалась легкая хрипота. Она подняла край юбки Ксиа и сунула под нее руку. Похотливо прищурившись, она улыбнулась, показав маленькие белые зубки.

– У меня мало времени, – предупредил он.

– Тогда давай поспешим.

И она опустилась перед ним на колени.

– В какую сторону он поехал?

– Я наблюдала за ними с вершины Сигнального холма, – сообщила женщина. – Они отправились по прибрежной дороге на запад.

Пошире расставив колени, она уперлась локтями в пол для большей устойчивости; Ксиа, обойдя ее сзади, опустился на колени и, взяв ее за бедра, притянул к себе. Она тихонько взвизгнула, когда он раздвинул свежие темные лепестки и вошел глубоко...

...Наконец Шала пронзительно вскрикнула от наслаждения и упала на пол посреди кухни, сладострастно постанывая.

Ксиа стоял над ней, приводя в порядок свою кожаную юбку. Подняв лук и колчан, он повесил их на плечо.

– Когда ты вернешься? – Шала приподнялась и села, дрожа всем телом.

– Как только смогу, – пообещал Ксиа и исчез в темноте за дверью.

Когда Баккат поднялся на холмы над Хай-Уилдом, он увидел, что все поместье пребывает в необычной суете. Все до единого слуги лихорадочно работали. Погонщики фургонов и мальчишки-вожатые выводили из загонов в дальней части главного пaddock волов. Их запрягали по двенадцать в четыре упряжки и гнали по дороге к главному дому. Другая группа пастухов собирала небольшие стада овец с жирными хвостами, молочных коров с маленькими телятами и запасных волов, и все это медленно тянулось на север. Первые стада ушли уже так далеко, что казались почти неразличимыми точками в поднятой ими же самими пыли.

– Так, они уже идут к перевалу у реки Гариеп, на встречу с Сомоей.

Баккат удовлетворенно кивнул и стал спускаться вниз по холму.

Как только он вошел во двор, он увидел, что подготовка к отъезду идет полным ходом. На погрузочном пандусе перед складами Том Кортни, в рубашке без жилета, раздавал приказания людям, укладывавшим в фургоны последние ящики с грузом.

– Что в том ящике? – требовательно спросил он. – Он мне незнаком.

– Мистрис велела это положить. Я не знаю, что там. – Слуга пожал плечами. – Наверное, женские вещи.

– Клади его во второй фургон. – Том повернулся и заметил Бакката, пересекавшего двор. – Я тебя увидел, когда ты еще спускался с холма. Ты становишься выше с каждым днем, Баккат.

Баккат усмехнулся от удовольствия, расправил плечи и немножко выпятил грудь:

– Вижу, твой план осуществляется, Клебе?

Это был скорее вопрос, чем утверждение.

– Через несколько часов после того, как Бомву повел фургоны вдоль западного берега, Кейзер со своими людьми погнался за ним. – Том рассмеялся. – Но я не знаю, когда он сообщит, что следует за ложной целью, и примчится обратно. Нам нужно исчезнуть как можно скорее.

– Клебе, я принес дурные вести.

Том увидел выражение лица маленького мужчины, и его улыбка исчезла.

– Пошли! Отойдем подальше, чтобы поговорить наедине.

Он повел Бакката в склад и внимательно выслушал подробный рассказ бушмена обо всем, что произошло во время его пребывания в горах. И вздохнул с облегчением, когда услышал, что их догадки подтвердились и Баккат нашел Джима в Маджубе.

– В общем, Сомоя, Зама и та девушка уйдут из Маджубы и отправятся к месту встречи на границе колонии, у Головы Бабуина, – продолжил Баккат.

– Но это хорошие новости, – заявил Том. – Так почему у тебя такой мрачный вид?

– За мной следили, – признался Баккат. – Кое-кто последовал за мной до самой Маджубы.

– Кто это был? – Том не смог скрыть тревогу.

– Один сан, – ответил Баккат. – Опытный охотник из моего племени, единственный, кто может со мной равняться. Тот, кто видел, как я ухожу из Хай-Уилда.

– Охотничий пес Кейзера! – в бешенстве воскликнул Том.

– Да, это Ксия, – согласился Баккат. – Он перехитрил меня, а теперь должен спешить за своим хозяином. И через несколько дней поведет Кейзера в Маджубу.

– Сомоя знает, что Ксия их обнаружил?

– Я сам заметил его след только тогда, когда уже находился на полпути назад от Маджубы. И решил сначала предупредить тебя, – сказал Баккат. – Теперь я могу вернуться к Сомое, предупредить его и увести от опасности.

– Но ты должен добраться до него прежде, чем доберется Кейзер.

Грубоватое лицо Тома исказилось от беспокойства.

– Ксия должен сначала вернуться в Маджубу и уже потом будет искать следы Сомои, – пояснил Баккат. – Кейзер со своими людьми будут идти медленно, они не привыкли к горным тропам. Им придется сильно отклониться на юг. А я могу пройти через горы напрямик на север, обогнать их и найти Сомою раньше.

– Так отправляйся поскорее, старый друг! – попросил Том. – Я отдаю в твои руки жизнь моего сына!

Баккат кивнул, прощаясь:

– Мы с Сомоей будем тебя ждать у Головы Бабуина.

Баккат повернулся, чтобы уйти, но Том окликнул его.

– Та женщина... – Том умолк ненадолго, не в силах смотреть в лицо маленькому человеку. – Она еще с ним? – ворчливо спросил он.

Баккат кивнул.

– А она... – Том опять замолчал, потом попытался задать вопрос по-другому: – Что она...

Баккат сжался над ним:

– Я дал ей имя Веланга, потому что ее волосы похожи на солнечный свет.

– Я не это хотел узнать.

– Думаю, Веланга будет идти рядом с ним долго-долго. Может быть, всю жизнь. Ты это имел в виду?

– Да, Баккат, именно это.

С возвышения погрузочной площадки Том проводил взглядом бушмена, выбежавшего за ворота и повернувшего к горам. Том гадал, когда маленький человек в последний раз отдыхал или спал, но вопрос не имел смысла. Баккат мог держаться столько времени, сколько требовал от него долг.

– Том!

Он услышал голос жены и, обернувшись, увидел, что она спешит к нему со стороны кухни. К своему удивлению, он обнаружил, что она надела бриджи, верховые сапоги и широкополую соломенную шляпу, подвязав ее под подбородком широкой красной лентой.

– Зачем приходил Баккат?

– Он нашел Джима.

– А девушку?

– Да, и девушку, – неохотно кивнул Том. – Ее тоже.

– Тогда почему мы до сих пор не выехали? – требовательно спросила Сара.

– Мы? – переспросил Том. – *Мы* никуда не едем. Но я буду готов к отъезду через несколько часов.

Сара уперлась в бока сжатыми кулаками. Том знал, что это первые признаки близкого извержения вулкана.

– Томас Кортни! – ледяным тоном заговорила Сара, а в ее глазах вспыхнул воинственный огонь. – Джеймс – мой сын! Мое единственное дитя! Неужели ты мог хоть на мгновение подумать, что я буду сидеть здесь, в своей кухне, в то время как ты поскачешь попрощаться с ним, и, может быть, навсегда?

– Я передам ему твою материнскую любовь, – предложил Том. – А когда вернусь, подробно опишу тебе ту девушку.

Он пытался еще немного спорить. Но когда выехал из ворот Хай-Уилда, Сара скакала рядом с ним. Она вздернула голову и изо всех сил старалась сдержать победоносную улыбку. Покосившись на мужа, она ласково сказала:

– Том Кортни, ты до сих пор самый красивый из всех мужчин, каких только я видела, если не считать тех минут, когда ты дуешься.

– Я не дуюсь. Я никогда не дуюсь, – с надутым видом возразил Том.

– Давай наперегонки до брода, – предложила Сара. – Победитель заслужит поцелуй.

Она подстегнула свою кобылу и рванулась вперед. Том попытался сдержать своего жеребца, но тот горел желанием помчаться вслед.

– Ладно, черт с тобой!

Том пустил коня вперед. Но он дал кобыле слишком большую фору, а Сара являлась отличной наездницей.

Она ждала его у брода с разгоревшимися щеками и сверкающими глазами.

– Где мой поцелуй? – спросила она.

Том наклонился в седле, чтобы по-медвежьи обнять ее.

– Это только первый взнос, – пообещал он, отпуская жену. – Полностью рассчитаюсь ночью.

Джим обладал отличным чувством направления, но Баккат знал, что он все же может ошибиться. Он помнил, как однажды Джим ускользнул из лагеря жарким полуднем, когда все остальные спали. Джим заметил на горизонте маленькое стадо сернобыков, а поскольку у них кончалось мясо, погнался за ними. Три дня спустя Баккат отыскал его в горах; Джим бродил кругами, ведя за собой охромевшую лошадь, и умирал от жажды.

Джим не желал вспоминать о том случае и, прежде чем они расстались в Маджубе, внимательно выслушал наставления Бакката: бушмен объяснил, как лучше всего пройти через горы, следуя хорошо заметным звериным тропам, по которым веками брели слоны и стада канн.

Одна из этих троп приведет Джима к броду на реке Гариеп, туда, где река выходила на равнину у границы колонии и начинались джунгли. С того места холм Голова Бабуина отчетливо вырисовывался на восточном горизонте. Баккат знал, что Джим точно станет следовать его указаниям, поэтому ясно представлял, где Джим может находиться сейчас и где его можно перехватить.

Баккат срезал путь через предгорья и, углубившись далеко на север, повернул к главному хребту и поднялся между высокими скалами янтарного цвета в горные долины. На пятый день после ухода из Хай-Уилда он вышел на след. С двумя подкованными лошадьми и шестью тяжело нагруженными мулами отряд оставлял за собой настоящую широкую дорогу. Еще до полудня бушмен догнал его. Но он не стал сразу показываться на глаза, а вместо этого обогнал их и ждал у звериной тропы, по которой отряд должен был пройти.

Баккат видел, что Джим ехал впереди. Когда Друмфайр поравнялся с тем местом, где он прятался, Баккат выскочил из-за валуна, как джинн из лампы, и пронзительно крикнул:

– Нашел тебя, Сомоя!

Друмфайр так испугался, что шарахнулся в сторону. Джим, тоже захваченный врасплох, упал на шею коня, а Баккат захохотал над собственной шуткой.

Джим моментально восстановил равновесие и поскакал за Баккатом, удиравшим по звериной тропе и продолжавшим хохотать. Джим сорвал с себя шляпу и, наклонившись в седле, хлопнул ею бушмена по голове и плечам:

– Ты просто ужасный маленький человек! Ты такой маленький, такой крошечный, что я тебя и не заметил!

Эти оскорбления вызвали у Бакката такой приступ веселья, что он упал и стал кататься по земле.

Когда Баккат наконец смог встать, Джим внимательно осмотрел его, пока они приветствовали друг друга уже немного более официально. Ему стало ясно, насколько измотан бушмен. Хотя его племя славилось выносливостью и силой духа, за последнюю неделю Баккату пришлось пробежать более сотни лиг по горам, и он не давал себе времени ни поесть, ни как следует напиться, ни выспаться. Его кожа из золотистой и блестящей превратилась в серую и пыльную, словно пепел последнего ночного костра. Голова походила на череп, а скулы просто выпирали из-под кожи; глаза глубоко провалились. Бушменам ягодыцы служили так же, как горб верблюду: когда бушмен хорошо питался и отдыхал, они становились царственными и покачивались независимо друг от друга на ходу. Но зад Бакката исчез в складках обвисшей кожи. Ноги и руки стали тонкими, как лапки богомола.

– Зама! – крикнул Джим, когда на тропе появились мулы. – Распакуй один тюк с чаггой!

Когда Баккат начал доклад, Джим остановил его.

– Сначала поешь и напейся, – приказал он. – Потом – спать. Поговорить мы можем и потом.

Зама снял с мула один из кожаных мешков, набитых *чаггой* – продуктом из мяса антилопы: соленые полоски мяса наполовину высушивали на солнце, а потом упаковывали в мешок так плотно, что ни воздух, ни мухи не могли до них добраться. Видимо, первые путешественники по Африке заимствовали эту идею у индейцев Северной Америки, делавших пеммикан. Подготовленное таким образом мясо не портилось и могло храниться бесконечно долго. В нем сохранялась влага, и, хотя на вкус оно было странным и слегка с душком, соль маскировала признаки порчи. И оно всегда было готово к употреблению.

Усевшись в тени у ручейка, Баккат принялся за еду; перед ним лежала целая гора черной чагги. Луиза, искупавшись в одной из заводей выше по течению, вернулась и села рядом с Джимом; они стали наблюдать за Баккатом.

Через некоторое время Луиза спросила:

– Сколько еще он может съесть?

– Да он еще только входит во вкус, – ответил Джим.

Намного позже Луиза пробормотала:

– Ты посмотри на его живот! Он начинает раздуваться.

Баккат встал и, подойдя к воде, опустил на колени.

– Наконец-то наелся! – решила Луиза. – Я думала, он будет есть, пока не лопнет.

– Нет, – покачал головой Джим. – Ему просто нужно освободить место для следующей порции, вода поможет.

Баккат вернулся от ручья с мокрым подбородком и напал на очередную гору чагги с неослабевающим аппетитом.

Луиза хлопнула в ладоши и засмеялась от изумления:

– Он же такой маленький, это просто невозможно! Он что, и не намерен останавливаться?

Но Баккат наконец остановился. С видимым усилием он проглотил последний кусок. Потом сел, скрестив ноги, стеклянными глазами посмотрел вокруг и громко икнул.

– Вид у него такой, словно он на восьмом месяце беременности. – Джим показал на вздувшийся живот бушмена.

Луиза покраснела, услышав столь неуместное сравнение, но не смогла сдержать улыбку. Описание оказалось и правда слишком точным. Баккат улыбнулся ей в ответ, потом свалился набок, свернулся калачиком и захрапел.

Утром его щеки чудесным образом округлились, а зад, хотя и не вернул еще прежнего великолепия, все же отчетливо вырисовывался под юбкой. Он с прежним удовольствием набросился на завтрак, а затем наконец, набравшись сил, приготовился представить Джиму полный отчет.

Джим слушал его в основном молча. Когда Баккат сообщил о том, как обнаружил преследование Ксиа, и сказал, что тот уже наверняка ведет Кейзера в Маджубу, а оттуда они пойдут по их следам, Джим явно встревожился. Но потом Баккат передал ему нежный привет от отца и сообщение о поддержке. Темные тучи, окружившие Джима, развеялись, лицо озарилось привычной улыбкой. Когда Баккат договорил, оба какое-то время сидели молча. Потом Джим встал и отправился к заводу.

Он сел на ствол упавшего дерева и погрузился в тяжелые размышления. Отломив кусок гнилой коры, он увидел под ней белых личинок и стряхнул их в воду. Тут же к поверхности воды поднялась большая желтая рыба и проглотила их.

Наконец Джим вернулся туда, где его терпеливо ждал Баккат, и присел на корточки лицом к бушмену.

– Мы не можем идти к реке Гариеп, если за нами гонится Кейзер. Мы приведем его напрямик к моему отцу и фургонам.

Баккат кивнул.

– Мы должны увести его в сторону, сбить со следа, – добавил Джим.

– Ты обладаешь мудростью и пониманием, не свойственными твоим годам, Сомоя.

Джим уловил сарказм в голосе бушмена. И мягко ткнул Бакката в плечо:

– Тогда скажи мне, принц клана Хорька племени сан, что нам делать?

Баккат повел их широким извилистым кругом, прочь от реки Гариеп, а потом обратно той же дорогой, какой они пришли сюда, по тем же тропам и тем же долинам, пока они не вернулись к Маджубе. Но остановились они в половине лиги от хижины, разбив лагерь на восточной стороне водораздела. Они не разжигали огня, ели все холодным и легли спать, завернувшись в накидки из шкур шакалов. В течение того дня мужчины по очереди поднимались повыше с подозрительной трубой Джима и наблюдали за Маджубой, чтобы сразу увидеть, когда туда явятся Ксиа, Кейзер и солдаты.

– Им не сравниться со мной в скорости здесь, в горах! – хвастал Баккат. – Они придут не раньше чем послезавтра. Но до тех пор мы должны хорошо прятаться, потому что у Ксиа глаза стервятника и чутье гиены.

Джим и Баккат соорудили у гребня укрытие из сухих веток кустарника и травы. Баккат внимательно осмотрел его с разных сторон, убеждаясь, что укрытие невидимо. Оставшись доволен, он предупредил Джима и Заму, что нельзя пользоваться подозрительной трубой, когда солнце стоит под таким углом, потому что лучи могут отражаться в стеклах.

Джим взял на себя первую вахту.

Устроившись поудобнее, он погрузился в мечтательные раздумья. Он думал об обещании отца доставить фургоны с провизией и снаряжением. С такой помощью его фантазии о путешествии на край этой огромной земли могли стать реальностью. Джим думал о приключениях, ожидавших его и Луизу, и о чудесах, которые они могут обнаружить в неизведанной дали. Он

помнил легенды о речных берегах, усыпанных золотыми слитками, об огромных стадах слонов, о пустынях, вымощенных сверкающими алмазами...

Внезапно его вернул к реальности шум скатившегося со склона камня за его спиной. Джим машинально потянулся к пистолету за поясом. Но он не мог рисковать, стрелять было нельзя. Баккат уже выбрал его за выстрел из мушкета, которым он свалил антилопу, ведь именно этот звук привел к ним Ксиа.

– Ксиа никогда бы не распутал мой след, если бы ты сам его не направил, Сомоя. Твой выстрел нас выдал.

– Прости меня, Баккат, – иронично извинялся Джим. – К тому же я знаю, что ты просто ненавидишь вкус чагги из мяса антилопы. Куда лучше, если бы мы просто померли с голоду.

Но теперь Джим отвел руку от пистолета и потянулся к рукоятке ножа. Его лезвие было длинным и острым, и Джим держал его так, чтобы в любой момент нанести удар, но тут он услышал шепот Луизы за стеной укрытия:

– Джим?

Тревога Джима тут же сменилась радостью, лишь стоило ему услышать ее голос.

– Забирайся сюда побыстрее, Ёжик! Не высовывайся!

Луиза проползла через низкий вход. Внутри едва хватало места для них обоих. Они сидели рядом, всего в нескольких дюймах друг от друга. Наступило неловкое молчание. Нарушил его Джим:

– Там все в порядке?

– Да, все спят. – Луиза не смотрела на него, но невозможно было не ощущать его присутствия.

Джим находился так близко, и от него пахло потом, кожей, лошадьми... Он был таким сильным и мужественным, что Луиза смущалась и волновалась.

Темные воспоминания смешивались с новыми чувствами, противоречившими мраку, и Луиза постаралась отодвинуться как можно дальше от Джима. Он мгновенно сделал то же самое.

– Тесновато здесь, – сказал он. – Баккат построил все под свои размеры.

– Я не собиралась... – начала она.

– Я понимаю, Ёжик, – перебил ее Джим. – Ты уже объясняла.

Она покосилась на него краем глаза, но с облегчением увидела, что он искренне улыбается. За последнее время она поняла, что «Ёжик» – это не упрек или оскорбление, а просто дружеское поддразнивание.

– Ты как-то говорил, что хотел бы держать одного дома.

– Что? – Джим явно ее не понял.

– Ежика. Так почему бы тебе не поймать его?

– Не так-то это легко. Я не встречал их в Африке, – усмехнулся Джим. – Только видел в книгах. Ты для меня первый живой ежик. Ты ведь не против, что я тебя так называю?

Луиза немножко подумала и поняла, что теперь Джим даже не поддразнивает ее, а использует это слово как ласковое обращение.

– Сначала возражала, но теперь привыкла, – сказала она. И тихо добавила: – Позволь тебе сказать, что ежики – очень милые маленькие существа. Нет, я не слишком возражаю.

Они снова замолчали, но теперь в их молчании не ощущалось напряжения и неловкости. Через какое-то время Луиза проделала для себя дырку в передней травяной стенке укрытия. Джим дал ей подзорную трубу и показал, как ее настраивать.

– Ты мне говорила, что ты сирота. Расскажи о своих родителях, – попросил он.

Вопрос изумил Луизу, она вспыхнула. Он не имел права спрашивать об этом. Она сосредоточенно смотрела в подзорную трубу, ничего не говоря. Потом ее гнев утих. Она поняла, что

ей самой необходимо поговорить о своей потере. До сих пор она не могла этого сделать, даже с Элизой, пока еще доверяла этой немолодой женщине.

– Мой отец был учителем, добрым и мягким. Он любил книги, любил учиться и учить...

Луиза начала почти неслышно, но постепенно ее голос окреп, стал увереннее по мере того, как она вспоминала все прекрасное, любовь и доброту отца и матери...

Джим тихо сидел рядом с ней, иногда задавая вопросы, подталкивая к дальнейшему рассказу. Он словно вскрывал некий абсцесс в ее душе и выпускал яд и боль. Луиза чувствовала растущее доверие к нему, как будто могла рассказать ему все, и он каким-то образом понял бы ее. Казалось, она затерялась в прошлом, пока ее не вернул в настоящее тихий шорох у задней стенки укрытия.

Голос Бакката что-то спросил. Джим ответил, и Баккат ушел так же бесшумно, как появился.

– Что он сказал? – спросила Луиза.

– Он пришел сменить меня, но я пока его отослал.

– Я слишком много говорила. Который час?

– Здесь время мало что значит. Продолжай. Мне нравится тебя слушать.

Когда она рассказала все, что могла припомнить о своих родителях, они стали говорить о других вещах, обо всем, что приходило в голову Луизе или к чему подталкивали ее вопросы Джима. Она ощущала радость, потому что снова могла свободно говорить с кем-то.

Теперь, когда Луиза расслабилась и перестала постоянно обороняться, Джим, к собственному восторгу, обнаружил, что девушка обладает тонким и острым чувством юмора; она могла быть веселой и самокритичной, иногда проявляла прекрасную наблюдательность или плутовскую иронию. Ее английский был великолепен, куда лучше его голландского, но от акцента многое звучало свежо и необычно, а ее редкие ошибки казались очаровательными.

Ее образованием занимался отец, и он вооружил ее обширными знаниями и пониманием многих вещей, к тому же она путешествовала по таким краям, которые зачаровывали Джима. Англия была родиной его предков и духовной родиной, но он никогда там не бывал, а Луиза описывала ему виденные своими глазами картины и места, о которых Джим слышал от своих родителей, однако видел только на иллюстрациях в книгах.

Часы текли, и лишь когда длинные тени гор упали на маленькую хижину, Джим заметил, что день почти закончился. Он со стыдом сообразил, что пренебрег своими обязанностями наблюдателя и не слишком часто выглядывал через дырку в стене за эти несколько часов.

Наклонившись вперед, он всмотрелся в горный склон. Луиза подпрыгнула от неожиданности, когда его рука легла ей на плечо.

– Они здесь!

Голос Джима прозвучал напряженно, но в первое мгновение Луиза его не поняла.

– Кейзер с солдатами!

Сердце Луизы бешено забилося. Она с трепетом посмотрела в отверстие и заметила движение в долине далеко внизу. Колонна всадников переходила ручей, но на таком расстоянии рассмотреть их как следует не представлялось возможным. Джим схватил подзорную трубу, лежавшую на коленях Луизы. Взглядом проверил, достаточно ли низко стоит солнце. Хижина уже находилась в тени, так что можно было не бояться отражения лучей в линзах. Он быстро настроил трубу по своим глазам.

– Их ведет Ксиа, бушмен. Я знаю эту мелкую старую свинью. Он хитер, как бабуин, и опасен, как раненый леопард. Они с Баккатом – смертельные враги. Баккат клянется, что Ксиа убил его жену с помощью черных чар. Говорит, что Ксиа заморозил мамбу и та ужалила женщину.

Глядя в подзорную трубу, он продолжил говорить о том, что видел:

– Сразу за Ксиа – Кейзер. Едет на сером. Хорошая лошадь. Кейзер богатый человек, он получает много взяток и много ворует у компании. У него одна из лучших конюшен во всей Африке. Они появились на целый день раньше, чем ожидал Баккат.

Луиза чуть придвинулась к нему. По ее спине ползли ледяные мурашки страха. Она прекрасно знала, что произойдет с ней самой, если она попадет в лапы Кейзера.

Джим повернул трубу:

– Так, за Кейзером едет капитан Херминиус Коотс. Дева Мария, вот кто мерзкий тип! О нем такое рассказывают, что ты бы покраснела или в обморок упала. Потом сержант Оудеман. Он главный приятель Коотса, у них одинаковые вкусы. Интересуются они в основном золотом, убийствами и тем, что прячется под юбками.

– Джим Кортни, я буду тебе очень благодарна, если ты не будешь говорить такое. Помни, я женщина.

– Тогда мне незачем тебе ничего объяснять, правда, Ёжик?

Джим усмехнулся. Луиза попыталась изобразить на лице строгость, но он проигнорировал ее неодобрение и продолжил перечислять людей из отряда Кейзера:

– Капралы Рихтер и Ле Рич ведут запасных лошадей... – Он насчитал десятков в небольшом табуне, что следовал за отрядом. – Нечего и удивляться, что они так быстро добрались. С таким-то количеством лошадей! Да они могли гнать во весь опор.

Потом он резко сложил подозрную трубу.

– Теперь я тебе объясню, что мы должны делать. Мы должны увести Кейзера подальше от реки Гариеп, где нас будет ждать мой отец с фургонами и припасами. Мне жаль, но это значит, что мы будем удирать очень быстро много дней, а может, и недель. И это значит трудности, никаких палаток или времени строить укрытия, скудная еда на ходу, потому что мясо антилопы у нас кончается... разве что нам удастся добыть другую, но в это время года большинство дичи ушло на равнины. К тому же с Кейзером на хвосте мы и не сможем охотиться. Так что придется нелегко.

Луиза скрыла страх за улыбкой и бодрым тоном:

– После орудийной палубы «Чайки» для меня это нечто вроде рая.

Она потеряла лодыжки, на которых остались следы цепей. Раны уже заживали, шрамы шелушились, из-под них появлялась молодая розовая кожа. Баккат составил особый бальзам из жира антилопы и диких трав, и он почти чудесным образом исцелил девушку.

– Я думал отправить тебя с Замой к реке Гариеп, чтобы не подвергать тебя опасности, пока мы с Баккатом будем уводить Кейзера, но Баккат решил, что не стоит так рисковать. Следопыт Кейзера – бушмен, он настоящий маг. Вам с Замой не ускользнуть от него, даже если Баккат воспользуется всеми известными ему хитростями. Ксиа все равно найдет твой след там, где мы расстанемся, а Кейзер хочет добраться до тебя почти так же сильно, как до меня. – Лицо Джима потемнело при мысли о том, чтобы оставить ее без защиты на милость Кейзера, Коотса и Оудемана. – Нет, пойдем все вместе.

Луиза и сама удивилась, какое облегчение испытала, поняв, что он не оставит ее.

Они наблюдали, как люди Кейзера обыскивали пустую хижину, потом снова сели в седла и отправились дальше по долине, по остывшему следу. Вскоре они исчезли в горах.

– Они очень скоро вернутся, – предсказал Джим.

Ксиа понадобилось три дня, чтобы провести Кейзера по широкому кругу следа и вернуться к горам вокруг Маджубы. Джим воспользовался этой передышкой, чтобы дать лошадям и мулам возможность попасть и отдохнуть. Пока они ждали, Баккат тоже восстановил силы. Его зад снова стал объемным и жирным, когда они наблюдали за тропой.

На третий день после полудня отряд Кейзера опять появился, упорно двигаясь по старому следу. Как только Баккат их увидел, Джим и его отряд начали отступать все дальше и

дальше под защиту гор. Они поддерживали ту же скорость, что и их преследователи: оставались достаточно далеко впереди, чтобы наблюдать за врагами, но и успеть исчезнуть в случае неожиданного рывка Кейзера вперед или в случае еще какой-либо новой стратегии, которую могли придумать полковник и Ксиа в надежде застать преследуемых врасплох.

Зама и Луиза ушли вперед с мулами и грузом. Зама не торопил животных. Им позволялось пастись и отдыхать, иначе они могли быстро ослабеть. К счастью, те же самые ограничения скорости приходилось соблюдать и Кейзеру, несмотря на то что у него имелись запасные лошади.

Баккат и Джим держались прямо перед носом Кейзера, следя за ним и стараясь всегда точно знать его местоположение. Когда тропа вела через гряды или пересекала водораздел, они выжидали где-нибудь на высотке, пока Кейзер не появится на виду. Тогда Джим, глядя в подозрительную трубу, пересчитывал лошадей и людей, чтобы проверить, не стало ли их меньше. И убеждался, что количество преследователей оставалось прежним.

Когда наступала ночь, Баккат подкрадывался к лагерю Кейзера на случай, если тот замыслил какую-то подлость. Он не брал с собой Джима. Ксиа представлял собой постоянную опасность, и, хотя Джим умел двигаться в буше, в темноте он не мог сравниться с Ксиа. Поскольку Луиза и Зама шли далеко впереди, Джиму приходилось есть в одиночестве у маленького костра, а потом оставлять его горящим, чтобы обмануть возможного наблюдателя, и ускользать в темноту, за остальными двумя, охраняя их тылы на случай внезапного нападения.

Еще до рассвета Баккат оставлял свое дежурство у вражеского лагеря и догонял Джима. Потом весь день они соблюдали тот же порядок отступления.

На следующее утро Ксиа без труда читал оставленные ими следы. На третий вечер Кейзер приказал устроить внезапное нападение. С наступлением ночи они разбили лагерь. Его солдаты привязали лошадей, съели ужин и выставили караульных, потом завернулись в одеяла и позволили огню погаснуть. Они знали из наблюдений Ксиа, что Баккат шпионит за ними. Как только совсем стемнело, Ксиа тихо и незаметно вывел Коотса и Оудемана из лагеря. Они постарались проскользнуть мимо Бакката и застать врасплох Джима у его костра. Но два белых человека, даже сняв шпоры и обернув сапоги тряпками, чтобы заглушить шаги, не могли остаться незамеченными Баккатом. Он прекрасно слышал каждый их шаг в темноте. Когда Ксиа и двое белых добрались до стоянки Джима, там давно уже было пусто, а от костра остались одни угольки.

Еще через две ночи Коотс и Оудеман залегли далеко за пределами своего лагеря, поджидая Бакката. Но Баккат обладал звериными инстинктами. Он почуял Коотса за двадцать шагов: пот белого человека и устоявшийся запах сигарного дыма ощущались отчетливо. Баккат скатил со склона горы небольшой камень. Коотс и Оудеман тут же бросились на звук, паля из мушкетов. Лагерь наполнился шумом и ружейными выстрелами, и ни Кейзер, ни его люди уже не спали в ту ночь.

На следующий день Джим и Баккат наблюдали за врагами, когда те садились в седла, чтобы продолжить погоню.

– Когда наконец Кейзер сдастся и повернет назад, в колонию? – гадал Джим.

Баккат, бежавший рядом с ним, держась за кожаное стремя, хихикнул:

– Не следовало красть его лошадь, Сомоя. Думаю, это его взбесило, к тому же задело гордость. Нам придется или убить его, или ждать, пока он совершит какой-то промах. Но до того он не отступит.

– Никаких убийств, кровожадный демон! Хватит с нас похищения осужденной и кражи лошади! А вот убийство военачальника даже губернатор ван де Виттен не спустит с рук. Это отразится на моих родных. Мой отец...

Джим умолк. Последствия могли стать настолько ужасными, что даже думать о них не хотелось.

– Кейзер совсем не глуп, – продолжил Баккат. – Он уже знает, что мы собираемся встретиться с твоим отцом. И если он не знает, где это место, ему только и нужно, что следовать за нами. Так что если ты не собираешься его убивать, тебе понадобится помощь самого Кулу-Кулу, чтобы сбить Ксиа с нашего следа. А я, даже если бы шел один, не имел бы уверенности, что сумею это сделать. Но нас трое мужчин, девушка, которая никогда не бывала в джунглях, две лошади и шесть мулов! На что мы можем надеяться, если за нами идет магия охотника Ксиа?

Они добрались до очередного хребта и остановились там, чтобы дать отдохнуть Друм-файру и позволить преследователям снова приблизиться.

– Где мы сейчас, Баккат?

Джим приподнялся на стременах и оглядел царящий вокруг хаос гор и долин; эти места внушали благоговение.

– У этого места нет названия, потому что обычные люди сюда не забираются, если только не сошли с ума.

– Тогда в какой стороне море и колония?

Джим терял чувство направления в бесконечной путанице гор.

Баккат без колебаний махнул рукой, и Джим прищурился на солнце, чтобы сориентироваться, но ему и в голову не пришло усомниться в Баккате.

– Насколько далеко?

– Не слишком далеко, если ты полетишь на спине орла. – Баккат пожал плечами. – Возможно, дней восемь, если знаешь дорогу и идешь быстро.

– У Кейзера к этому времени должны подходить к концу припасы. Даже мы уже приканчиваем последний мешок чагги и двадцать фунтов кукурузной муки.

– Он съест запасных лошадей, прежде чем отступит и позволит тебе встретиться с отцом, – заявил Баккат.

В самом деле, во второй половине того же дня они увидели издали, как сержант Оудеман выбрал одну лошадь из запасного табуна и увел в ущелье рядом с лагерем Кейзера. Пока Оудеман придерживал лошадь, а Рихтер и Ле Рич точили ножи о камень, Коотс проверял запал своего пистолета. Потом он подошел к животному и прижал дуло пистолета к белому пятну на его лбу. Выстрел прозвучал глухо, но лошадь сразу упала, конвульсивно дергая ногами.

– Конский бифштекс на ужин, – пробормотал Джим. – У Кейзера еды еще на неделю, не меньше. – Он опустил подозрную трубу. – Баккат, мы не можем еще долго так бродить. Отец не сможет вечно ждать нас на реке.

– Сколько лошадей у них осталось? – спросил Баккат, задумчиво пощипывая свой нос.

Джим снова поднял трубу и направил на далекий табун.

– ...Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, – считал он. – Восемнадцать, включая серого, на котором едет Кейзер. – Он внимательно посмотрел на Бакката, но тот ответил невинным взглядом. – Лошади? Ну конечно! – воскликнул Джим.

Лицо Бакката изменилось, сморщившись в хитрой улыбке.

– Да. Их лошади – вот единственный способ для нас напасть на них.

Преследователи неустанно загоняли их в глушь, где даже Баккат не бывал прежде. Дважды они видели подходящую дичь: один раз четыре канны появились на фоне неба, потом – полсотни прекрасных антилоп нильгау. Но если бы беглецы отклонились в сторону, гонясь за животными, они могли бы потерять направление, а оружейный огонь мог заставить Кейзера и его солдат броситься в отчаянную погоню, и он догнал бы их прежде, чем они успели бы

освежать добычу. И если бы они пристрелили одного из мулов, произошло бы то же самое. А провизия у них почти иссякла. Джим использовал последнюю горсточку кофейных зерен.

Зама шел медленнее, принарамливаясь к Луизе, и мулы едва тащились. Расстояние между двумя группами сокращалось, пока Джим и Баккат не догнали их. Но солдаты Кейзера продолжали двигаться быстро, так что маленькому отряду Джима стоило все большего труда сохранять дистанцию. Свежая конина, зажаренная на огне, как будто вернула силы и решимость отряду Кейзера. Луиза слабела. Она была сильно истощена уже тогда, когда начался их побег, а теперь, имея мало пищи и отдыха, она приближалась к пределу своих возможностей.

Вдобавок к прочим тревогам Джима к погоне присоединились другие охотники. Беглецы, чутко спавшие в темноте, замерзшие и голодные, не имея днем времени даже на то, чтобы набрать хвороста, и постоянно ожидая, что к ним подкрадутся люди Кейзера, вдруг оказались разбужены ужасным звуком. Луиза вскрикнула, не успев сдержаться:

– Что это?

Джим выскочил из-под меховой накидки и, подбежав к ней, обнял ее за плечи. Девушка, охваченная сильным испугом, даже не отшатнулась. Звук повторился: он представлял собой низкое ворчание, все нараставшее и наконец превратившееся в настоящий гром, отдавшийся эхом от темных гор.

– Что это?

Голос Луизы дрожал.

– Львы, – объяснил Джим.

Не имело смысла обманывать ее, поэтому Джим попытался ее отвлечь:

– Даже самые храбрые люди пугаются льва трижды: когда впервые видят его след, когда впервые слышат его рык и когда впервые встречаются с ним нос к носу.

– Мне и одного раза довольно, – сказала Луиза, и, хотя у нее срывался голос, она попыталась засмеяться.

Джим ощутил прилив гордости, видя ее храбрость. Потом он убрал руку с ее плеча, когда ощутил, как она неловко съежилась. Она все еще боялась мужских прикосновений.

– Они идут за лошадьми, – пояснил Джим. – Если судьба будет к нам благосклонна, они могут напасть на животных Кейзера вместо наших.

Словно в ответ на его пожелание через несколько минут они услышали мушкетные выстрелы в нижней части долины, где, как они видели, преследователи разбили лагерь на ночь.

– Львы, похоже, на нашей стороне. – Луиза снова засмеялась, чуть менее нервно.

Весь остаток этой ночи они время от времени слышали далекие выстрелы.

– Львы пока что осаждают лагерь Кейзера, – сказал Джим. – Если нам повезет, они лишатся части лошадей.

На рассвете они снова бросились в бегство, но Джим посмотрел назад в подозрную трубу и увидел, что все лошади Кейзера целы.

– Они сумели отогнать львов, вот жалость! – сообщил он Луизе.

– Будем надеяться, что ночью львы повторят попытку, – ответила она.

Этот день стал самым тяжелым из всех, что им пришлось вынести. К полудню с северо-запада налетела гроза и облила их холодным дождем. Ветер дул до самого захода солнца, а при последнем дневном свете они увидели, что враги уже меньше чем в лиге от них и упорно продвигаются вперед.

Джим не остановил отряд и после наступления темноты. Это был кошмарный ночной переход по мокрой опасной земле, через ручьи, угрожающе вздувшиеся после дождя. Джим понимал в глубине души, что долго им уже не выдержать.

Когда наконец они остановились, Луиза почти упала со спины Верной. Джим закутал ее в сырую меховую накидку и дал ей небольшой кусочек чагги, едва ли не последний из их запасов.

– Ешь ты, – запротестовала девушка. – Я не голодна.

– Съешь немедленно! – приказал он. – Не время геройствовать.

Луиза заснула, успев проглотить лишь немного. Джим подошел к сидевшим рядышком Зама и Баккату.

– Пора кончать, – мрачно сказал он. – Мы должны сделать это нынче ночью или уже никогда. Нужно добраться до их лошадей.

Они весь день обдумывали подробности, собираясь предпринять свою отчаянную попытку. Джим, хотя и храбрился, прекрасно понимал, что они почти наверняка обречены.

Баккат был единственным из них, кто действительно имел хоть какой-то шанс обмануть бдительность Ксиа и прокрасться незамеченным в лагерь врага, но он не мог в одиночку освободить от привязи все семнадцать лошадей и увести их.

– Одну или две – смогу, – сказал он Джиму. – Но не восемнадцать.

– Мы должны увести всех.

Джим посмотрел в небо. Лунный серп плыл между остатками дождевых туч.

– Света для такого дела вполне достаточно.

– Баккат мог бы добраться до лошадей и подрезать им сухожилия, – предложил Зама.

Джим смущенно дернулся: мысль о том, чтобы искалечить животных, вызвала в нем отвращение.

– Первая же лошадь заржет так громко, что Баккат мгновенно поднимет весь лагерь. Нет, это не поможет.

Тут Баккат внезапно вскочил и громко принялся.

– Придержите лошадей! – воскликнул он. – Скорее! Львы приближаются!

Зама подбежал к Верной и схватил ее за уздечку. Баккат бросился к мулам, чтобы посмотреть за ними. Мулы проявят куда большее послушание, чем два чистокровных скакуна.

Джим едва успел. Он обхватил голову Друмфайра, когда жеребец поднялся на задние ноги и пронзительно заржал от ужаса. Джим взлетел над землей, но не выпустил шею Друмфайра и заставил коня опуститься.

– Спокойнее, милый. Спокойно, спокойно!

Но конь продолжал бить копытами и пятиться, пытаясь вырваться. Джим закричал Баккату:

– В чем дело? Что происходит?

– Это лев, – выдохнул Баккат. – Вонючий демон! Он ходит кругами и оставляет свои метки в лесу. Львицы будут ждать и схватят любое животное, которое бросится прочь.

– Боже праведный! – воскликнул Джим. – Даже я чую его вонь!

Острый звериный запах вошел в его ноздри и застрял в глубине горла; он оказался куда отвратительнее, чем кошачьи метки. Друмфайр снова попятился. Запах сводил его с ума. Он вышел из-под власти хозяина. Джим понял, что теперь ему не удержать коня. Он все еще висел на шее жеребца, но теперь его ноги едва касались земли. Друмфайр бросился галопом, таща за собой Джима.

– Львицы! – пронзительно закричал Баккат. – Осторожно! Тебя поджидают львицы!

Копыта Друмфайра стучали по каменистой почве, и Джиму казалось, что его руки вот-вот вырвет из плеч.

– Отпусти его, Сомоя! Все равно его не остановить! – кричал ему вслед Баккат. – А львицы и тебя разорвут!

В этот момент ноги Джима коснулись земли, и он изо всех сил оттолкнулся от нее, подпрыгнул и забросил одну ногу на спину Друмфайра. Легко приноровившись к бегу жеребца, он выхватил из-за пояса пистолет Кейзера и моментально взвел курок.

– Справа от тебя, Сомоя!

Голос Бакката затих позади него, но Джим вовремя уловил предупреждение. Он увидел движение – львица выскочила из укрытия справа от него. В слабом лунном свете она казалась бледной, как призрак, огромной, бесшумной и жуткой.

Джим поднял пистолет и подался вперед. Он попытался придержать Друмфайра, стиснув его бока коленями, но жеребец уже ничему не подчинялся. Джим увидел, как львица прижалась к земле, готовясь к прыжку. И тут же взлетела в воздух, прыгнув прямо на Джима. Целиться было некогда. Джим инстинктивно направил ствол пистолета в морду зверя. Львица находилась так близко, что он видел обе ее передние лапы с огромными изогнутыми когтями, тянувшиеся к нему. Разинутая пасть зверя выглядела черной ямой. Зубы блестели в лучах луны, как фарфоровые, а зловонное дыхание окатило жаром лицо Джима, когда львица зарычала.

Он выстрелил, держа пистолет в вытянутой правой руке, и вспышка ослепила его. Огромная тяжесть львиного тела обрушилась на них. Даже Друмфайр пошатнулся под ее весом, но сразу оправился и галопом помчался дальше.

Джим чувствовал, как когти львицы впились в его сапог, но тут же соскользнули. Огромное тело упало, бессильно ударившись о твердую землю, и застыло.

Джиму понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: он выскочил из стычки невредимым. Следующей его мыслью была мысль о Друмфайре. Джим наклонился вперед и обнял коня за шею, успокаивающе приговаривая:

– Все кончилось, милый ты мой! Да! Ты хороший мальчик!

Уши Друмфайра дернулись назад – он прислушивался к голосу Джима. Понемногу он перешел на легкую рысь, а потом и на шаг. Джим повернул его назад, вверх по склону. Но как только жеребец почуял кровь львицы, он начал пятиться и пританцовывать, нервно скидывая голову.

– Львица мертва, – слышался из темноты голос Бакката. – Ты попал ей прямо в пасть, разнес весь череп.

– А лев где? – громко спросил Джим.

Словно в ответ на его вопрос раздался львиный рев, но уже на вершине горы, в доброй миле от них.

– Льву теперь от нее никакого проку, – засмеялся Баккат. – Так что он просто бросил свою жену. Трусливая вороватая тварь!

Джиму с трудом удалось подвести Друмфайра к Баккату, стоявшему рядом с убитой львицей. Конь все еще упрямылся и нервничал.

– Никогда не видел его таким испуганным! – воскликнул Джим.

– Ни одно животное не может сохранять спокойствие и храбрость, когда чует львиную мочу или кровь, – ответил Баккат.

И тут они одновременно воскликнули:

– Вот оно! Это способ!

Полночь давно миновала к тому времени, когда они добрались до гребня над лагерем врагов. Костры там почти догорели, но в темноте виднелись фигуры часовых – те не спали.

– Только и нужно что небольшой ветерок с востока...

Джим придерживал Друмфайра, успокаивая. Жеребец все еще дрожал и потел от страха. Даже рука и голос Джима не помогали. Каждый раз, когда тело львицы, которое он тащил за собой, скользило по склону в его сторону, конь бешено таращил глаза.

– Мы должны держаться с подветренной стороны, – пробормотал Баккат. – Их лошади не должны почуять запах, пока мы не подготовимся.

Они обмотали копыта Друмфайра полосками мягкой кожи и точно так же обернули все металлические части упряжи. Баккат шел впереди, убеждаясь, что путь свободен, и они обогнули лагерь с западной стороны.

– Даже Ксиа должен иногда спать, – шепнул Джим Баккату, но без особой уверенности.

Они медленно приближались, и когда оказались уже в половине пистолетного выстрела от территории лагеря, то отчетливо увидели фигуры стражей – те сидели вокруг едва тлевших костров.

– Дай нож, Сомоя, – прошептал Баккат. – Твой острее моего.

– Если ты его потеряешь, я возьму взамен оба твоих уха! – чуть слышно пригрозил Джим, протягивая нож Баккату.

– Жди сигнала!

Баккат исчез так же внезапно, как делал это всегда: словно растаял в воздухе. Джим стоял возле Друмфайра, сжимая морду коня, чтобы не позволить тому заржать, если он почует запах других лошадей.

Баккат подобрался к кострам как призрак, и его сердце подпрыгнуло, когда он увидел Ксиа. Его враг сидел напротив второго костра, закутавшись в накидку из звериных шкур. Баккат видел, что глаза Ксиа закрыты, а голова то и дело склоняется в дремоте.

Сомоя оказался прав. Баккат улыбнулся себе под нос. Иногда и Ксиа засыпает.

Тем не менее он обошел Ксиа подальше, зато проскользнул почти вплотную к капралу Рихтеру, охранявшему лошадей. Первым делом Баккат подобрался к серому коню Кейзера. И начал низко гудеть, издавая глубиной горла мягкий убаюкивающий звук. Серый слегка дернулся и насторожил уши, но только и всего. Баккат выждал мгновение, а потом перерезал кожаные ремни недоуздки.

Потом он приблизился ко второй лошади в длинном ряду, продолжая все так же тихо гудеть, и осторожно подсунил нож под веревку, которая опутывала ноги лошади.

Баккат уже прошел половину ряда, когда услышал, как позади закашлялся капрал Рихтер, а потом сплюнул. Баккат прижался к земле и застыл. Рихтер встал и пошел вдоль ряда лошадей, задержавшись около серого. Но в темноте он не заметил болтавшихся концов ремней. Капрал направился дальше, чуть не наступив на Бакката.

Дойдя до конца ряда, капрал развязал тесемки на гульфике своих бриджей и шумно помочился на землю.

Когда он возвращался, Баккат уже заполз под брюхо одной из лошадей, и капрал прошел мимо, даже не посмотрев в его сторону. Вернувшись на свое место у костра, Рихтер что-то сказал Ксиа, ответившему хриплым ворчаньем.

Баккат выждал немного, давая им успокоиться, потом пополз дальше и перерезал уздечки и путы на ногах каждой лошади.

Джим услышал сигнал – переливчатый тихий зов ночной птицы, совершенно естественный, так что он лишь надеялся, что его издал маленький бушмен, а не настоящая птица.

– Теперь не вздумай пятиться! – сказал Джим Друмфайру и вскочил коню на спину.

Жеребца не пришлось подгонять, он слишком сильно нервничал и, как только почувствовал на своих боках пятки Джима, рванулся вперед. Труп львицы был взрезан, ее внутренности вываливались наружу, скользя следом, и Друмфайр уже не мог этого выносить. На полном скаку он пронесся через спящий лагерь, а Джим на его спине пронзительно кричал, визжал и размахивал над головой шляпой.

Баккат выскочил из темноты на дальней стороне лагеря, рыча и завывая так громко, что это казалось невероятным для столь маленького тела. Он безупречно подражал голосу льва.

Капрал Рихтер, не совсем проснувшись, вскочил и выпалил из мушкета, когда Джим проносился мимо него. В Друмфайра пуля не попала, зато раздробила переднюю ногу одной из лошадей врага. Животное пронзительно заржало и дернулось вперед, разорвав ослабленные ремни, а потом упало и стало кататься на спине, колотя ногами в воздухе.

Весь лагерь проснулся, солдаты схватились за мушкеты. Паника оказалась заразной, они принялись стрелять в воображаемых львов и напавших на них людей, все кричали.

– Это ублюдок Кортни! – ревел Кейзер. – Вон он, там! Стреляйте в него! Не дайте ему уйти!

На лошадей обрушился оглушительный шум, грохотали выстрелы, и еще до них донесся жуткий запах крови и кишок львицы. В прошлую ночь на них несколько раз пытался напасть львиный прайд, и память об этом была слишком свежа. Лошади не могли стоять на месте: дергались на привязи, вставали на дыбы и ржали. Ремни один за другим лопались, животные вырывались на свободу. Они всем табуном помчались прочь от лагеря, несясь по ветру, прочь от страшного запаха.

Следом за ними скакал на Друмфайре Джим. Баккат вдруг появился рядом и схватился за кожаное стремя. И когда Друмфайр уносил их прочь, Баккат продолжал реветь и рычать, как голодный лев. За облаком поднятой ими пыли в бешенстве орали Кейзер и его солдаты, стреляя так часто, как только могли перезаряжать оружие.

– Остановить их! – во все горло вопил Кейзер. – Они уводят наших лошадей! Остановите их!

Он споткнулся о камень и упал на колени, задыхаясь; его сердце колотилось так, словно вот-вот разорвется. Кейзер смотрел вслед исчезающему табуну, и весь ужас их будущего обрушился на него в полной мере.

Он и его люди остались в горах, где не было дорог, не меньше чем в десяти днях пути от цивилизации. Их припасы почти иссякли, да и то, что осталось, они едва ли могли унести с собой.

– Свинья! – закричал он. – Я тебя все равно найду, Джим Кортни! Я не буду знать отдыха, пока не увижу тебя на виселице, пока стервятники не выключат твои глаза, а черви не заполнят твой череп! Клянусь всем святым, и пусть Господь станет моим свидетелем!

Убегавшие лошади держались вместе, и Джим гнал их вперед. Он перерезал веревку, на которой тащил труп львицы, и тот остался позади. Друмфайр, радуясь тому, что избавился наконец от вонючего груза, сразу успокоился.

Примерно через милю табун замедлил ход, но Джим продолжал гнать лошадей вперед. Через час он уже знал, что никто из солдат в тяжелой обуви и с оружием не сможет их догнать. Он перевел табун на легкую рысь – так они могли бежать очень долго.

Перед нападением на лагерь Кейзера Джим отправил Заму и Луизу вперед, с Верной и мулами. У них имелось несколько часов форы, но Джим догнал их через час после рассвета. Их встреча сопровождалась эмоциями.

– Мы ночью слышали стрельбу, – сказала Луиза, – и опасались худшего, но я молилась за тебя. И мы остановились только минуту назад, когда я услышала, что ты нас зовешь.

– Ну что ж, все прекрасно, Ёжик! Ты, наверное, чемпион по молитвам!

Джим, хотя и усмехался, чувствовал почти неодолимое желание снять Луизу со спины Верной и прижать к себе, защищая и успокаивая. Она выглядела такой худой, бледной, измученной... Но вместо этого он просто спешил сам.

– Разводи огонь, Зама! – велел он. – Немного погреемся и отдохнем. Черт меня побери, если мы не съедим последний кусок, не допьем кофе и не будем спать, пока не выспимся. – Он засмеялся. – Кейзеру теперь придется возвращаться в колонию пешком, и он нас довольно долго не побеспокоит.

На этот раз Джим не позволил Луизе отказаться от кружки кофе, а она, ощутив горьковатый вкус, уже не стала обманывать себя и с благодарностью осушила кружку. Она перестала дрожать, на ее щеки вернулось немного краски. Луиза даже слабо улыбалась шуткам Джима. А он заново наполнял котелок с кипящей водой, как только тот опустевал. Каждый раз кофе становился все более слабым, но он помог им воспрянуть духом, и Джим уже снова стал веселым и кипел энергией. Он рассказывал Луизе, как Кейзер отреагировал на внезапный налет, и изображал, как тот прыгал босиком по камням, размахивая мечом, выкрикивая угрозы и спотыкаясь в темноте. Луиза смеялась до слез.

Джим и Зама осмотрели угнанных лошадей. Лошади пребывали в хорошем состоянии, учитывая долгий и тяжелый путь, который им пришлось преодолеть. Серый мерин Кейзера был вожак. Кейзер звал его Зен, но Джим решил назвать его по-английски: Фрост – Мороз.

Теперь, когда у них появились запасные лошади, они могли двигаться быстрее к месту встречи на реке Гариеп. Но сначала Джим дал лошадям отдохнуть и поpastись, зная, что Кейзер уже их не потревожит.

Луиза тоже воспользовалась передышкой. Закутавшись в шкуры, она уснула. И лежала так тихо, что Джим даже встревожился. Осторожно приподняв край шкуры, он убедился, что девушка дышит.

Как раз в то утро, перед тем как догнать Заму и Луизу, Джим заметил маленькое стадо горных косульих антилоп, четыре или пять особей, пасущихся среди камней на склоне над долиной. И теперь он оседлал Фроста, а Баккат поехал на одной из захваченных лошадей без седла. Джим оставил Луизу спать, а Заму – охранять ее, и они вернулись к тому месту, где видели антилоп. Стадо за это время ушло, и склон опустел, но Джим знал, что вряд ли животные могли удалиться слишком далеко. Они с Баккатом стреножили лошадей и оставили их пастись на небольшом пятне свежей сочной травы с розовыми цветами. А сами отправились вверх по склону.

Баккат нашел след антилоп перед самым гребнем и быстро побежал по каменистому склону, так что Джим едва успевал за бушменом. На другой стороне горы они увидели стадо, уже спрятавшееся от холодного ветра за нагромождением огромных валунов. Баккат подвел Джима близко к животным; юноша крался, как леопард, держа наготове мушкет. За семьдесят шагов от антилоп Джим понял, что ближе подойти нельзя, чтобы не спугнуть стадо. Он выбрал жирную рыжую антилопу, лежавшую хвостом к нему и лениво пережевывавшую жвачку. Он знал, что мушкет бьет на три дюйма вправо со ста шагов, поэтому уперся локтями в колени для уверенного выстрела и прицелился. Пуля ударила в затылок антилопы, и голова животного разлетелась с треском, как спелая дыня. Антилопа даже не шевельнулась, просто уронила голову на землю. Остальные животные метнулись прочь, сверкая белыми хвостами и издавая тревожные свистящие звуки.

Джим с Баккатом освежали и выпотрошили добычу, попутно насладившись сырой печенкой. Антилопа была небольшого размера, молодая и жирная. Они бросили шкуру, голову и кишки и вместе отнесли остальное к лошадям.

Как только они уложили мясо на спину Фроста, Баккат набил свою продуктовую сумку полосками свежего мяса, и они расстались. Вооружившись подозрительной трубой Джима, Баккат отправился обратно, чтобы проследить за Кейзером и солдатами. Джим хотел, чтобы бушмен удостоверился: те отказались от погони, оставшись без лошадей, и двинулись в обратный тяжелый путь через горы к далекой колонии. Джим не чувствовал уверенности, что Кейзер поступит именно так, как он ожидает: он научился уважать упорство полковника и понимал силу его ненависти.

К тому времени, когда Джим добрался до лагеря, перевалило уже за полдень, но Луиза все еще спала. Аромат жарившегося мяса антилопы разбудил девушку. Джим умудрился еще

раз заварить водянистый кофе из старых смолотых бобов, и Луиза ела с откровенным удовольствием.

Поздно днем, когда солнце уже опустилось к вершинам, окрасив их огненными сполохами, в лагерь вернулся Баккат.

– Я нашел их в пяти милях от того места, где мы на них напали, – сообщил он Джиму. – Они и думать забыли о погоне. Бросили все снаряжение, взяв только то, что смогли унести на спинах, а остальное даже сжечь не успели! Я собрал все, что может пригодиться.

Пока Зама помогал ему снимать с лошади груз, Джим спросил:

– Куда они направляются?

– Как ты и надеялся, Ксиа ведет их обратно на запад, напрямик к колонии. Но идут они медленно. Большинство белых людей плохо себя чувствуют. Их сапоги хороши для верховой езды, но не для пешей ходьбы. Жирный полковник уже хромает и опирается на палку. Не похоже, что он выдержит долго, и точно не те десять дней, которые им нужны, чтобы добраться до колонии. – Баккат внимательно посмотрел на Джима. – Ты говорил, что не хочешь его убивать. Но его могут вместо тебя убить горы.

Джим покачал головой.

– Нет, Стефанус Кейзер не дурак. Он отправит Ксиа вперед, в колонию, за свежими лошадьми. Может, он и похудеет немного, но не погибнет, – заявил он с уверенностью, которой не чувствовал.

А мысленно он добавил: «По крайней мере, я надеюсь, что не погибнет».

Джим совсем не хотел, чтобы смерть Кейзера упала камнем перед дверью дома его семьи.

В первый раз за много недель им не приходилось мчаться во весь опор, чтобы оторваться от преследования. Баккат нашел в брошенных отрядом Кейзера седельных сумках небольшой мешочек муки и бутылку вина. Луиза испекла на углях плоские пресные лепешки, приготовила мясо и требуху антилопы, и они запили все это отличным старым кларетом Кейзера. Алкоголь для племени сан был самым настоящим ядом, и Баккат, глупо хихикая, чуть не свалился в костер, пытаясь встать.

Меховые накидки просохли после грозы, прошедшей накануне, и теперь, набрав побольше кедровых веток, чтобы поддерживать душистый огонь в костре, путники смогли в первый раз за много ночей насладиться спокойным сном.

Рано утром они отправились дальше – сытые, отдохнувшие, верхом; они ехали к месту встречи у холма Голова Бабуина. Только Баккат все еще страдал от последствий трех глотков вина, выпитого им накануне.

– Я отравился, – бормотал он. – Я теперь умру!

– Нет, не умрешь, – заверил его Джим. – Твои предки не станут забирать к себе плута вроде тебя.

Уже три дня полковник Стефанус Кейзер с трудом тащился вперед, хромая, опираясь на посох, вырезанный для него капитаном Коотсом. С другой стороны его поддерживал Гоффел, один из солдат-готтентотов. Дорога казалась бесконечной: крутые спуски сменялись опасными подъемами, на которых под ноги то и дело подворачивались камни. За час до полудня третьего дня такого марша Кейзер окончательно утратил силы. Он со стоном опустился на небольшой валун рядом со звериной тропой, по которой они шли.

– Гоффел, никчемный ублюдок, сними с меня сапоги! – рявкнул он, вытягивая одну ногу.

Гоффел вцепился в большой пыльный заскорузлый сапог и пошатнулся назад, когда тот слетел с ноги полковника и остался в его руках.

Остальные собрались вокруг и в страхе уставились на открывшуюся ногу. Носок превратился в окровавленные лохмотья. Вздущиеся на коже пузыри лопнули, оставив открытые раны.

Капитан Коотс моргнул светлыми глазами. Бесцветные ресницы придавали его взгляду пустое выражение.

– Полковник, сэр, вы не можете идти дальше в таком состоянии.

– Именно это я и твержу тебе последние двадцать миль, болтливый идиот! – огрызнулся Кейзер. – Пошли людей соорудить для меня сидячие носилки.

Солдаты обменялись нервными взглядами. Они уже были тяжело нагружены тем снаряжением, которое Кейзер заставил их тащить назад в колонию, включая его английское охотничье седло, складной стул и походную койку полковника, его фляги и постель. А теперь им, похоже, предстояла честь тащить еще и самого полковника.

– Вы слышали полковника! – повернулся к ним Коотс. – Рихтер! Вы с Ле Ричем найдите два кедровых шеста. Штыками снимите с них кору. Мы привяжем к ним седло полковника полосками коры.

Солдаты отправились выполнять приказ.

Кейзер на босых окровавленных ногах доковылял до ручья и сел на берегу. Опустив ступни в холодную прозрачную воду, он вздохнул от облегчения.

– Коотс! – крикнул он.

Капитан быстро откликнулся на зов:

– Да, полковник, сэр!

Он замер на берегу. Это был худой, жилистый мужчина, с узкими губами и широкими костлявыми плечами под зеленым мундиром из грубого сукна.

– Хочешь заработать десять тысяч гульденов? – Кейзер заговорил тихо, доверительно.

Коотс представил себе такую кучу денег. Ему пришлось бы служить почти пять лет, чтобы получить столько при его нынешнем чине, а подняться выше по военной лестнице он и не надеялся.

– Это очень большие деньги, сэр, – осторожно ответил он.

– Мне нужен этот молодой ублюдок Кортни. Я хочу его достать так, как не хотел ничего в жизни.

– Я понимаю, полковник, – кивнул Коотс. – Мне и самому хотелось бы до него добраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.